

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

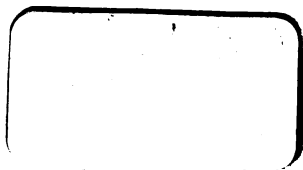
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Star 4170-555 (8)

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

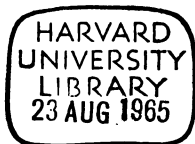

**This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by
University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965**

△
Slav 4170.555 (8)

✓

ND EA

**СЪВЕРНЫЕ
ЦВѢТЫ**

**НА
1832 ГОДЪ.**

**САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА ВИДШЕЙ ТОРГОВЛИ.**

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ штемъ, чинобы по замечаніи представ-
лены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземляра. С. Петербургъ, Октября 9 дня
1851 года.

Ценсоръ В. Селеновъ.

104237

'07

О Г Л А В Л Е Н І Е.

П Р О З А.

	Стран.
<i>Батюшкова (К. П.)</i>	
Предслава и Добрыня, повесть	1
<i>Вигурина (Н. . .)</i>	
Байкаль. Письмо къ О. М. С.	66
* * *	
Опрывокъ изъ китайскаго романа.	86
<i>Глинки (Ө. П.)</i>	
Важный споръ, аллегорія	246
<i>Дажышкова (П. П.)</i>	
Страшный Судъ	110
<i>Максимовича (М. А.)</i>	
О жизни расшений	155
<i>Шикитенка (А. В.)</i>	
Опрывокъ изъ романа: Леонъ или идеализмъ	255

в. г. й. *Содержание* Стран.

Opere del cavaliere Giambattista
Piranesi. 47

Погодина (М. П.)

Нечто о науке 283

Солова (О. М.)

Свановство, повесть, 150

Живой в общине блаженства
вечного. 296

Тригунаго.

Дума. Посвящ. памяти Графа
Каподистриа 241

П о э з и я.

Баратынского (Е. А.)

Мой Элизий. 98

Волконской (Княгини З. А.)

Надгробная пьсь славянскаго гу-
ляра. 86

Моей звезде 167

Вяземскаго (Князя П. А.)

Хандра	88
Тоска	90
Д. А. Окуловой	105
Володинъ Карамзину	154
До свиданія	152
Предопредѣленіе	182

Глинки (Ө. П.)

Лѣсныя войны	94
Отрывокъ изъ поэмы: Безымен- ныя, или Два карельскихъ лѣсовъ	138
Псаломъ 103-й	158
Созерцаніе	177

Деларю (М. Д.)

Увѣдающая роза	33
Замужней Еленѣ	45
Псаломъ	51
Мирра (изъ Овидія)	62
Элегія	155
Апологическое четверостишіе	157
Къ * * *	174
Мизантъ Дельвинъ	180

Дельвига (Барона А. А.)

Къ Морзею	4
Сопень	6
Рускія пѣсни:	
1.	7
2.	8
Опырокъ	9

Дмитріева (П. П.)

В. А. Жуковскому	16
----------------------------	----

Жуковского (В. А.)

Отвѣтъ П. П. Дмитріеву	11
Сраженіе съ змѣей	187

Болгарова (А. А.)

Позъ	85
Опырокъ изъ сельской поэмы:	
Жаба	118

Метерскаго (Гилзъ А. В.)

Славяны	149
-------------------	-----

Пушкова (А. С.)

Эпиграфъ в Сальери	17
Аэрологическія эпиграммы	41

Эхо	50
Делибанъ	58
Апчаръ, древо ада	113
Бъсы	169

Розена (Барона Е. О.)

Маслуній рогъ въ Петербургъ	14
Проклятіе	44
Гречанка	124

Ставелова (Н. . . .)

Спрашикъ	144
--------------------	-----

Станкевича (Н. . . .)

Пѣснь духовъ изъь водами (изъ Гёне)	147
Вой часовъ на Спасской башнѣ	173

Тепловой (Н. С.)

Языкъ очей	54
Къ ней	80
Любовь	164

Т — ой (С. С.)

Сесиръ въ альбомъ	55
-----------------------------	----

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

П р о з а.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
50	14	Какъ <i>записатель-</i> <i>но!</i>	Какъ <i>инципатель-</i> <i>но!</i>
52	8—9	<i>подъ котораго</i> <i>болшалея</i>	<i>подъ которыя</i> <i>болшалея</i>
65		(подъ <i>сманьею</i>). <i>ъ. ъ. й.</i>	<i>. ъ. ъ. й.</i>

П о э з и я.

<i>Стр.</i>	<i>Стихъ</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
42	5	Ее <i>пріяла</i> сама Мнемозина.	Ее <i>пріяла</i> сама Мнемозина.
50	11	<i>Тебѣ</i> пѣнь <i>опы-</i> <i>ва...</i>	<i>Тебѣ</i> жъ пѣнь <i>опы-</i> <i>зва...</i>
60	5	Ахъ, <i>зачѣмъ</i> <i>огне-</i> <i>ныя</i> <i>взоромъ,</i>	Ахъ, <i>зачѣмъ</i> <i>огне-</i> <i>ныя</i> <i>взоромъ,</i>
62		(въ латинскомъ текствѣ 2-й стихъ): <i>manant ea arbore</i> <i>guttac.</i>	<i>manant ex arbore</i> <i>guttac.</i>
141	1	<i>Или</i> <i>пегу</i> въ <i>серд-</i> <i>це</i> <i>вдуешь,</i>	<i>Или</i> <i>пегу</i> въ <i>серд-</i> <i>це</i> <i>вдуешь,</i>

И П О З А.

ПРЕДСЛАВА и ДОБРЫНЯ.

СТАРШІНАЯ ПОВѢСТЬ (*).

Древній Кіевъ уноналъ въ весе-
ліи, когда гонецъ принесъ вѣсть о
побѣдѣ надъ Печенѣгами. Скаченъ
всадникъ за всадникомъ, и послѣдній
возвѣщаеиъ приближеніе побѣдонос-
наго войска. Шумными шолками из-

(*). Повѣсть сія сочинена Банюшковымъ въ
деревнѣ (1810 года) и подарена одному лю-
бимому Словесности, которому свиде-
тельствуемъ искренною благодарностію за
сообщеніе драгоцѣнной сей рукописи и за
позволеніе нанечать на нѣю. Можеть
быиъ найдены въ этой повѣсти недосма-

пекають Кіевці через врана сѣверныя: радосный гласъ цѣвницъ и восклицаній народныхъ раздаеся по холмамъ и долинамъ, покрытымъ снѣгомъ и веселою апрѣльской зеленою. Шыльное облако уже показалось въ ондаленіи; оно приблизилось, разсѣялось и обнажило снѣжные досѣхи и разнуцанные стяги войска, пылающіе огнь лучей утренняяго солнца. Владиміръ, счастливыи Владиміръ ведеть рать свою, и красныя дѣвы сыпають предъ конемъ его цѣвны и шравы весеніе. Въ уснройснвѣ рашномъ проходнщѣ дружина, шихо

нокъ созданіа и народности, можетъ быть скажутъ, что въ ней не видно древней Руси и двора Владимірова; какъ бы то ни было, но поэтическая душа Банникова ошевѣчивается въ ней, какъ и въ другихъ его произведеніяхъ, и иѣжныи, благородныи чувствованія выражены прекраснымъ, гармоническимъ слономъ.

и шоржественно, рядъ за рядомъ; и шумныя шодпы восшорженныхъ Кіевцевъ безпрерывно възклицають: »Да здравствувенъ побѣдшнелъ Печенъговъ, храбрый Владиміръ!« — Герой, по обычаю древнему, преклонилъ мечъ свой къ землѣ, благосклонно поклонился народу и сказалъ богашырскимъ голосомъ: »Чеснъ и слава Добрынь; онъ избавшнелъ мой!« — Богашырь, сшдзщій на борзомъ конѣ своемъ, опрѣшнелъ злзшную запову забрала, сшлелъ шлемъ и опкрывъ голову предъ народомъ и Владиміромъ, въ знакъ почшенія и благодарносшн. Слезы блнспали въ очахъ его; черныя кудри, колеблемыя дыханіемъ вѣпра, развѣдшлись по плечамъ и правая рука его лежала на сердцѣ. Восшорженныя Кіевляне снова възкликнули: »Чеснъ и слава Добрынь и всей дружинѣ руской!« — Цѣпшы посыпашлись на юношу изъ рѣзшхъ

кошницъ прекрасныхъ женъ и дѣвъ кievскихъ, и вхо разнесло по благоуханной долигѣ, гдѣ видны были развалины храма, посвященнаго вѣчноююй Змицератъ: »Честнъ и слава дружиннѣ!»

Супруга Владиміра, прекрасная Царевна Анна, и дочь ея Предслава, выходящъ на встрѣчу къ Великому Князю. Онъ просшираетъ къ нимъ свои руки, попеременно прижимаетъ къ снательной бронтъ — водъ конторой билось нѣжное сердце — но супругу, но дочь свою, и все шруды ранныя забыны въ еію сладкую минушу свиданія! — Владиміръ указываетъ имъ на Добрыню: »Вонъ избавишель мой!» говоритъ онъ, обращаясь къ супругѣ, къ царедворцамъ и сѣдовласымъ мудрецамъ греческимъ, припекшимъ съ Царевною изъ Царяграда. »Вонъ избавишель мой!» продолжаетъ Великій Князь: »когда еди-

поборство съ исполномъ печенѣгскимъ кончилося побѣдою, когда войска мои ринулись вослѣдъ бѣгущимъ врагамъ; тогда я, увлеченный побѣдою, скакалъ по гудамъ шлемъ и вниоргея въ толпу оичаянныхъ враговъ. Мечи ихъ заеверкали надо мной, стрѣлы пробили шлемъ и щинъ; смерть была неизбѣжна. Но Добрыня разсыялъ толпы враговъ, вниоргея въ средину ужасной стѣны: онъ спасъ меня! Чѣмъ и какъ заплачу ему? — Слезы благодарности заблнениали въ очахъ прекрасной Анны; она подала супругу своему и Добрынь правую и лѣвую руку, и повела ихъ по узорчатымъ коврамъ въ высокій перемъ княжескій. Пределава взглянула на Добрыню, и ланины ея запылали, подобно алой зарѣ предъ упренимъ солнцемъ; и длинныя рѣсеницы ея покрылись влагою, какъ у сивидливой

дѣвы, взглянувшею на жениха своего при блескѣ брачныхъ свѣщальниковъ.

Прекрасна ты была, Княжна кievская! Осѣненная длиною фашою, ты была подобна спыдливому мѣсяцу, когда онъ сквозь шонкiй шуманъ смошрншь на безмолвныя долины и на снiй Дiгбиръ, сверкающiй въ просѣкахъ дубовыхъ. Но онъ чего сильно бѣнся дѣвическое сердце швое, подъ нарчами и зааною дымкою? Онъ чего бѣлая грудь швоя волнуется, какъ лебедь на заливахъ Чернаго моря, когда полуденный вѣтеръ разколыхаетъ воды его? Онъ чего глаза швоя блещаютъ огнемъ, когда они невольню обрацаются на прекраснаго вишязя? — Ахъ! и Добрыня давно любилъ тебѣ! давно носилъ образъ швой въ сердце, въ пламенной груди своей, покрытой шценчно спальной кольчугою. Повсюду образъ швой, какъ шайный призракъ,

за нимъ сѣдовалъ: и на попышныхъ играхъ, гдѣ легкія коня ломаются въ честьъ красныхъ женъ и дѣвъ кievскихъ; и на войнѣ противъ Ляховъ и Половцевъ, на снранныхъ битвахъ, гдѣ стрѣлы свислиаиъ какъ вихри, и оспрые мечи, ударяя по шлемамъ, наносилигъ глубокія раны. Давно уже богатырь любилъ красавицу; но никогда не являлась она ему сголь прелестною, какъ въ сн минуны славы и радосней народныхъ. Тщениая любовь! испочникъ слезъ и горести! Все разлучаетъ тебя съ возлюбленной: и высокій санъ ея, и слава Владиміра, и слава предковъ красавицы, повелителей Царя-града! Ты знаешь сіе, несчастный Добрыня, знаешь — и любишь. Но сердце нвое чуждо радосней, чело нвое мрачно посреди веселій и шоржесивъ народныхъ. Какъ дерево, котораго соки погнибли оиъ моро-

зовъ и непогодъ зимнихъ, не воскресаетъ съ весною, не разпускаясь отъ вѣшняго дыханія молодыхъ листковъ и почекъ, но споншь уныло посреди холмовъ и долинъ бархатныхъ, тѣмъ все иѣжился и ширеетъ; шакъ и ны, о вишнязь, часно мраченъ и безмолвенъ споншь посреди шумной грядицы, оперишь на буланное копые. Все посылло для шебя: и красная площадь, огражденная высокими шыномъ (поприще словупныхъ подвиговъ), и снолы дубовые, на конорыхъ блестяшь кубки и зашпя чары съ медомъ некроменнымъ и заморекими винами; все посылло для шебя: шурій рогъ недвижимъ въ рукѣ богатырской, и ушыме взоры шивон шичѣмъ не прельцающею! ниже плясками юныхъ Гречанокъ (*), по-

(*) Известно по Пешоринъ, что въ княженіе Владиміра I находилось множество Гречковъ при его дворѣ. Скажемъ мимоходомъ,

другъ Предславныхъ, копорья, раз-
кинувъ черныя кудри свои по пле-
чамъ, подобнымъ въ бѣлизнѣ снѣгамъ
Скандинавіи, и сплелась рука съ ру-
кою, увеселяющъ слухъ и взоры Вла-
димира разнообразными хорородами и
пѣвнымъ, пропѣвнымъ пѣніемъ. Онѣ
прекрасны, подруги Предславны . . .
но чиню звѣзды вечернія предъ крас-
нымъ мѣсяцемъ, когда онѣ выходятъ
изъ-за роуцъ въ величїи и въ полной
славѣ?

Долго ли шапшьяся любви, когда она
взаимна, когда все шпашенъ ее, да-
же самая робоснѣ любовниковъ? Тог-

чно мы не позволяли себѣ болыныхъ опи-
сашушенїи онѣ Ишорин; но просимъ чи-
ташеля не забышь, чиню поеленъ не ль-
ношнсь. Здѣсь вымысль позволень. Ошно-
сшншенно къ баснямъ:

Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul
est aimable,
принимашеня въ другомъ значенїи. — *Сот.*

да сердца подобны двумъ ручьямъ, которые невольно, какъ будто влекомые пайною силою, по покапамъ долинъ и ошлогохъ холмовъ ищутъ другъ друга, саваяюся воедино, и дружныя воды ихъ соснавяюшъ единую рѣку, ишнюю и прозрачную, которая по долгомъ и счастливомъ теченіи исчезаетъ въ моряхъ неизмѣримыхъ. Счастливы они, если не найдутъ преградъ въ своемъ теченіи!

Такъ красавица и рыцарь невольно, неумышленно прочинали во взорахъ, въ молчаніи и въ словахъ опры-вспныхъ, имъ однимъ понятныхъ, — взаимную спроснь. Они не видѣли подъ цвѣтами ужасной пропасти, навѣки ихъ разлучающей, ибо она засытана была руками двухъ сильныхъ волшебницъ: руками *любви и надежды!* Пределава не помышляла объ опасности. Добрыня тогда только ужасался своей спросни, тогда

только сердце заливалось кровью, когда прекрасная Анна, мать его возлюбленной, обращала къ нему привѣщившую рѣчь, или когда Владиміръ выхвалялъ посланъ чуждыхъ народовъ силу и храбросиъ своего избавителя. Юноша спрашивалъ неблагодарности.

Теремъ молодой Княжны былъ отдѣленъ оиъ высокихъ шеремовъ Владиміра. Длинные деревянные переходы, украшенные рѣзбою, соединяли сіи зданія. Вѣковые дубы, посаженные руками оиважнаго Кія — какъ гозоритъ преданіе — осыпали удивительную обитель красавицы. Часно весеніе вечера она просиживала на высокомъ крыльцѣ, оперишеъ рукою на дубовыя перилы; часно взоры ея стремились въ синюю даль, гдѣ высокіе холмы, величественно возвышаясь оишь надъ другимъ, неприемънно сливались съ небесной ла-

зурью: часно, опдаливъ усердныхъ прислужницъ, одна среди безмолвія ночнаго, она предавалась сладкимъ мечтаніямъ дѣвическаго сердца, мечтаніямъ, копорыи невольню украшались образомъ Добрыни. Когда мѣсяць осребрлялъ высокіе верхи дубовъ и кленовъ и тихое дыханіе полночи колебало листь, перебирая ихъ одинъ послѣ другаго, тогда Предславу обнимала ужась. Ей мечталось видѣть Добрыню. Она вперяла прилежно слухъ и взоры — но все было тихо, безмолвно, — мечта исчезала, а съ ней и шайный, но сладостный смракъ. Такъ младая Княжна шнала шоску и любовь свою, когда Добрыня воевалъ Печенѣговъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ. Она переносилась мысленно на поля, обогренныя кровью: опасности, окружающія ошца ея, ужасали сердце красавицы; но при мысли, что До-

брыня падешъ подъ мечемъ или булавою варвара, сердце ея обливалось кровью, шяжко поднималась высокая грудь, и слезы падали обильною росю на златошвейныя шкани.

Теперь сіи деревянные переходы, остиенные швію сполбвиныхъ дубовъ, сія шайная обшель невнишности, учинилась свидѣтельницаю ея радости. Спрашый Вишязь позабылъ и ширахъ и благодарность — все забыло, когда сердце любвишь. Вишязь, въ часы шуманной полуночи, приходилъ къ Князю, и шамъ, у ногъ ея, повѣрялъ ей сердечную шоску и мученія, клался въ вѣрности и ушювалъ въ шасшій. Но любовники были скромны. Тихъ и ясенъ ручей при шшюкѣ; но скоро, возрашная собшвенными водами, шшано-вишя блешрь, порывшесъ, мушенъ. Такова любовь при рожденіи, шшак-вы и шшши любовники.

Между иѣмъ всѣ народы покорились Великому Князю. И воинственные жители Дуная, и дикіе Хорваты, сыны гусныхъ лѣсовъ и пусынь, и Печенги, піющіе вино изъ череповъ убіенныхъ враговъ на сраженіи: всѣ платили дань Христіанскому владыкѣ. Народы сѣверныхъ, жители шуманныхъ береговъ Варяжскаго моря, обитатели неизмѣримой и безплодной Біармін, спрашивались и починяли Владиміра. Многіе владельцы желали вступити въ бракъ съ Предславою, желали, но тщетно; ибо они были всѣ служили подоловъ или поклонники Магомета. Часто на холмахъ, окружающихъ Кіевъ, неизвѣстный воинъ сноповилъ знаменитый шаперъ и вызывалъ на единоборство богатырей кіевскихъ. Ристалище открывалось, и пришлецъ, почти всегда побѣжденный, со стыдомъ удалялся въ свое опеченство.

Выпязи иноплеменные ежедневно увеличивали дворъ Владиміровъ. Межь ними блистали красоной и храбросною: Гориславъ ляхскій, юноша прекрасный, какъ солнце весеняго ушра, храбрый Спешанъ угорскій и спальный Андроникъ чехскій, покрывшій косманою кожей медвѣди, кошораго онъ задавлялъ собственными руками въ безплодныхъ пустыняхъ, орошенныхъ Вислою. Всѣ они пребовали руки Предславной, всѣ соснзались съ богатырями кievскими и угощаются были подъ богатыми наменами гостепрїимнымъ Владиміромъ. »Не наживу друзей серебромъ и золономъ,« говорилъ онъ: »нѣтъ; а друзьями наживу, по примѣру дѣда и ошца моего, сокровища и славу!«

Но ужасная штука сбиралась надъ главами нашихъ любовниковъ. Радмиръ, сынъ Князей болгарскихъ, вла-

дыка Христіанскаго поколѣнія, спѣшнѣ заключннѣ союзъ съ народомъ рускимъ и шайно пребуенѣ руки Предславной. Владиміръ принимаенѣ богашые дары его и даенѣ ласковый онѣнѣ посланнику болгарскому: Радміръ вскорѣ явлененѣ на берегахъ дѣпровскихъ. Десянѣ спавокъ, одна другой богаше, блещашонѣ при восходѣ солнечномъ, и сіи спавки принадлежанѣ Радміру, кошорый, окруженый блещашельной толпою вицзей дунайскихъ, вступашенѣ въ шерема княжескіе. Видъ его былъ величешвенѣ, но суровъ; взоры пронцашельны, но мрачны; спройный спашъ его былъ препоясанѣ изкривленнымъ мечемъ, руки обнажены; грудь покрыва легою кольчугою, а внизъ раменѣ висѣла кожа ужаснаго леопарда. Предслава увидѣла незнакомца, и сердце ея запрепстало онѣ шайнаго предчувствія,

Невольный румянецъ , замѣняемый смертною блѣдностію , обнажали сирасни , волнующія грудь красавицы. Взоры ея искали Добрыни , котораго безгласнѣ , блѣднѣ , сподая въ полнѣ царедворцевъ; но надменный Радмиръ похвалялъ въ свою пользу явное смущеніе красавицы и ободреннѣе своимъ заблужденіемъ: «По величїемъ земли русской!» сказалъ онъ , «шебѣ невѣстны храбрыя поколѣнія Болгаровъ , населяющихъ обильные берега Дуная. Мечъ храбрыхъ Славянъ не одинъ разъ прищиплялся о сіе желѣзо (указывая на свой мечъ); не одинъ разъ лилась кровь обоихъ народовъ , народовъ равно славныхъ и воинственныхъ , онъ конорыхъ пренемалъ и западъ и поколѣнія сѣверныя: нбо гдѣ невѣстна храбрость Болгаръ и Славянъ! Храбрые Россы увидѣли надменные снѣ-

ны Царя-града; ны разсѣять въ прахъ
 спѣны корсунскія: мечемъ предковъ
 моихъ избиты безчисленныя полчи-
 ща Грековъ, ими выжженъ градъ,
 носившій имя древняго Ореста. Му-
 дрые предки мои приняли вѣру пси-
 наго Бога (*); и ны, Владиміръ, он-
 вергъ служеніе идоловъ, и ны капи-
 ща прешворилъ во храмы. Я желаю
 своего союза, о повелишель земли
 русской! Соединенные народы наши
 воедино удивлять подвигами вселен-
 ную, расширяя за Уралъ предѣлы
 своего владычества. . . . У своего
 знамени будутъ сражаться мои во-

(*) Болгары были магометанскаго исповѣда-
 нія, но не вѣтъ: ибо Императоръ Михаилъ,
 побѣдивъ ихъ, принудилъ принять Хри-
 стианскую вѣру (Смотри Нестора). Они
 же разорили Адрианополь, носившій въ
 древности имя основателя своего Ореста
 (И объ этомъ упоминаешь Несторъ). Соп.

ины. Мечъ мой будетъ своимъ мечемъ. . . : Но да введу въ домъ преснарѣлаго опца моего свою дочь, да назову Предславу супругою! . . . Владиміръ! я ожидаю благосклоннаго отвѣща.»

Царедворцы и мядью вблизи рускіе съ негодованіемъ взирали на гордаго Радміра; они съ неперпѣіемъ ожидали рѣшительнаго отвѣта. Но нѣтъ изъ нихъ, которые посвѣдѣли не на полѣ раниномъ, а въ служеніи *гридници*, лучше знали сердце своего владыки: они прочитали во взорахъ его совершенное согласіе, и хитрая ихъ улыбка одобрила рѣчь надменнаго Радміра. Рѣшительность въ бинвахъ, пылкая храбрость и духъ величїя болгарскаго владыки, духъ, алкающій славы и подвиговъ, давно были извѣстны Владиміру; гордый слова, гордый и величавый видъ его, на-

поминали ему о todaхъ его юности; и наконецъ союзъ двухъ народовъ, досель непріязненныхъ, по равно храбрыхъ и смѣлыхъ, союзъ двухъ народовъ, скрѣпленный бракомъ Предславы, долженствовалъ возвеличить Княжество руское — и мудрый Владиміръ подавъ руку свою, въ знакъ согласія. Красавица безмолвна, блѣдна, — какъ жертва, обреченная року, — склоняясь на руку прекрасной Анны, робкими, медленными шагами приближалась къ своему оицу, кошо-рый подавъ ей *чашу тириаства*, непомянутую сладкаго меда. Совершаемая древній обрядъ праощесть: женихъ принимаетъ чашу изъ рукъ смышливой невесты и выпиваетъ до дна сладостный напитокъ.

Десять дней сразу солнце кїевское освѣщаетъ радужные шры въ шеремахъ княжескихъ. Десять дней

сряду все шоржесшвуешъ и радуешся. Но красавица проливаетъ слезы на лоно мащери. Единешвенное утѣшеніе въ горести! — Часно ужасная шайна тошова вылетѣвшъ изъ груди ея и всегда замираешъ на робкихъ устахъ. Анна принисываешъ къ гѣж-ности сердечной поску дочери своей, и слезы ея шекунтъ съ слезами красавицы. Но гордый Радмірь, познавшій въ первый разъ любовь, близокъ проишкунтъ ужасную шайну. Съ негодоваишемъ взираешъ на слезы, и силнися подавшъ въ глубинѣ сердца своего ужасную шрасешъ — ревность, спуншину пламенной любви.

Между шѣмъ наснаешъ великій день, посвященный играмъ богашырскимъ. При восходѣ лучезарнаго солнца, голосъ бранной шрубы раздаешся въ заповѣдныхъ дугахъ, и на возвышенномъ мѣшѣ, уснлданомъ во-

врами вавилонскими (похищенными при взятии Корсуна), возвышается высокій намень княжескій. Тамъ ездаетъ Владиміръ съ супругою и прекрасною Предсавой. Тамъ, подъ другими шапками, заседаютъ сшарцы и жены кievскія. Изъ нихъ сшарцыи называются *судьями тризны*, ибо награда храбраго неconi принадлежала мудроси и красонгъ. Народъ ешекается за сшавцами, и безчисленныя шолы его покрываютъ блжнія возвышенія. Посреди раннаго мѣсна, плшіе и конные винызи ождали знака для начанія шръ. Грозный Родальдъ, винызь новгородскій, возвышался межъ шми, какъ древній дубъ посреди низкаго кустарника. Юный Переяславль, богатырь низкаго рода, но шзвергнувшій разярешнаго вола, Переяславль, побѣдившій исполна Печенгговъ, гордился

чудесной силой. Онъ былъ плъкъ; кожа безобразнаго звѣря, имъ разшерзаннаго, развѣвалась на широкихъ его раменахъ. Тяжелая съкира, которую и при вошн нашего вѣка едва ли поднять могутъ, лежала на правомъ плечѣ богатыря. Онъ ожидалъ бора, и громкимъ голосомъ вызывалъ на поединокъ всѣхъ вишазей; вызывалъ — ищению! всякой спрашившея неснеспивенной его силы. Гордый Свенальдъ, древалъ пришедшій съ ошлогихъ береговъ озера Нево, Свенальдъ, воевода Владиміровъ, являлся въ толгѣ вишазей въ броне воропной, въ желѣзномъ шеломи, на которомъ вѣшеръ развѣвалъ широкія крылья орания. Израненная грудь его, на которой спрулась съдая брада; черныи племъ, исполненное конь и пригъ величавы необычайной, наоминали Кіевцамъ о новарницѣ: он-

важною Свянослава. Но межъ вами, о князи, находилась славная воинельница, пришедшая съ береговъ баснословнаго Термодона (*). Высокая грудь ея, гдѣ розы сочешались съ свѣжими лиліями, грудь ея, подобная двумъ холмамъ чиснѣйшаго снѣга, покрыва была легкою шканию. Черные власы красавицы, едва удержанные златною повязкой, развѣвались волною по плечамъ, за конорыми звѣзды рѣзной шугъ, исполненный сирѣкъ. Неперѣбланный конь ея, легкій какъ вѣтеръ, былъ покрывъ кожею ужаснаго леопарда; ноги его воздымали облако праха, златныя бразды его, омоченныя пѣною, громко звѣзали, и онъ, казалось, гордился своею владницею. Мечъ, кованный въ Дамаскъ, блистала въ правой рукѣ ея, а лѣ-

(*). Конечно Царь - дѣвица. — Сог.

вая покрыва была цинномъ серебрянаго. Все въ ней обличало дѣву: и гибкій станъ, подобный пальмѣ или сибелью млейному, и маленькая нога, обуная въ багряный полусапогъ; но рука ея спрхъ вратамъ и дерзкимъ вишиязямъ! — Кіевцы, пораженные новымъ для нихъ зрѣлищемъ, громко выхваляли красавицу, и сердце, гордое сердце дѣвицы сильно билось оиъ радости.

Но Добрыня явился, и все взоры на него обратились, и ланиты Предславы заняли розами. Вишиязъ вошелъ въ шолну, одѣтый шонкимъ панциремъ, на кошоромъ блистала голубая повязка — шайный подарокъ его любезной. Бѣлая перья развѣвались на его племъ. Мечь-кладенець висѣлъ на широкомъ поясѣ у лѣвой бедра. Но подашому знаку изъ шапра княжескаго, юные гриди под-

вели ему коня, на которомъ Владиміръ воевалъ въ молодости. Давно уже никто не сѣдлалъ его, давно уже на свободѣ пошталъ онъ праву въ заповѣдныхъ лугахъ кіевскихъ. Преданіе говоритъ, что конь сей былъ некогда посвященъ Свѣтовиду, и имѣлъ даръ пророчества (*). Въ знакъ дружбы своей, Владиміръ его опадаетъ вшизю. Добрыня смело вложилъ ногу въ златое стремя; конь почувствовалъ сѣдока, преклонилъ смиренно дикую свою голову и радостнымъ ржаніемъ огласилъ луга и долины.

Знакъ былъ поданъ старѣйшими, и взоры устремились на высокую мѣшу, носившуюся на концѣ поврища.

(*) Конь бога Свѣтовиды имѣлъ даръ пророчества. Смори *Мифологию Славянъ*, г. Кайсарова. — Сос.

Къ ней былъ привязанъ быстроекры-
 лый соколъ. Сирѣлки онѣдѣлились, и
 въ числѣ ихъ прекрасная воинельни-
 ца. Зланный лукъ зазвѣгѣлъ въ ея
 рукахъ и сирѣла помчалась по воз-
 духу; но щипенное острие ударилося
 въ дерево, зашаналось, и уснащен-
 ная щипца зашрепешала крыльями.
 Юный Гориславъ вынулъ каленую
 сирѣлу и пернатая, пущенная изъ
 сильныхъ рукъ его, разсѣкла воздухъ
 пламенною снѣзю. Такъ пролетаетъ
 молнія или звезда воздушная по снѣ-
 нему небу! Сирѣла перерѣзала ни-
 ши, кошорыми былъ привязанъ со-
 колъ — и щипца, свободная отъ узъ,
 быстро полетѣла надъ главами зри-
 телей. Добрыня напягиваетъ лукъ
 свой, пускаетъ мѣшкую сирѣлу
 и соколъ лежитъ у ногъ Предслады,
 и народъ восклицаетъ: »Чеснь и

слава Добрыни! а сердце красавицы
ушлоало въ веселіи.

Наводитъ на поприще дикаго во-
ла, возмущающаго на нажншихъ чер-
касскихъ: ужасная глава его, воору-
женная крупными рогами, поникла къ
земль; взоры дикіе и мушныя обра-
щены были на толпу, кошорая раз-
далась въ шу и другую сторону.
Андроникъ, дерзкій вицязь, желая
разъярить чудовище, вознлъ въ ре-
бра его легкое коше; оспрїе вицлось,
древко зананалось и черная кровь
хлынула рѣкою. Разъяренный воль
бросается на толпу, тяжелья ноги
его вздымающъ къ небесамъ облако
праха и пыли: пынень чернѣй дымъ,
пекры сыплются изъ глубокихъ его
ноздрей, — и страшный ревъ, подоб-
ный грому, оглушаетъ усрашениыхъ
зришелей. Между нѣмъ ошрокъ Пе-
реяславъ изшоргасенъ изъ толпы,

и сильными мышцами ухватываешь за рога дикаго звѣря. Начинаясь ужасная борьба. Трижды разъяренный волю опрокидывалъ богатыря и давалъ его своею громадою, трижды богатырь опрокидывалъ звѣря, и поги его, подобныя сноубамъ желелаго зданія, глубоко входили въ песокъ. Наконецъ храбрый юноша, уже близкій къ погибели, вскакиваетъ на хребетъ его, обхватываетъ жилистыми руками . . . и чудовище, изрыгая ручьи кровавой пѣны, падаетъ бездыханно. Богатырь, покрытый пылью и потомъ, однимъ махомъ сѣкиры своей опрубаетъ ужасную голову чудовища, приподымаетъ ее за круные рога и бросаетъ къ славкѣ княжеской. Превратили Княжны ужаснулись, а Кіевцы, удивленные симъ новымъ и чудеснымъ зрѣли-

щемъ, провозглашающъ богатыря побѣднцемъ.

Радмиръ, сохраняя глубокое молчаніе, сидѣлъ близь спавки княжеской. Онъ желаетъ сорвать пальму побѣды, пребуенъ позволенія войны въ полну храбрыхъ, и въ тайнѣ сердца своего полагаетъ совершить побѣду надъ Добрынею.

Начинающія игры неменѣе опасныя, но въ конюрахъ сила и храбрость должны успешнѣе искусству; всадники раздѣляются на двѣ стороны; каждый изъ нихъ выбираетъ соперника; Радмиръ назначилъ Добрыню — и выпязь благословленъ сей выборъ! Въ рукахъ его и жизнь и слава соперника, въ рукахъ Пределавы награда побѣдителю: зланный кубокъ, чудо искусства греческихъ художниковъ.

Разъѣзжающа по широкой равнинѣ: легкіе кони летящъ какъ вихри, одинъ на всерѣчу другому, конья ударилсь въ щипы. Добрыня удвоилъ удары — и Радмиръ, просперный на землѣ, хлопаетъ пыль и прахъ! — Рускій вишизь покидаетъ коня своего, мечъ сверкаетъ въ рукѣ Болгара, удары сыплются на досѣхѣхъ любовника Предславы, звонкіе пверни летящъ съ кольчуги, — мщеніе и гнѣвъ владѣнщъ рукою вишизей, равно храбрыхъ и некусныхъ. . . . Но Владиміръ подаешъ знакъ, и вишизи оспановились.

Пбо внезапно воздухъ помрачился тучами. Загумѣли вихри, и громъ прижды ударилъ надъ главами зришелей. Сердца малодушныхъ жешъ и старцевъ, которые вишайнѣ поклонялись мспительному Чернобогу, исполнили ужасомъ. Празднество кон-

чилось, мечи и конья вишязей опустились долу; но дождь и сибгъ безпреснано шумѣли и наполнили виезанными ручьями пушь и окреснную равннну. Порывисный вихрь сорвалъ вошкнунья древки и разменалъ далеконамены княжескїе. Народъ укрывался подъ развалинами древннхъ каиннцъ и шолнами бѣжалъ къ городу. Аша прижала къ груди своей Предславу, и робкою, но посибншою спнпою, ведомая Владимїромъ и окруженная вѣрными гридннми, удалялась въ шеремъ своей. Гласы бѣгунцаго народа, шононн скачуннхъ по полямъ всадннковъ, свнскнхъ разъяреннхъ внхрей, дождь, падающїй рѣками: все сіе уснрашало прекрасную Князну. Омоченные власы разсыпались по высокому челу ея, вихрь сорвалъ легкіе покровы съ главы, дыханнє ея перерывалось онгъ скорого бѣга, и она,

изнемогая, почти бездыханна упала на пути, въ дальнемъ разстояніи отъ Кіева. Аша и Владиміръ спѣшили къ ней на помощь и Радміръ предложилъ ей коня своего. Сердце Добрыни въ свою очередь запылало ревностью: онъ желалъ бы самъ проводить Князю, желалъ бы . . . внутреннее желаніе! Пенавенный Болгаръ женихъ ея, онъ одинъ имѣеть сіе право. Между шѣмъ служивель Радміровъ подводилъ коня за звучація бразды — Предслага приближалась къ нему . . . она увидѣла безынокійство Добрыни, прочитала въ глазахъ низзя глубокую печаль его, и горестный вздохъ вылетѣлъ изъ груди прекрасной дѣвицы. Женихъ ей подаль свою руку . . . о счастье! неперывавый конь, уснращенный шумною поною, вырвался изъ рукъ клеверна и сирьбою исчезъ во мракѣ.

Болгарскій Князь, свидаемый гиб-
 вомъ, бросаясь вельдь за нимъ: шщел-
 ны были его старанія, и ревность
 на крилахъ вѣтра заставила его воз-
 вратиться къ Предславу. Но Добры-
 ня, по приказанію Владиміра, сидѣлъ
 уже на конѣ съ Княжною; уже бор-
 зый конь вихремъ уносилъ счастли-
 вую чешу, и великое просиранство
 юды ондѣляло любовниковъ отъ рев-
 нивца. Сладкія минуты для Добры-
 ни! красавица обнимала его ласка-
 ными руками, сердце ея билось — би-
 лось такъ близко его сердца, нѣж-
 ная грудь ея прикасалась къ снѣж-
 ной кольчугѣ, дыханіе ея смѣшива-
 лось съ его дыханіемъ (ибо вниязь
 безпреснанно обращалъ къ ней го-
 лову свою) — и лице ея, омоченное
 хладными ручьями дожда и снѣга,
 разгорѣлось, какъ сильное пламя, . . .
 конь мчался вихремъ . . . и вниязь,

въ первый разъ въ жизни, сорвалъ продолжительный, сладостный поцѣлуй съ полуошершенныхъ устъ милой всадницы. Гибельный поцѣлуй! онъ разлился какъ огонь, глубоко проникъ въ сердце, и занимая свѣтлыя очи красавицы облакомъ любви и сладострастія. Она невольно преклонила голову свою на плечо вишняга, подобно нѣжному маку, опягченному излишними каплями майской росы. Благотворные власы ея, развѣваемые дыханіемъ въпрорѣвъ, касались кончикъ счастливаго любовника; онъ осыпалъ ихъ сладкими поцѣлуями, осушалъ ихъ своимъ дыханіемъ, и уносеніе обонихъ едва ли кончилось, когда быстрый конь примчался къ шерему Владиміра, когда онъ приквды ударилъ нешеривавымъ копытомъ о землю и прислужница княжескія выскли

*

нимъ на встрѣчу съ шляющими свѣ-
шляльниками.

Владиміръ возвратился въ высокіе
шерема и тамъ нашелъ печальную и
блѣдную Пределаву. Ахъ, если бы
манерь ея, кошкою ласковыя руки
осушали омоченныя волосы дочери,
если бы манерь знала, какая буря сви-
рѣшновала въ ея сердцѣ, онъ чего
лишь покрыли блѣдностію чело и
ланины, онъ чего высокая грудь
красавицы споль помя волнуется
подъ покрывами!

Но вскорѣ Княжна, окруженная
подругами, скрылась въ шерема свой,
ибо глубокая ночь уже давно покрыва-
вала землю. Добрыня, увлеченный лю-
бовію, забывъ и долгъ и собствен-
ную безопасность, Добрыня, пользуясь
ночнымъ мракомъ, постѣпнать къ ше-
рему красавицы. Все началось вку-
шать сонъ въ черногахъ княжескихъ,

но буря не умолкала. Ужасно скрипѣли древніе дубы, обстилющіе мирную обитель красоны, и градъ шумѣлъ безпрестанно, падая на деревянный кровль шерема. Тусклый свѣтъ ночной лампады едва мерцалъ сквозь густыя вѣтви, и богатырь, сползшій на сырой земль, сохранялъ глубокое молчаніе. Онъ желалъ ошланичь образъ Предславы, мелькающій въ окнахъ шерема, приблизися, и увидѣлъ ее. Тамъ, въ шайномъ уединеніи, освѣщенная лучемъ лампады, являлась она посреди своихъ прислужницъ, подобно дѣвѣ, посвященной служенію *Визга*, подобно жрицѣ, когда она въ глубокую ночь, уклонившись въ Муромскія убѣжища, медленно приближается къ жертвеннику, на кошоромъ пылаешь неугасяемое пламя, — медленно снимаетъ предъ шайнымъ божествомъ дѣвственныя

покровы, и совершаешъ неслеподвижные обряды.

Какъ билось сердце швое, храбрый юноша, когда красавица, ондашнъ подружка, опрѣшила узлы шамешвенныхъ покрововъ! Какъ билось сердце швое, несчастный и вѣснѣ счастливѣйшій изъ смертныхъ, когда рука ея обнажила грудь, подобную двумъ глыбамъ чистѣйшаго снѣга; когда волосы ея небрежно разсыпались по высокому челу и по алебастровымъ плечамъ! — Шнть, не въ силахъ языкъ человѣческій изобразить страшней, глыбающихъ въ груди нашего рыцаря! Но вы, пламенные любовники, перенесшесь мыслями въ шѣ времена страшней и блаженства, когда случай или любовь, владущиешница мѣра (ибо и случай ей покорешвененъ), когда любовь открывала предъ вами свои шамешва; вы, счастливицы,

можете чувствованъ блаженство, Добрыни!

Робкій голосъ его называлъ имя Пределава и въперъ приады заглушалъ его. Наконецъ красавица услышала; востроожена, приблизилась къ окну и при блѣдномъ лучѣ свѣщашица, узнала его. Долго смотрѣла она, какъ въперъ разбѣвалъ черныи его кудри, какъ снѣгъ сыпался медленно на опкрьнутую голову возлюбленнаго; долго въ недоумѣнн глздыла она ... и наконецъ совлѣнне (преданіе говорить: любовь), владѣя робкою рукой, тихонько оподвинуло аелѣзные прищоры перема — и вниэль унзель къ ся ногамъ! — «Что ны дѣлаешь?» сказала прекрасная: «что ны дѣлаешь, несчастный? Бѣги отъ меня, сокройся, нога мещинельный Богъ ... Ахъ! я навѣки швоей не буду! Небо разлучаетъ насъ.» — «Люди разлуча-

юшь насъ,» прервалъ ее Добрыня:
 «ноги различаюшь два сердца, со-
 здашыя одно для другаго, въ одну
 часть, подъ одной звездою, создашыя,
 чинобы уповають въ блаженствѣ, или
 глубоко, глубоко лежать въ сырой
 землѣ, но лежать вмѣстѣ, неразлуч-
 но!» — Удались, закатаю себя. . . .» —
 «Ахъ, Предслава! ты моя навсегда. . . .
 женихъ твой, сей Болгарь, долженъ
 унести оный мечъ храбраго!» — «Ахъ,
 что ты хочешь предпринять? А
 судьба матери моей, а гнѣвъ, неукро-
 шимый гнѣвъ Великаго Князя? . . .» —
 «Такъ, Предслава: я вижу, ты меня не
 любишь. Бракъ съ повелителемъ обиль-
 ныхъ, спрашь дунайскихъ льстишь
 твоему честолюбію. Вероломная же-
 нщина! ты не любишь Добрыню, ты
 забыла священнѣйшій долгъ, клятвы
 любви! . . . Но смерть мнѣ опасна
 въ награду за вѣрность!» — Силоцій

мечъ висѣлъ при бѣдрѣ героя, правая рука его лежала на знашой рукоятки; но Предслава слабая и вмѣстѣ великодушная, Предслава бросилась въ его объятія, горячія слезы текли изъ глазъ ея, слезы любви, разливонныя сердечною поскою. Любовники долго безмолвствовали. Сама любовь занепащивала спыданныя уста красавицы; вскорѣ слезы сладоспращенія заблещали какъ перлы на дашныхъ ея рѣсницахъ, розы запылали на щекахъ, грудь, изнемогая подъ бременемъ любви, едва, едва волновалась, и прерывистый, пошлый вздохъ подобный шептанію майскаго вънерка, засыпающаго на цвѣтахъ, вылетѣлъ изъ груди ея, вылетѣлъ, . . . и замеръ на пламенныхъ устахъ любовника.

Быспиро мшился время на крылахъ счастья; любовь осыпаетъ розами

своихъ любимцевъ, по время, прикосновеніемъ хладныхъ крылъ своихъ, вѣкоръ и самыя розы сладострастія превращаешь въ шерны колочіе! — Все безмолвствовало въ обители красавицы. Свѣщальникъ, догорая, изрѣдка бросалъ пламень свой . . . и она проснулась отъ очарованія, среди мрака бурной ночи. Напрасно вѣшалъ прижималъ печальную къ груди своей, напрасно пламенные уста его зачечанивали тихое, невольное роптаніе: рука ея прилепала въ рукѣ любовника, слезы лились обильными ручьями, и хладный ужасъ заснувши послѣдній пламень въ крови печальной любовницы.

Наконецъ горестный поцѣлуй прощанія соединилъ на минушу души супруговъ. Красавица вырвалась изъ объятій вѣшалы. Добрыня надвинулъ сіяющей шапкой своей, открылъ двери

перема, вѣдущія на длинныя переходы... О ужасъ! онъ увидѣлъ, при сомнительномъ блескѣ мѣсяца, конопрыи едва мелькаль сквозь облако, увидѣлъ ужасный призракъ... вооруженнаго рыцаря! и сердце его, незнакомое со страхомъ, задрожало, не за себя, за красавицу. Предслава узнала бездыханна на прагѣ свѣтлицы. Но мечь уже сверкаль въ рукѣ незнакомца, слышанный голосъ его раздавался во мракѣ: »Вероломные! мщенье и смерть!« — Добрыня, щитъ и броня, вооруженный однимъ щитомъ и осирывъ мечемъ своимъ, щитенно отбивалъ удары: тайный врагъ нанесъ ему тяжелую рану и кровь ударилась ручьями. Богатырь, пылая мщеньемъ, поднялъ мечъ свой обѣими руками — незнакомецъ уклонился — ударъ уналъ на не-

рылы, щепы и искры посыпались, столбы здания зашатались въ основаніяхъ и сердце незнакомаго исполнилось ужасомъ. Красавица, пробужденная отъ омака, бросилась въ объятія Добрыни; нищенно дрожащая рука ея удерживала его руку, нищенно слезы и рыданія умоляли совершителя: ревность и мщеніе княгини въ лютомъ его сердцѣ. Онъ бросился на Добрыню, и вшизъ, прижавъ къ окровавленной груди своей плачущую супругу, долго защищалъ ее мечемъ своимъ. Онъ часныхъ ударовъ его разбился шлемъ совершителя, и верши падши съ кольчуги, гибель его была неизбежна. . . . Но правая нога измѣняешь несчастному Добрыню, онъ скользнулъ по помоску, омоченному ручьями дождя и крови — несчастный падаетъ, защищая красавицу, и хлад-

ый мечь соперника приждал по самую рукоять виваенся въ его сердце.

Свѣщальники, принесенные усраженными дѣвами, спекающимися изъ шерема, освѣтили плачевное зрѣлище. . . . Радмѣрь (ибо это онъ былъ, сей незнакомецъ, завлеченный ревностию къ шерему Пределава), Радмѣрь довершалъ свое мщеніе. Добрыня, плава въ крови своей, уснареннаго послѣдній, умоляющій взоръ свой на красавицу; улыбка, — печальная улыбка понухла въ очахъ его, — и имя Пределава вмѣстѣ съ жизнью замерло на устахъ несчастнаго.

Нѣтъ ни жалобъ, ни упрека въ устахъ красавицы. Нѣтъ слезъ въ очахъ ея. Хладна какъ камень, безопытна какъ могола; она бросила печальный, умоляющій взоръ на принесшаго Владимира, на опчалуемую

машеръ, и прижавъ къ нагой груди
своей сердце супруга, пала безды-
хана на оледенѣлый его ируцъ
какъ лѣля, сорвавшая дыханіемъ не-
погодъ, какъ жертва, обреченная люб-
ви и неизбежному року.

На силу досказать! —

К. Бантошкова.

OPERE DEL CAVALIERE

GIAMBATTISTA PIRANESI (*).

Cet artiste, n'ayant pu trouver à exercer les rares talents dont il était doué, a pris plaisir à dessiner les édifices imaginaires, à mettre fabrique sur fabrique et à présenter des masses d'architecture à l'érection desquelles les travaux de plusieurs siècles et les revenus de plusieurs empires n'auraient pu suffire.

Roscoe. Vie de Léon X.

(А. С. Хомякову.)

Кто изъ васъ, друзья, неспышывалъ наслаждение: поупру рано, въ поношеномъ сюршукъ, съ карпузомъ на

(*) Для тѣхъ, которые найдуть сходство между предметомъ сей статьи и

головъ и съ робко-дерзкою физиогномією студента вширяться въ нѣ малевкія книжныя лавочки, гдѣ случай, богатство и бѣдностей споспѣши книги всѣхъ изданій и форматовъ; оныя Rosarium Арнольда де Вилла-новы до русскихъ романовъ Дюкре-Дюминья включительно; гдѣ они соединяють *Державина съ Поповскимъ*, Фрерона закрываютъ оныя нѣмцы Вольперомъ, и рядомъ съ благоразумнымъ Лагарпомъ сплавяютъ Гь-мановы сказки и романы Пюлье? — Нично шакъ не утешаетъ порывовъ самолюбія, да и вообще нично шакъ не успокаиваетъ души, какъ это зрѣлище. Я посѣщаю

статья, напечатанной въ Сѣв. Цв. 1811 года; подъ названіемъ: *Послѣдній къ аршентъ Бесситовена*, — считаемъ нужнымъ замѣнить, что оныя суть ошрѣвки изъ одного и того же сочиненія, лишь нѣсколько округленныя.

такія лавки, когда начинаю дѣлаться *пессимистомъ*. Вы входите: поначасъ радушный хозяинъ снимаетъ шляпу, и со всею куническою щедростію предлагаетъ вамъ и романы Жанлисъ, и прошлогодніе альманахи, и *Скотскій лежебникъ*. Но вамъ снѣнится только произнесши одно слово, и оно поначасъ укротитъ его докучливый энтузіазмъ; спросите только: «гдѣ медицинскія книги?» — и хозяинъ надѣнетъ шляпу, покажетъ вамъ запыленный уголъ, наполненный книгами въ пергаменномъ переплетѣ и спокойно усядется дочинивать Академическія вѣдомости прошлаго мѣсяца. Здѣсь нужно замѣнить для попомощва, что еще во многихъ нашихъ книжныхъ лавочкахъ всякая книга, въ пергаменномъ переплетѣ и съ латинскимъ заглавіемъ, имѣетъ право назваться медицинскою; и по-

тому можете судить сами, какое въ нихъ раздолье для библиографа: между *Наукою о бабѣиельмъ дѣль*, на пять частей раздѣленной и рисунками снабжденной, *Нестора Максимовича-Дмиодика*, и *Bonati Thesaurus medico-practicus undique collectus*, — вамъ попадется маленькая книжонка изорванная, замаранная, запыленная; смонирине — это: *Aduis fidele aux veritables Hollandais touchant ce qui s'est passé dans les villages de Bodegrave et Swammerdam. 1675.* — Какъ замѣчательно! но это Эльзевирь! — Эльзевирь! имя. приводящее въ сладкій пренепиъ всю первую сущность библиофила. Сваливаются нѣсколько пожелѣвшихъ *Hortus sanitatis, Jardin de dévotion, les Fleurs de bien dire*, recueillies aux cabinets des plus rares esprits pour exprimer les passions amoureuses de l'un et de

L'autre sexe par forme de Dictionnaire — и вамъ поладася ланшеская книжка безъ переплета и безъ начала; развертываеше: какъ будно похоже на *Виргилиа*? но что слово, что ошибка? Не ужьли въ самомъ дѣлѣ? не мечна ли обманываешъ васъ? не ужьли это знаменитое изданіе *Альда*, 1514 года: *Virgilius ex recensione Naugerii*? — И вы недостойны назваться библиофиломъ, если у васъ сердце не выпрыгнетъ отъ радости, когда, дошедши до конца, вы увидите нѣ четыре полныя страницы опечатокъ, — вѣрный признакъ, что это именно то самое рѣдкое, драгоценное изданіе, перло *Альдовъ*, котораго большую часть экземпляровъ испробилъ самъ издатель, въ досадѣ на опечатки.

Тѣна воображеніе энциклопедическими метками, я съ шре-

непомъ надежды и радости пробн-
 рался недавно по грязнымъ улицамъ
 въ знакомую мнѣ книжную лавочку.
 Вхожу: новый предметъ поразилаъ
 мое вниманіе. Въ углу надъ большимъ
 фоліантномъ столомъ стояла фигура въ спа-
 рринномъ французскомъ каштанѣ, въ
 нанудренномъ парикѣ, податъ кошо-
 раго болнался пучокъ со щипаніемъ
 свинный. Движеніе, мною сдѣланное,
 заставило ее обернуться — я узналъ
 въ ней того чудака, конорый, не
 покидала никогда своего шаромодна-
 го плаща, съ важностію прохажива-
 ется по улицамъ Пешербургскимъ
 и при каждой встрѣчѣ, особенно съ
 дамами, съ улыбкою приподнимаетъ
 свою изношеную шляпу кораблнкомъ.
 Давно уже я видалъ этого оригина-
 ла и весьма былъ радъ случаю све-
 сши съ нимъ знакомство. Я посмо-
 трѣлъ на развернутую предъ нимъ

книгу: это было собраніе дурныхъ гравюръ, изданныхъ въ 70-хъ годахъ подъ названіемъ *Новаго Виньолы*. Оригиналъ раземаширивалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ, мѣрять пальцами намалеванныя колонны, приставляя ко лбу перснѣ и погружаясь въ глубокое размышленіе. «Опѣ, видно, ошешавной архиншекпоръ,» подумалъ я: «чтобъ полюбишься ему, прищворюсь любинцелемъ архиншекшуры.» При сихъ словахъ, глаза мои обратились на собраніе огромныхъ фоліаншовъ, на конхъ высшавлено было: *Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi.* «Прекрасно!» подумалъ я, взявъ одинъ томъ, развернулъ его; но бывшіе въ немъ проекшы колосальныхъ зданій, изъ конорыхъ для носпросенія каждаго надобно бы милліоны людей, милліоны червошцевъ и спольшія, эши изсѣченныя скалы,

внесенныя на вершины горъ, эфиръки, обращенныя въ фоншаны, — все это такъ привлекло меня, что я на минуту забылъ о моемъ чудаке. Но замѣнивъ, что онъ нимало не удостоиваетъ вниманія эдической энциклопедіи мой, я рѣшился обратиться къ нему съ вопросомъ: »Вы конечно охотникъ до архинескуры!» сказала я. — »До архинескуры!« повторишь онъ, какъ бы ужаснувшись, нешвердымъ русскимъ языкомъ. »Да;« примолвить онъ, взявъ съ улыбкой презрѣнія на мой изношенный сюртукъ, »я большой до нея охотникъ!« и — замолчалъ. — Только-но? подумалъ я: этого мало. — »Въ такомъ случаѣ,« сказала я, »посмотрите лучше на эти прекрасныя травюры, а не на любочныя картинки, находящіяся передъ вами.« Онъ подошелъ ко мнѣ нехотя, съ видомъ че-

ловѣка, досаждующаго, что ему мѣшають заниматься дѣломъ; но едва взглянулъ онъ на показываемую ему мною книгу, какъ съ ужасомъ ошкочилъ онъ меня, замахалъ руками и закричалъ: »Бога ради, закройше, закройше эту негодную, эту ужасную книгу!« Это мнѣ показалось довольно любезно: »Я не могу надивиться вашему обращенію онъ этого превосходнаго произведенія; мнѣ оно такъ нравится, что я сей же часъ куплю его;« и съ этими словами, я вынулъ кошелекъ съ деньгами. »Деньги!« закричалъ мой чудакъ такимъ голосомъ, какъ Жоржъ въ *Жизни игрока*: »у васъ есть деньги!« возиорилъ онъ и запряся всѣмъ нѣдомъ. Признаюсь, это восклицаніе моего архиепископа разхолодило нѣсколько мое желаніе войны съ нимъ въ нѣсную дружбу; но любезни-

ство превозмогло. »Развѣ вы нуждася въ деньгахъ?« спросилъ я.

— «Очень нуждаюсь!» проговорилъ скоро архинспекторъ; »и очень, очень давно нуждаюсь,« прибавилъ онъ, ударяя на каждое слово.

— «А много ли вамъ надобно?» спросилъ я съ участіемъ. »Можешь, я и могу помочь вамъ?»

— «На первый случай мнѣ нужно бездѣлицу — сущую бездѣлицу — сно миллионъ.»

— «На что же такъ много?» спросалъ я съ удивленіемъ.

— «Чтобъ соединить сводомъ Эпну съ Везувіемъ для триумфальныхъ воровъ, копорыми начененъ паркъ проекшированнаго мноюзамка.» отвѣчалъ онъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

И едва могъ удержаться онъ смѣха. »Ошъ чего же,« возразилъ я, »вы, человекъ съ такими колоссальными

идеями, — вы приняли съ отвраще-
ніемъ произведенія зодчаго, которій
по своимъ идеямъ хоня нѣсколько
приближается къ вамъ?»

— »Приближается?» — воскликнулъ
незнакомецъ: »приближается! да что
вы ко мнѣ приснаете съ этой про-
клятою книгою, когда я самъ сочи-
нилъ ея?»

— »Нынѣ, это уже слишкомъ,«
отвѣчалъ я. Съ сими словами я взялъ
лежащій возлѣ *Историческій сло-
варь* и показалъ ему страницу, на
которой было написано: »Chevalier
»Giambattista Piranesi, célèbre archi-
»tecte, n. en 1778«

— »Это вздоръ! это ложь!» закри-
чалъ мой архинекторъ. »Ахъ! я
былъ бы счастливъ, если бъ это бы-
ла правда: но я живу, къ несчастію
моему, живу — и эта проклятая
книга мѣшаетъ мнѣ умереть.«

Любопытство мое часъ оиъ часу
возрасало. «Объясните мнѣ сію
спрашность» сказалъ я ему: «повѣрь-
те мнѣ свое горе: повноряю, что я,
моженъ бытъ, и могу помочь вамъ.»

Лице снарика прояснилось; оиъ
взялъ меня за руку. — «Здѣсь не мѣ-
сто говорить объ этомъ: насъ мо-
гутъ подслушать люди, которые
въ состояніи повредить мнѣ. О! я
знаю людей Пойдемте со мною;
я дорогой расскажу вамъ мою спраш-
ную вѣнорію.» Мы вышли.

— «Такъ, сударь,» продолжалъ сна-
рикъ: «вы видите во мнѣ знамени-
таго и злополучнаго Цираези. Я
родился человекомъ съ таланномъ . . .
что я говорю? теперь зашранъ
уже поздно! я родился съ гениемъ
необыкновеннымъ. Спраше къ архи-
тектурѣ развила въ мнѣ съ ма-
дичесица, и великій Микель-Анжелло,

Воснавивный паншеонъ на неболь-
 шую церковь Св. Петра въ Римѣ,
 въ спарсенн былъ моимъ учше-
 демъ. Онъ восхищалея моими плана-
 ми и проеками зданий, и когда мнѣ
 исполнилось двадцать лѣтъ, великій
 масерь ошуснилъ меня онъ се-
 бя, сказавъ, чшобы я самъ себѣ про-
 кладывалъ дорогу и старалея увѣко-
 вѣчить мое имя безъ его стараний.
 Съ этой минуты начался мой не-
 счаснйя. Я нигдѣ не могъ найти ра-
 боты; деньги становились рѣдки.
 Тщешно предснавлялъ я мои про-
 екты и Римскому Императору и Ко-
 ролю Французскому, и Папамъ и
 Кардиналамъ: все восхищались ими;
 но когда доходило дѣло до постро-
 ки — недоснанонокъ денегъ оснавлялъ
 мои планы безъ исполненія. Между-
 шемъ проходилли годы; начатныя зда-
 ния оканчивались, совершени мои

спискивали безмертіе, — а я склпался оиъ двора къ двору, оиъ передней къ передней съ моимъ порпчѣлемъ, конпорый поиглъ часть оиъ часу болѣе.

»Чувствуя приближеніе старости и помышляя о томъ, что если бы кто и захопелъ поручить мнѣ какую-либо поспройку, то не доспало бы жизни моеи на окончаніе оной, я рѣшился запечаташь мои преекпы, на спядѣ моимъ современникамъ, и чпобы показанъ попомспву, какого человека они не умѣли цѣншь. Съ усердіемъ принялся я за сію работу, гравировалъ день и ночь и преекпы мои разходились по свѣту, возбуждая то смѣхъ, то удивленіе. — Но со мной спалоь со всѣмъ другое слушайше и удивляйше Я узналъ шеперь горькимъ оыпомъ, что въ каждомъ

произведеніи, выходящемъ изъ головы художника — зарождающійся духъ Эфирондъ; каждое зданіе, каждая картина, каждая черта, невзначай проведенная по холсту или бумагѣ, служившія жилищемъ такому духу. Эти духи свойства злаго: они любятъ жизнь, любятъ множиться и шерзаны своего творца за истинное жилище. Едва почували они, что жилище ихъ должно ограничиться одними гравированными картинками, какъ вознегодовали на меня Я уже былъ на смертной постели, какъ вдругъ слышали ль вы о чловѣкѣ, котораго называютъ *вильнымъ идиоломъ*? Все, что разсказываютъ о немъ, есть ложь: энонь злополучный передъ вами. . . . Едва я началъ смыкать глаза вѣчнымъ сномъ, какъ меня окружили призраки въ образѣ дворцовъ, палатъ, до-

мовъ, бесѣдокъ, сводовъ, колоннъ. Все они вмѣстѣ давили меня своею громадою и съ ужаснымъ хохотомъ просили у меня жизни. Съ той минуты я не знаю покоя; духи, мною порожденные, преслѣдуютъ меня: тамъ огромный сводъ обхватывалъ меня въ свои объятія, здѣсь пла-спры тонящая за мною, шагая вершинами, — здѣсь окно дребезжало передо мною своими огромными рамами. Все они не дають умереть мнѣ, допытываютъ меня, зачѣмъ осудилъ я ихъ на жизнь неполную и на вѣчное терзаніе? — Тщетно я перехожу изъ земли въ землю, тщетно высматриваю, не подомчлось ли гдѣ великолѣпное зданіе, на смѣхъ мнѣ поспрошенное моими соперниками. Часно въ Римѣ ночью я приближался къ свѣдамъ, поспрошеннымъ эпикомъ счастливецемъ Микелемъ, и

слабою рукою ударялъ въ эпонъ проклятый куполь, копорый и не думаешь шевелиться, или въ Пиэ въшался обѣими руками на эту неподную башню, копорая въ продолженіе семи вѣковъ нагибается на землю и не хочешь до нея допнаться.

»И уже пробѣжалъ всю Европу, Азію, Африку, переплылъ море: вездѣ я щу разрушенныхъ зданій, копорыи могъ бы я возсоздать моею шворческою силой; рукоплескаю бурямъ, землетрясеніямъ. Рожденный съ обнаженнымъ сердцемъ поэта, я перечувствую все, чѣмъ спраждунтъ несчастные, лишенные общаства, пораженные ужасами природы и не могу не шрепешать оиъ радости при видѣ разрушенія. . . . Но все шщещино! часъ созданія еще не наступилъ для меня или уже прошелъ: многое разрушася-

ся вокругъ меня, но многое еще живеть и мѣнаешъ жизнь моимъ мыслямъ. И знаю, до нѣкъ поръ не сомкнулся мой ослабѣвшій вѣжды, пока не найдется покровитель, съ помощію котораго всѣ колоссальныя мои замыслы будутъ не на одной бумагѣ. Но гдѣ онъ? гдѣ найми его? Если и найду, но уже проекты мои уснаряван, многое въ нихъ опережено вѣкомъ — а нѣтъ силъ обновить ихъ! — Иногда я обманываю моихъ мущинелей, увѣряя, что занимаюсь приведеніемъ въ исполненіе какого-либо изъ моихъ проектовъ; и иногда они на минуту осмѣиваютъ меня въ покое. Въ такомъ положеніи былъ я, когда я встрѣтился съ вами: по пришло же вамъ въ голову открыть передо мною мою проклятую книгу: вы не видали, но я — я видѣлъ ясно, какъ одна изъ шлицей храма, по-

спрошеннаго въ среднѣ Средиземнаго моря, закивала на меня своей косматой головою Теперь вы знаете мое несчастіе: помогите же мнѣ по обѣщанію вашему. Только сто милліоновъ, умоляю васъ! » И съ этими словами онъ упалъ предо мною на колѣна.

Съ удивленіемъ и жалостію смотрѣлъ я на бѣдняка; вынулъ красивенькую бумажку и сказалъ: »Вонъ все, что могу я дать вамъ теперь.«

Спарикъ ухмыляясь посмотрѣлъ на меня: »Я это предвидѣлъ« ошвыгалъ онъ; »но хорошо и это: я приложу эти деньги къ мой суммѣ, которую я собираю для покупки Монблана, чтобы срынь его до основанія; ибо онъ будетъ ошнимать видъ у моего увеселительнаго замка.« — И съ этими словами онъ поспѣшно удалился.

.

БАЙКАЛЪ.

(Письмо къ О. М. С. (*).

25-го Мая въ 5 часовъ вечера я разпроспился съ Иркутскомъ. По дорогѣ къ Байкалу, называемой Заморскою, минуя городскую заставу, немедленно подымашься на Кресповскую гору, облегающую Иркутскъ съ южной стороны. Кладбище съ

(*) Письмо сіе писано почтеннымъ нашимъ Ориенталистомъ, г. Вичуринымъ, обратившимъ на себя вниманіе просвѣщенной Европы своими сочиненіями о Китай и Монголіи, переводами съ китайскаго языка разныхъ замѣчательныхъ шворе-

премя каменными церквами, расположенное по сей торъ надъ самымъ городомъ, представляеиъ очень хорошій видъ. Возвышенности оиъ кладбища даде на югъ покрыны густиымъ мѣлкимъ березникомъ и соснякомъ, оиъ чего весною и осенью много бываеиъ сырости и мокрединъ. При небольшомъ ирудѣ, можно бы сн мѣсна превращеиъ въ поля или луга, и въ обоиыхъ случаяхъ городъ много выигралъ бы, получивъ здоровое и красное мѣстоположеніе съ

иій и учеными своими соспязаніями съ парижскимъ Хинезисномъ г. Клапропомъ. Разстроенное здоровье побудило г. Вичурна (въ духовномъ званіи Оица Іакинса) отправишься изъ Кяхты къ Туркешскимъ горячимъ водамъ, чино за Байкаломъ. Помещенное здѣсь оицаиъ его плаваніа по Байкалу приелано изъ оишуда.

сей стороны. Но только что перешли за межу городской земли, то вправо открывающающаяся холмистыя поля и дуга, пересекаемые перельсками и пашочниками. Предъ вами внизу разстилающающаяся свѣтлая Ангара, устьянная островами. Снѣ мѣсна, по ихъ предельному положенію, со- снаваются въ лѣтнее время лучшее гулянье для горожанъ. На десятиой верстѣ лежишь Большая Разводная, село, расположенное на самомъ берегу Ангары. Здѣсь предѣль очарованія, производимаго сплюю трудолюбія на хорошей почвѣ. Отселе чѣмъ далѣе къ Байкалу, тѣмъ природа снаовишя и диче и угрюмѣ. Дорога болѣе лежишь мѣстами болонистыми, неудобными къ населенію. По лѣвую сторону нишуся горы, покрытыя хвойнымъ лѣсомъ. Изъ ихъ надѣи высекаешя множество

горныхъ рѣчекъ и ключей, Вправо стѣнется Аигара, омывающая подошву высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Левый берегъ совершенно необитаемъ.

На двѣнадцатой верстѣ вправо переѣзда, при рѣкѣ Тальцѣ, находится стеклянный заводъ, на которомъ дѣлають еще фарфоровую и фаянсовую посуду, и шкутъ въ небольшомъ количествѣ солдатскія сукна. Видѣнные мною образчики фарфора изрядны. Глазурь на фаянсѣ жеднованъ и шеметь. Стекло и бѣлое и зеленое средней доброты. Въ такой странѣ, гдѣ и фарфоръ и фаянсъ и стекло получаються изъ сполницъ или съ Макарьевкой ярмарки, подобное заведеніе обогатило бы содержателя, если бы онъ, сообразуясь съ силами, устремилъ вниманіе къ усовершенствованію одной ко-

торой-либо часини. Рабочіе сказывали, что сей фабрикантъ нуждается и въ хорошихъ машинахъ, и въ хорошихъ матеріалахъ, не смотря на выгоднѣйшія пособія со стороны Правительсва.

Уже въ три часа утра я прѣхалъ въ Никольское зимовье, бѣдную деревушку, лежащую на берегу Ангары. Деревянная церковь во имя Св. Николая, построенная для проезжающихъ, совершенно обветшала. Здѣсь есть небольшая, но спокойная пристань, въ конторѣ суда, плавающія по Байкалу, останавливающаяся на зимовку или для починокъ. Пятью верстами далѣе, находящіяся Анисвенничье зимовье, разположенное по узкому, каменистому берегу Байкала подлѣ высокихъ гранитныхъ горъ, покрытыхъ анисвенничьимъ лѣсомъ. Зимовьями называютъ здѣсь одинокія

избушки, приспособенныя для временнаго приюта зимою въ необыкновенномъ мѣсцѣ; но нынѣ и цѣлыя селенія, заведенныя на шаковыхъ мѣсцахъ, удерживающъ названія зимовей. Въ Лисивеничномъ находился эшаный домъ, почтовый дворъ и до десяти обывательскихъ домиковъ. Мѣсячное положеніе не дозволяетъ жителямъ заниматься ни хлебопашествомъ, ни скотоводствомъ. Они промышляющъ только рыбнымъ и зверинымъ промыслами.

На пространствѣ между селеніями Шикольскимъ и Лисивеничнымъ, Ангара выходящъ изъ великаго своего водоема — Байкала, переканываясь чрезъ каменныя вершины высочайшей подводной горы, соединяющей береговья противоположныя горы между собою. Ангарское жерло содержитъ въ себѣ около двухъ верствъ

въ ширину, на протяжении небольшаго 10 сажень, при глубинѣ, достаточной для проуска большихъ судовъ. Сѣе подводное ущелье лежитъ въ 20 сажняхъ отъ праваго берега и называется *береговыми воротами*. На половинѣ перекана выдалась изъ воды острая граничная вершина, называемая *Шаманскимъ камнемъ*, вышиною до двухъ сажень надъ поверхностью рѣки, и около семи сажень въ окружности. Чайки убѣдили сей камень, осматывая на немъ стѣды своего пребыванія, а Монголы избрали оный священнымъ мѣстомъ для поклоненія духу охранительному мѣсяцъ.

Ангара, при выходѣ своемъ изъ Байкала, течетъ съ такимъ стремленіемъ, что на прищанихъ верситъ отъ устья никогда не покрывается льдомъ. Говорятъ, что поверхность Байкала

69-ю саженьми выше поверхности Ангары, протекающей подъ Иркутска. Это можно усмотрѣть изъ самаго мѣстоположенія. Иркутскъ расположенъ на небольшомъ мысу, образующемъ подножью горъ, концыя оныхъ южной городской заставы продолжающа до самаго Байкала, постепенно возвыщаясь. Почему и потому не безъ основанія опасаются, что сей городъ содѣлается жертвою Байкала, если сильный ударъ землетрясенія осадитъ каменное русло жерла ангарскаго.

Байкаль, по-монгольски *Байгалъ*, есть собственное имя, данное сему озеру Монголами, первообитавшими обитателями его окрестностей. Увѣрять, что Китайцы еще въ 119 году до Р. X. видѣли Байкаль (*) съ

(*) См. *Записки о Монголии*, Ч. III, стр. 15.

Боргойскаго хребта, и соглашаясь со звучностью сего имени съ мѣстоположеніемъ въ отношеніи къ своему опечеснву, назвали сіе озеро *Вэй-Хай*, что значить: сѣверное море. Жители Восточной Сибири наименовали Байкаль *моремъ* единственно по его обширности (*); но онъ не имѣетъ ни одного изъ качествъ, свойственныхъ морямъ. Вода въ немъ прѣсная, свѣтлая, весьма холодная. Періодическихъ приливовъ и отливовъ, также стремленія водъ въ одну какую-либо сторону, никогда въ

(*) Въ 1806 году окончено геометрическое измѣреніе Байкала, производившееся зимнимъ временемъ по береговой чертѣ. По оному измѣренію, Байкаль содержитъ въ окружности своей 1865, въ длину 585 верстъ. Ширина его въ самомъ узкомъ мѣстѣ, прошивъ устьи Селенги, простирается до 50 верстъ. — См. *Описание Сибири*, г. Семивскаго.

немъ не бываеиъ. Въ Байкалѣ находяиця двѣ шолько вещи, общія ему съ морями: шюленн, коншорыхъ здѣсь называюиъ *перлами*, и морская губка, называемая бодягою.

Произхожденіе Байкала прииисываюиъ подземному огню. Въ самой вещи, если посмошрѣиъ на высочайшій береговый горы, онускаюиця въ глубину озера въ полуразрушенномъ видѣ; если обратишъ вниманіе на чрезвычайную неровность дна его, на осшрья каменныя вершны съ деревьями и мхами, показываюиця въ водѣ при значительномъ оидаленіи оиъ береговъ; особенно если представшъ себѣ недосыгаемую глубину подѣ шой самой подводной горы, чрезъ коншору изъ него выходяиъ Ангара; но нельзя не убѣдишся, что шѣкогда, еице во времена незапамятныя, сильное землешрясене

произвело провалъ, соспавающій водоёмъ Байкала. Землетрясенія здѣсь хотя не очень сильны, но ежегодно случаются.

Байкаль преизобиляетъ рыбою. Водятся въ немъ осетры, шайменн, ленки, щуки, налимы, харіузы, сига, окуни, и въ несмѣнномъ количествѣ омули, называемые такъ отъ монгольскаго слова: *омоли*. Они принадлежатъ къ роду сельдей и раздѣляются на три вида: первый видъ составляютъ омули Бугульдейскіе, длиною въ четверть. Они зимою во множествѣ подходятъ къ западному берегу Байкала противъ острова Ольхона, гдѣ и ловятся ихъ неводами подо льдомъ. Второго вида суть *слившанные* омули, такъ называемые мною поному, что руно ихъ состоитъ изъ рыбъ разной величины, отъ двухъ вершковъ до аршина. Въ Июль они

во множествѣ приваливающихся къ восточному берегу Байкала, простирающемуся верстѣ на сѣно ость рѣки Турки на западъ. Тѣло сихъ омулей чрезвычайно нѣжно и бѣло, жирно и вкусомъ не уступаешь лучшей бѣлой рыбцѣ (*). Третій видъ составляютъ обыкновенные шестивершковые омули, идущіе въ Августѣ въ Селенгу, а въ Сентябрѣ въ прорву близъ Посольскаго монастыря. Последніе называются еще *котловыми*, потому что ловятъ ихъ не неводами, а перетородками, изъ копъ верхняя бываетъ глухая, а нижняя съ узкими опверстїями внутрь. Ловъ селенгинскихъ омулей чрезвычайно великъ въ сравненїи съ копновымъ. Съ недавняго времени узна-

(*) Кажется, что видъ сихъ омулей еще не извѣстенъ естественнымъ жителямъ.

ли, что такіе же омули и въ то же время идушъ еще въ рѣки Баргузинъ и Верхнюю Ангару, и также въ большомъ количествѣ; но опда-ленности сихъ мѣсцъ и неудобности плаванія къ онымъ не дозволяютъ пользоваться здѣсь ловомъ омулей. Берега Байкала и до сего времени еще такъ мало населены, что на двухъ-тысячномъ пространеніи находящіяся только нѣсколько небольшихъ деревушекъ.

На рейдѣ предъ Лисшвейичнымъ спояли два казенныя судна, опредѣ-ленныя для переезда пушниковъ, ѣду-щихъ по подорожнымъ. Небо было па-смурно, при крикомъ сѣвере-запад-номъ вѣтрѣ, который впрочемъ былъ недоспапачень для большихъ судовъ. Я не имѣлъ шербѣна сидѣть на пу-спомъ берегу: поспавилъ бричку въ рыбацью лодку, плавшую онсела при-

мо въ Селенгу, и въ 11 часовъ ушра
оправился въ пушь. Рыбачьи лодки
считающяся удобнѣйшими для ско-
рой переправы чрезъ Байкаль, по-
тому что при безвѣтрїи могутъ
ити на веслахъ, а при сильномъ
волненїи не столько подвержены кач-
кѣ, какъ большія суда.

Чѣмъ болѣе мы опдалялись отъ
берега, тѣмъ болѣе развершывалась
предъ нами картина окрестныхъ ви-
довъ. Вскорѣ показалось солнце и
представило красоны ихъ въ пол-
номъ блескѣ. Лѣсенныя горы без-
прерывно шянутся по западному бе-
регу Байкала, и чѣмъ далѣе къ сѣ-
веру, тѣмъ спановяются выше. Тем-
нозеленая хвоя опшгнляетъ верши-
ны ихъ одну отъ другой въ разныхъ
направленїяхъ. Въ шуманной дали
юго-восшока, Хамарь-дабанъ выхо-
дитъ изъ волнъ морскихъ во всей

своей огромности. Съверо-восточный берегъ еще былъ невидимъ, и лазуревый небосклонъ сливался съ темною поверхностью воды. О! что значатъ пейзажи славнѣйшихъ художниковъ въ сравненіи съ подлинниками ихъ въ природѣ! Тамъ удивляешься высокому искусству въ подражаніи, и ничего болѣе не чувствуешь. Здѣсь, напротивъ, познаваешь въ невыразимыхъ удовольствіяхъ души и наконецъ весь исчезаешь въ смиренномъ благоговѣніи къ невидимой мѣккой Силѣ.

Въ два часа по полудни миновали мы Кадильное, а въ пять и Голоушное. Сии два зимовья суть единственные селенія на всемъ западномъ берегу Байкала, если только два дома съ почтовымъ дворомъ можно назвать селеніемъ. Предъ закатомъ солнца въспрь началъ снѣжашь, и

вскорѣ совершенно замерь. Хозяинъ привязалъ руль и съ своими рабочими спокойно предался сну — въ десяти вершинахъ отъ берега. Якорей, по причинѣ глубины, не бросаютъ.

28-го. Въ три часа утра солнце еще скрывалось отъ насъ за горами, какъ первые лучи его уже разсыпались по ихъ вершинамъ, и золотомъ оспрались въ зеркальной влагѣ. Въ горныхъ падахъ медленно образовались туманы. Они густѣли, шемѣли, развершивались и наконецъ начали отдѣляться отъ горъ цѣлыми рядами облаковъ. Во все утро царствовала глубокая тишина. Наконецъ гладкая поверхность Байкала начала рябнуть, и вскорѣ направленіе облаковъ сдѣлалось однообразнымъ къ сѣверо-востоку. Мы снова пустились въ путь по вѣтру попушному.

По мѣрѣ, какъ Хамаръ-дабанъ по-
нулъ въ синевѣ юго-востока, въ от-
даленности сѣверо-востока откры-
вались новыя горы. Но Хамскіе голь-
цы, еще за двѣсти верстъ видимыя
изъ-за другихъ горъ, оспаривали
первенство у самаго Хамаръ-даба-
на. Гранитная плоскошь ихъ, по-
крытая вѣчными снѣгами, предсав-
ляла бѣлѣйшій вѣнецъ, лежавшій
на темно-хвойной сивной макушкѣ
прочихъ горъ. Безподобно величе-
ственная картина!

Въ три часа по полудни, пронес-
лись надъ западнымъ берегомъ не-
большія дождевыя тучи, и вѣдъ
за оными по темнозеленой плоско-
сти вершинъ древесныхъ образова-
лись ряды бѣлоснѣжныхъ холмовъ.
Эти были новыя облака, еще въ
младенчествѣ своемъ. Въ пять ча-
совъ ужасная буря ринулась съ горъ

на море, и я еще въ первый разъ увидѣлъ, какъ вънрѣ со свинцомъ сверпывалъ воду и перебрасывалъ ее черезъ огромные валы. Но въ это самое время мы успѣли войти въ устье Селенги, а на другой день (29-го) въ семь часовъ утра пришли въ Чертовку, небольшое селеніе, лежащее на лѣвомъ берегу Селенги, въ 20-ти вершинахъ отъ ея устья. Сіе селеніе имѣтъ достопримѣчательно, что въ Августѣ собирается сюда множество народа для засола омулей, промыслаемыхъ какъ въ самой Селенгѣ, такъ и въ устьяхъ ея.

Устье Селенги разделяется на пять большихъ рукавовъ и занимаетъ обширную равнину, содержащую въ себѣ около 70 верстъ въ длину и столько же въ ширину. Сія равнина нечувствительно возвышается отъ моря до самыхъ восточныхъ

горь, вся соспонишь изъ наноснаго
ила и еснъ нечно шое, какъ произ-
веденіе самой Селенги. Во времена,
неизвѣсныя самымъ преданіямъ, го-
ры шѣ служили восточнымъ предѣ-
ломъ Байкала. Селенга, увлекаая бы-
стрымъ теченіемъ землю, опшюр-
гаемую ошъ рыхлыхъ своихъ бере-
говъ, и наконецъ слагая сію пошу
при впаденіи въ Байкаль, медленно
образовала поминушую равнину. Снмъ
же образомъ и нынѣ продолжается
увеличивашъ оную: ибо, по увѣре-
нію здѣшнихъ шарожаковъ, въ те-
ченіе послѣднихъ приращеніи льнш
образовалось около пяши верстнъ ма-
шерика, конорый едва ондѣляется
ошъ поверхности воды, и кромѣ нѣко-
шорыхъ травъ, проростника и шаль-
ника ничего еще не произращаснъ.
Подводныя мѣши, могущія въ послѣд-
ствіи образовать новый манерикъ,

просширающагося уже далеко въ море и означающаго оныя глубины танистыми цвѣтениемъ воды. Сіе медленное, но безпрерывно продолжаемое дѣйствіе Селенги никогда не раздѣлитъ Байкаль на два водоема, и рѣка, дошедши до западнаго берега, оставивъ здѣсь небольшой проливъ для прохода воды изъ сѣвернаго Байкала въ южный. Природа оныя и въ сѣнѣ таинственно дѣйствуетъ въ измѣненіи своихъ образовъ. Видимъ, что нравы рощицы, но не можемъ продемонстрировать, какъ оныя постепенно увеличиваются. Замѣчаемъ, что моря оныя существуютъ оныя однихъ береговъ къ другимъ; но не можемъ продемонстрировать, какъ сіе оныя осуществленіе совершается.

И. Б.

Июль 15.

1851.

Горачеводскъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КИТАЙСКАГО РОМАНА:

ХАУ-ЦЮ-ДЖУАНЬ,

и. е. *безприличный бракъ,*

ПЕРЕВОДЪ СЪ КИТАЙСКАГО.

(Дѣвица Бинъ-Синъ, бывъ похищена человекомъ, искавшимъ ея руки, освобождается юнымъ и благороднымъ Тей-Гундзы. Похищенель, молодой повѣса знаннаго рода, по имени Го-Гундзы, старается снова завлечь ее въ свои сѣни; но всѣ его замыслы рушатся умомъ и хитро-

снiю дѣвицы Бинъ-Синъ. Не успѣвая въ своихъ коварствахъ, Го-Гундзы ищеть оиисиниъ ея освободителею; но и шомъ не дается въ обманъ. Здѣсь описанъ одинъ изъ способовъ мщенiя, выдуманныхъ Го-Гундзы и песнемъ его Шуй-Жунемъ, дядею помянутой дѣвицы.

Романъ сей оиѣвно занимателенъ, какъ спрашносно своего содержанiя, такъ и любовнымъ изображенiемъ киншайскихъ нравовъ, описанныхъ Киншайцемъ.

Вспрѣчаемое въ семъ опрѣвкѣ слово: *Гун-дзы*, придается къ личному имени молодого человека и означеть благороднаго юношу, сына знатнаго оища. *Гунъ* естъ въ Киншаишинуль досшонснва 2-го класса.)

Г л а в а XII.

*За притворнымъ угощеніемъ ока-
зались лвыи злодѣи.*

..... Шуй-Жунь, видя неуспѣш-
ность своихъ замысловъ, печально
пошелъ къ Го-Гундзы и сказалъ ему:
»Лукавъ эионъ Тей, Непремѣнно
хочешь кончить все дѣло шайкомъ.
Вы должны бышь осторожны.

—»Мнѣ кажется, онъ сущій дя-
воль,« отвѣчалъ Го-Гундзы: »какъ
же мнѣ, проснаку, онъ него осне-
речься? Видно, онъ не на шулку хо-
чень бышь моимъ соперникомъ. Раз-
вѣ ужь подружился мнѣ съ нимъ,
и пригласивъ его къ себѣ на зав-

шракъ, напоить до-шняна и побить его? Господа Джанъ, Ли, Ванъ, не откажутся мнѣ въ томъ пособить.

— «И это было бы хорошо,» замѣнилъ Шуй-Жунъ; «но, кажется, невозможно!»

— «Почему невозможно?» возразилъ Го-Гундзы. «Пусть онъ съѣтъ *Дутана*; по мой онецъ почти *Чын-сянъ*: чѣмъ же я меньше его?»

— «Когда шакъ.» молвилъ Шуй-Жунъ, «но теперь же онъ правъшесть къ нему, пока онъ не уѣхалъ.»

Го-Гундзы, поспѣшно приготова билетъ и переодѣвшись, поѣхалъ. Тей-Гундзы, увидя билетъ его, велѣлъ своему слугѣ сказанъ, что его нѣтъ дома; а самъ ушелъ въ другую комнату. Го-Гундзы, вошедъ въ переднюю, наговорилъ Сюу-Даню множеснво въкливостей, онноснв-

шихся къ его господину, и уѣхалъ. Тогда Тей-Гундзы началъ разсужданъ: »Я проливникъ его; зачѣмъ же ему было прѣзжанъ ко мнѣ? видно, не успѣвъ въ прежнихъ своихъ хитросняхъ, выдумалъ еще какую нибудь; но едва ли и шенерь успѣешь, дружокъ! Впрочемъ дѣло уже конечно, и я завтра же уѣду; когда мнѣ сънимъ видѣнся? « — Пономъ, пораздумавшись, онъ говорилъ про себя: »Пусть онъ въпреникъ и неучъ, но онъ сынъ знашнаго вельможи. Всякъ осудитъ меня, если не поѣщу его взаимно. А какъ это роскошное дѣла вспаеитъ поздно, то завтра пораньше опвезу къ нему бѣленъ. «

Поупру Тей-Гундзы приказалъ Сюу-Даню готовиться къ отъѣзду, а самъ, взявъ слугу изъ госпитальцы, пошелъ къ Го-Гундзы. Эпоиъ уже

давно поспавица въсноваго; и поць-ко Тей-Гундзы подошелъ къ ворошамъ и послалъ билеши, какъ Го-Гундзы, порядочно одѣный, встрѣшилъ его и сказалъ съ веселымъ видомъ: »Я, меньшей ваши браншъ, единственно изъ почтенія къ вамъ былъ у васъ вчера; но могъ ли я надѣяться, чинобъ вы для меня беззаконили себя?« Туншъ ошъ началъ усильно просить Тей, чинобъ ошъ вошелъ къ нему въ домъ. Тей-Гундзы, сверхъ чаянїя встрѣтивъ его у ворошъ и увидѣвъ оказываемые имъ знаки уваженія, принужденъ былъ войти въ прїемную комнату, и послѣ новыхъ привѣтствій, хотѣлъ было уйти; но Го-Гундзы удержалъ его, говоря, что »здѣсь не шакое мѣсто, гдѣ бы прилично было слушаншъ *его наставленія*,« и ввелъ его во внутреннюю комнату. Здѣсь они взаимно другъ

друга привітствовали и сѣли; имъ подали чай. Тогда Го-Гундзы сказалъ: »Давно я желалъ васъ видѣть; но за разными дѣлами, не могъ до вчерашняго дня засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Теперь же, имѣя счастіе видѣть васъ у себя, не въ силахъ изъяснить мою радость. Не льзяли, для такой радости, намъ вмѣстѣ повеселиться?»

— »Чувствуя вашу пріязнь, я съ великимъ бы удовольствіемъ исполнилъ ваше желаніе,« отвѣчалъ Той-Гундзы; »но отвѣздъ мой такъ скоръ, какъ спуснитъ стрѣлу съ тешивы. Въ другое время не премину удовлетворить ваше желаніе.«

Онъ хотѣлъ итти; но Го-Гундзы, остановивъ его, сказалъ: »Мнѣ будетъ спѣшно передъ цѣлымъ городомъ, если не удостоюще сколько

нибудь посидишь у меня. Онъ въздъ можно оплодншь на иъсколькo часовъ.

— » Не починае, чнобъ я обманывалъ васъ, « моавилъ Тей-Гундзы: » ишншно мнѣ скоро должно выѣхашъ онсюда. «

Го-Гундзы, схваня его за рукавъ, сказала: » Хонъ я, меньшей ванъ бранъ, не великой ученый; но онецъ мой считаешя вельможей. Не презирайне меня. А если презираешя, то не слѣдовао бы удоснонванъ меня поственемъ; когда же поствнши, то вы госнъ, а я хозяинъ; и хозяинъ желаетъ изъавншъ госню любовь свою.

— » Видя вашу любовь, никакъ не сказала бы объ онъвъздѣ, « возразилъ Тей-Гундзы; » но когда уже все гонно, то не могу долге у васъ оставанъся.

— « Не съблю больше удерживать, » сказала Го-Гундзы: « но крайне буду безноконнсья, опшусннсья вась съ шоннсья желудкомь. Могу ли предложнсья вамь хонн маленькую закуску? »

Тей-Гундзы, видя сильное насноннсья и неопшусннсья просьбу, съль и сказала: « Въ первый разь я пришелъ къ вамь и навожу вамь безноконнсья! »

— « Между искрешннсья друзьями, » опшнсья Го-Гундзы, « ннсья ннсья, ннсья ннсья. Напрасно говорннсья обь эномь. »

Во время сего разговора вошелъ Шуй-Жунь и разклаивнсья съ Тей-Гундзы, сказала ему: « Вчера моя племянннсья, желая вась изьявннсья свою признательность, просннсья моннсья именемь вась къ себь. Не знаю, почему вы опказались; а шенерь, къ счастью моему, нахожу вась здьсь. »

— « Опказался я по правннсьямь благодарннсья, » опшнсья Тей-Гун-

дзы. «Сюда же пришелъ засвидѣтельствованъ взаимное почтеніе Джинджу (*); но сверхъ чаянія, онъ удержалъ меня.

—«Въ древности,» подхватилъ Шуй-Жунъ, «съ перваго свиданія великаго мужа почтали, какъ съ стараго друга. Развѣ вы и зная мой хуже древнихъ мужей?»

Го-Гундзы засмѣялся и сказалъ: «Почтенный мой неслишь говорить истинную правду!» — Тей-Гундзы, видя ихъ ласки и почтеніе къ нему, подумалъ, что они ласкали его отъ чистаго сердца и забывъ все прежнее, не смалъ уже напоминанъ объ онъздѣ. Векорѣ набрали на смоль и Тей-Гундзы, замѣняя большія пригношенія, сказалъ: «Вы обѣщались подать только завтракъ; а здѣсь на-

(*), Титуль Го-Гундзы.

становлено сколько кушанья и вина: не рано ли будешь?»

— «Самое время,» отвечал Го-Гундзы: «сначала по маленьку поживань.» — Они съели впроемъ за столомъ, ѣли, пили и разговаривали по дружески; и лишь только Тей-Гундзы хотѣлъ выйти изъ-за стола, какъ слуга вошелъ съ докладомъ, что прѣхалъ совѣтника Военной Коллегіи преній сынъ Ванъ-Го-Гундзы, съ поспѣшностію вспрѣшивъ его и введши въ комнату, указалъ ему на Тей-Гундзы и примолвилъ: «Это старшій братъ Тей, великій мужъ въ учености и несравненный герой.»

— «Не вы ли,» сказалъ Ванъ-Гундзы, «вошли въ Янгъ-сянь-Тагъ?»

— «Я шонъ самый,» отвечалъ Тей-Гундзы.

— «Давно я желалъ васъ видѣть,» подхванивъ Ванъ-Гундзы: «извините меня!» И наливъ рюмку вина, поднесъ ее Тей-Гундзы, присовокупя: «Хотя это вино Го-Гундзы, но я въ знакъ почтенія подношу его вамъ.»

Тей-Гундзы, взаимно наливъ рюмку, сказала: «Много дѣлаете мнѣ чести; вы золотое въ сравненіи со мною!» и выпивъ съ нимъ при рюмке, хотѣлъ идти. Тунъ печально вошелъ второй сынъ чиновника Ли и проговорилъ безъ дальнихъ околичностей: «Здѣсь все старые друзья! что за веселье?»

— «Здѣсь прѣзжій госнъ,» сказала ему Го-Гундзы. Тей-Гундзы, вышедъ изъ-за стола, хотѣлъ изъяснить ему почтеніе; но Ли-Гундзы, удержавъ его, спросилъ: «Кто этакъ любезный другъ? смѣю ли спросить о вашей фамиліи?»

— «Я изъ Дай-минь-юу,» оиивчалъ Тей-Гундзы: «имя мое Тей-Джунъ-юй.

— «Ахъ! шакъ вы-по Гундзы Тей-Душана?» подхваниль Ли-Гундзы, и опдавъ ему низкйй поклонъ, продолжалъ: «довольно я наслышался вашего громкаго имени, и счастливъ, что сего дня васъ вижу.»

Тей-Гундзы, изъ учинивосни съвъ съ нимъ, говорилъ: «Снарий бранъ Ли сей часъ только пришелъ и непристойно мнѣ выйши велѣдъ за симъ; но какъ я уже давно здѣсь живу, то позволите мнѣ разснаться съ вами.

— «Бранецъ Тей,» возразиль Ли-Гундзы: «вы крайне обижаете вашего меньшаго бранца; я лишь только вошелъ, а вы хотните насъ оснавить. Зачѣмъ же давно не ушли? Не явно ли, что я недостойнъ ве-

селиться съ вами? — Шуй - Жунь примолвилъ къ нему, оборотивъ къ Тей-Гундзы: »Синь-Шинь! вы давно хонгъли инши; но съ брашомъ Ванъ вышан вы по при рюмки; шеперь должны и съ Ли-Сянъ-Шыномъ по же вышншь, шаче вы обидите его.«

Тей-Гундзы принужденъ былъ вышншь еще при рюмки, и вдругъ слуга вошелъ доложншь, что прѣхалъ господинъ Джагъ (сынъ члена Военной Коллегіи). Едва всмали изъ-за стола, какъ увидѣли его пьянаго. Выпуча глаза, имѣя шапку на боку, онъ шелъ и кричалъ: »Кшо шаковъ эпонгъ Тей, что прѣхалъ сюда выказывашъ себя мудрецомъ? что онъ не явленеша ко мнѣ?«

Тей-Гундзы, шная вдали и не сдѣлавъ поклона, онвѣчалъ: »Я Тей-Тинъ-Шинь; на что перебуете меня?«

*

Джанъ-Гундзы, посмонрѣвъ на него и захохотавъ, сказалъ: »Я думалъ, что брань Тей о семи головахъ и мужъ величавый; а теперь вижу прекрасные глаза, брови дугою, бѣлое личико . . . насмоящая дѣвушка! . . . Ужь не воскресъ ли Лю-Хеу (*)? — Но объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь выпьемъ.« — Посади Тей-Гундзы подлѣ себя, приказалъ онъ налить двѣ рюмки и взявъ одну, сказалъ: »Теперь знаю васъ лично; но не вѣдаю вашего сердца. Выпьемъ же для перваго свиданія!« Онъ выпилъ — и съ нимъ поневолѣ Тей-Гундзы. »Вонъ по-дружески!« сказалъ Джанъ-Гундзы, и приказалъ еще налить двѣ рюмки.

Но Тей-Гундзы возразилъ: »Я пришелъ давно, ишу много, и для

(*) Собышникъ династїи Хань Царя Гао-дзу.

брашневъ Ванъ, Ли, вышелъ по при
рюмки.»

— » А для меня только одну? «
вскрикнулъ Джанъ-Гундзы. » Ты оби-
жаешь меня. Скажу тебѣ откровенно,
что въ здѣшнемъ городѣ ин-
кно еще не осмѣливался меня оскор-
бить, и я до того не доущу. « Гунъ
взявъ рюмку, онъ вышелъ и принуж-
далъ Тей-Гундзы выйти; но сей,
взявъ рюмку, зажмурился и облокот-
ился на кресла, покачивалъ головою.
Джанъ-Гундзы, видя сіе, сказалъ
гнѣвно: » Мы условились инъ; а ты,
принимаясь такимъ образомъ, не
обижаешь ли меня?»

— » Когда могъ инъ, такъ инъ; «
отвѣчалъ Тей-Гундзы: » что за на-
силье? что за обида?»

— » Не ужь-но осмѣлишься не вы-
пить? « спросилъ Джанъ-Гундзы.

— «А что же, если не выпью?»
былъ ему ошвѣтъ.

— «Ахъ, ны скопина!» вскричалъ
Джанъ-Гундзы: «можешь величаться
у себя въ Дай-минь-фу, а не здѣсь!
Не выпущу, коли не выпьешь...» И
вдругъ вынулъ вино ему на голову.

Тей-Гундзы вскопчалъ со стула и
схвативъ Джана за горло, вскричалъ:
»Ахъ, ны рабъ презрѣнный! какъ ны
осмѣялся? Самъ идешь на смерть!

— «Не ужь-но,» закричалъ Джанъ-
Гундзы, »сгубишь меня ударишь?

— «А почему же пить?» ошвѣчалъ
Тей-Гундзы и далъ ему пощечину.

Тогда Ванъ, Ли-Гундзы вскрикну-
ли: «Грубійиъ! знаешь ли, гдѣ ны?»
А Го-Гундзы примолвилъ: «Я удер-
жалъ себя ошъ добраго сердца, а ны
еще осмѣялся безчинствованьи!...
Скорѣ заприше ворота: прибишь
его до полусмерти и ошнеси къ

Ань-Юаню! « И вдругъ при сихъ словахъ изъ боковой команды выскочили человекъ восемь здоровыхъ и сильныхъ; а Шуй-Жунъ, закричавъ: » Не шроньше, не шроньше! « подбѣжалъ къ Тей-Гундзы и хонгъанъ схвативши его за руку. » Собаки бѣшенны! можеши ли обидѣшь меня? « вскрикнулъ Тей-Гундзы, и поднявъ одной рукою Джанъ-Гундзы, махнулъ имъ знакъ, что уронить сноль съ кушаньемъ и всею посудой, а Шуй-Жуня знакъ онъ бросилъ, что онъ онскочилъ на сажень, унать и едва поднялся. Призванные восемь человекъ хонгъанъ бросилъ на Тея; но онъ, приподнявъ Джанъ-Гундзы, началъ имъ онмахиваться, онъ чего у бѣдняка голова закружилась, глаза помуншались и ему сдѣлалась дурноша; едва могъ онъ проговорить: » Друзья! не шроньше его. . . . Чшо вамъ надобно? «

— »Ничего не надобно,« молвилъ Тей-Гундзы, «кроме того, чтобы проводить меня.

— »Я провожу,« ошозвался Джань-Гундзы. Тогда Тей-Гундзы, поспавивъ его на полъ, вышелъ съ нимъ изъ комнаты; прочіе же спояли вышуча глаза и ворчали про себя: »Можно ли такъ буянить среди города? . . . Пускай идетъ; послѣ узнаешь.«

Тей-Гундзы, вышедъ за ворота и опусивъ Джань-Гундзы, сказалъ ему: »Брань старшій! прими на себя ирудъ сказанъ своимъ шоварницамъ, что ни сто человекъ пѣхоты съ собою конныхъ ничего не въ состояніи знѣ сдѣлать, когда есишь хонъ малое орудіе въ моихъ рукахъ; а сн разслабленные виномъ и безпуншвомъ илии человекъ и десятокъ сволочи могутъ ли выдрать

бороду у шигра? Когда бь не знашная порода ихъ, я переломалъ бы имъ ноги и оцпналъ бы у нихъ волосы съ головъ. Скажи имъ, чпобъ они молились за оказавшую мною милость и шшали ко мнѣ благодарность.» Тушъ онъ проснулся съ Джаномъ и пошелъ въ свою госпипищу, гдѣ маенькой его слуга давно былъ тошовъ къ онъбъду. Печально увидя Шуй-Юна съ лошадыю, Гей-Гундзы спросилъ: »Зачѣмъ ты здѣсь?

— »Госпожа мол,« онъбчалъ онъ, »услыша, чпю удержали васъ у Го-Гундзы, предвидѣла, чпю произойдетъ межъ вами ссора, а послѣ они же обнесутъ васъ предъ Анъ-Юанемъ; для сего прислала она лошадь, чпобъ вы прежде ихъ опсправились къ намѣшнику и съ нимъ объяснились.

— «Чѣмъ могу оиблагодарить го-
спожъ вашей?» сказала Тей-Гундзы:
«непремѣнно исполню все по ея на-
сказавленію.» И пошчасъ послѣ объ-
да, написавъ прошеніе на вышеномя-
нуныхъ господчиковъ, Тей-Гундзы
поѣхала въ городъ Суй-де-фу къ Ань-
Юаню, и услыша, что онъ засѣдаетъ
въ присущивенномъ мѣснѣ, вошелъ
на дворъ и ударилъ въ бубенъ. Въ
минушу военные спражи, выскочивъ
на сей ударъ, взяли Тея и повели
его къ палатѣ, въ коей засѣдалъ
Ань-Юань. Какъ сей вельможа по-
сланъ былъ сюда въ лицѣ Государя,
то Гундзы, славъ на колѣни, по-
дала бумагу. Ань-Юань ончасни уже
узналъ его; но увидя изъ бумаги,
что онъ сынъ Душана, и не прочи
еще прошенія, приказалъ занерешъ
ворота и ввелши просишеля. Когда
же Тей-Гундзы, вошедъ въ присущи-

ешвіе, хошбѣлъ спашь на колѣвнѣ, шо
 Ань-Юань, не допусшвъ его до эшо-
 го и взаимно оказавъ ему почщеніе,
 посадилъ, велѣвъ поданъ чаю и спро-
 снлъ: »Любезный другъ! когда вы
 прѣѣхали сюда? не имѣете ли здѣсь
 какого дѣла?»

— »Д, ученикъ, спранешвую для
 шого, чшобъ учиншься,« ошвѣчалъ
 Гуйды. »Не имѣя важнаго дѣла, не
 осмѣшлася бы васъ безноконшь; но
 печалшно попался я въ общесство ша-
 кихъ людей, чшо едва спасъ ошъ
 шихъ жизнь свою. Почему всешжай-
 ше прошу усноконшь и зацшщшь
 меня.

— »Кшо посмѣлъ обидѣшь васъ?«
 спроснлъ Ань-Юань: »предосшавшше
 мнѣ васъ усноконшь.« И прочшшавъ
 его прошеніе, сказаль хладнокровно:
 »Вонъ кшо шаковы... Но не мож-
 но ли просшшшь ихъ?»

— «Вашъ долгъ неспреблать порокъ и защищать невинность,» возразилъ Гуцзы: «какъ же хотите просинишь этихъ людей?»

— «Не шо, чинобъ я хонгвалъ ихъ поцадинъ,» отвѣчалъ Ань-Юань; «но какъ родилели ихъ знаншые вельможи, шо предешонитъ великая шрудноснть въ рѣшенн. А чинобъ воздержанъ ихъ и исправнъ, это шакже не безъ шруда, ибо они надѣюся на силу и богатство родилелей своихъ. Да если предешавншь и Государю, шо едва ли будешъ успѣшно. Предешавнше мнѣ рѣшншь. Пообдумую хорошенько и вы навсегда будеше спокойны.»

— «Если шакъ,» сказалъ Гуцзы, «шо не смѣю беззаконнъ васъ; а шолько прошу прннншь эту бумагу, чинобъ я въ ошесупсшвіе мое не былъ оклевешанъ передъ вами; и шогда я

иногда успокоить буду правосуднымъ рѣшеніемъ вашимъ.

— » Много одолженъ я вашимъ снисхожденіемъ,« сказала Ань-Юань. »Прошу послѣднѣ со мною и позволите мнѣ изъявить вамъ пріязнь мою.« По когда Тей - Гундзы не согласился у него осматрѣть долге, то Ань-Юань вручалъ ему деньги *ли* на дорожные расходы, и онъ, принявъ ихъ съ благодарностію, ошкланялся Ань-Юаню.

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА : *Последній Новикъ.*)

—» Онъ велѣлъ мнѣ приходиль къ себѣ. Иду къ нему, господь не на радость! Сяду на большое мѣсно подѣ образами, насыщусь его хлѣбомъ-солью, напыюсь медовъ сладкихъ и — онъ благодарю за госпенримство. Долго не забудешь званого поспинишеля.« Такъ говорилъ самъ съ собою В*, въ ожесоченіи прошивъ жизни, человѣческа и болѣе прошивъ челоуѣка, ошнйвшато у него единственное благо на землѣ; шакъ говорилъ онъ,

подходя къ *Носу*, одной изъ деревень, копорыми *старовьры* обѣли Чудское озеро. Мершвая, осенняя природа, нижемая, подобно оледенѣлымъ валамъ, шуми, едва движущіяся съ сѣвера; песчаная снень, сержино вечесанная пеногодами, по ней рѣдкія ели, недоросшии и уроды изъ царешва расшенія; временемъ неозримыя, сѣдыя воды Чудскаго озера, быющіяся непрерывно съ однообразнымъ спономъ о мершвые берега свои, какъ узникъ о рѣшенику своей шеминцы; изсохшій лиснь, хрустящій подъ ногами пушника нашего: все виорило сосполнню души В* . — Вошъ онъ ужъ и въ деревнѣ.

Лашыши, Чухны проводящъ обыкновенно унылаю, шихую жизнь въ дикой глуши, между горъ и въ лѣсахъ, въ разрозненныхъ далеко другъ отъ друга хижнахъ, вдали отъ

большихъ дорогъ и мызь, будно и
 иперь грозился на нихъ привидѣнїе
 феодализма съ развалинь своихъ зам-
 ковъ. Невидно у нихъ, какъ въ на-
 шихъ великороссійскихъ губерніяхъ,
 длинныхъ деревень, гдѣ тысячи лю-
 биятъ жаться другъ къ другу, гдѣ
 живье привольно, подобно широкимъ
 рѣкамъ, и шумно, перѣдко буйно, какъ
 большія дороги, около конорыхъ Ру-
 скіе любиятъ селиться; гдѣ встрѣ-
 чаеть и провожаеть зори толюси-
 стое веселье. По первому взгляду на
 деревню, въ конорую вошелъ В. *,
 можно было сей часъ узнать, что
 ея обитатели Рускіе. Ее образовали
 вдоль узкой улицы два ряда высо-
 кихъ избъ, расположенныхъ уснуна-
 ми такъ гѣсно, что казались онѣ
 взгромаженными одна на другую.
 Всѣ онѣ были съ однимъ краснымъ
 окномъ и двумя вологовыми, съ шру-

бамн и высокими *копьями*, на ко-
 няхъ или въялись разноцвѣтные фла-
 ги, или веригались суда и круги,
 искусство вырѣзанные. Ворота, уби-
 ные крупными, жескими гвоздя-
 ми, прикрывались длиннымъ навѣсомъ,
 подъ коимъ въѣзанъ былъ мѣдный
осьмиконечный крестъ. Паружность
 домовъ содержалась въ необыкновен-
 ной чистотѣ; особенно въ рудъ оконъ
 бревна были не только вымыты, но
 и поскоблены. Тишина, царившая
 въ селеніи, не удивила бы В. *,
 знавшаго, что въ жилищахъ расколь-
 никовъ наблюдается всегда строгое
 благочііе, если бы сія тишина не
 походила на какую-то меривенность.
 Никого не было видно на улицѣ и
 въ огородахъ. У двухъ, прехъ до-
 мовъ брякнулъ онъ по нѣскольку разъ,
 съ разстановкою, большимъ желѣз-
 нымъ кольцомъ о бляху никакого же

мешала; и несколько разъ послучался довольно крѣпко у оконъ шалочкою и прочиналъ жалосинымъ голосомъ моленіе: *Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.* Хоть бы голосъ женщины ошкандулся ему! — Гдѣ могли бытъ женщины *Носа* въ гулевою пору, въ обѣденныя часы?

Немало удивился онъ, когда ворота у одного дома безъ шруда ошворились, лишь только онъ осмѣлился приподнять щеколду и шолкнувъ слегка положилъ ихъ. На дворѣ шощій сконъ пожиралъ навозъ; собака, такая худая, чшо лопанки ея выспавлялись оспрыми углами и можно было перечесеть все ея ребра, шакшая вышолзла изъ капурь и вспрѣшила пришельца синованымъ, болзненнымъ ладемъ. Въ свѣлахъ шивого, въ избѣ шпо жь. Посуда, обыкновенно

содержимая у раскольниковъ въ большой численности, была разбросана въ безпорядкѣ по снопамъ и заставкамъ. Печь, въ изразцахъ копорой навѣрено было множество дыръ, чтобы, во время молниивъ, благодать удобнѣе проходила въ горшки и очищала кушанье, покупаемое на торгахъ, была непоплена. Иконы въ избѣ ни одной. Безъ труда вошелъ В.* на сосѣдній дворъ: въ немъ также пущиона; въ преншемъ, въ четверномъ по же. Далѣе нашелъ онъ въ колыбели умирающаго младенца. — « Счастливишь, что кончаешь жизнь, не понимая ее! » сказалъ В.*, и отвернулся онъ раняго сирадальца. Наконецъ у *зволтицы* (1) предсказавилось ему что-то похожее на живое существо. Это была молодая женщина, лежавшая на голой, сырой землѣ, и почти не-

(1) Колокольня.

движимая. Съ прудомъ могла она однако жь объяснить нашему спиранику, что она дочь шушопняго *установщика* (2), удостоена была въ *грамотницы* (3), замѣнила перѣдко *батьку* (ошца духовнаго) въ *часовенномъ* служеніи; но что съ недавняго времени лукавый понушалъ ее: она полюбила молодатаго, пригожаго *псаломца и гетца*. Это бы еще не бѣда. Грѣхъ сей можно было бы изкупить нѣсколькими енами *пачалъ* (4); но вошь что ее погубило. Ошецъ

(2) Установщикъ, надзираель за церковнымъ уставомъ и порядкомъ во время богослуженія.

(3) Грамотница читаетъ Апостолъ, поетъ на женской половинѣ духовныя пѣсни, и пишетъ книги, перѣдко съ большимъ искусствомъ по уставному.

(4) *Пачаломъ* называютъ раскольники тѣ семь поклоновъ, безъ коихъ они ничего не начинаютъ. Ежели кто въ семь случаевъ

ея любезнаго, побывавъ въ другомъ
согласіи (5), вывезъ оншуда ересь
 и смущилъ ея пѣкопорныхъ изъ жи-
 шелей деревни *Носа*; именно: онъ
 ешалъ принимашъ онъ *Федосея*
титлу, Писаномъ на крестѣ на-
 писанную: *Г. С. Назаршинъ, Царь*
Лудейскій. Посовцы же (поморскаго
согласія) писали пислу: *Царь сла-*
вы Ю Сынъ Божій, и пошому, пре-
 давъ ашаѡемъ *Лыциковъ* (6), выгнаш
 ихъ изъ деревни. Псалмогъвецъ, пре-
 же вѣчной разлуки съ любезною гра-
 монщицею, захотѣлъ съ ней про-
 снншься. Роковое свиданіе назначе-
 но въ близкомъ бору. Сердце у рас-
 кольницы такое же мягкое, какъ и
 у женщины *мірскиа*: она исполни-

не должннла поклона, ни переложннть
 его; но молнла не въ молншку.

(5) Секна, каша, общесннѣ.

(6) Вводнціе перемъну, повнзну въ расколъ.

ла волю мнѣго. *Надемотрица* (7) подглядѣла за ними, и посѣвшиа избавивши несчастную изъ сашанинскихъ когней *Федосеевича*, рассказавъ обо всемъ олицу ея. Озобленный родственель самъ, своими руками, выдалъ ее *согласію*. Тысячи земныхъ поклоновъ, ужасный посылъ, побои, изнѣзанія разнаго рода, освободили грѣшную олицу мученій ада. Ноги у ней были отбиты; одною рукою она не владѣла; земля подернула губы ея. «Теперь,» прибавила она, «очищенная жду спрашнаго суда.» — «Гдѣ жь православные?» спросила В.* — «Въ бору» ошвѣчала *грамотница*. «Посѣщай и ты шуда жь, чшобы спрашный часъ не засналъ шебя въ суетѣ.» Не понималъ В.*, о какомъ

(7) Надемотрица сморрнѣла за правешвеннѣннѣо мужчинѣ; надемотрица за повеленнѣемъ женчинѣ.

часть говорила несчастная. Онъ сдѣлать ей еще нѣсколько вопросовъ; но ослабѣвшая онъ успѣлъ, конорья употребила, чтобы разсказать о своей судьбѣ, она могла только указать ему на боръ, видимый изъ деревни, и погрузилась въ молченіе. »Ийду искать сльдовъ жизни, болѣе здоровой и сильной;« думаетъ В., обратившись, куда ему указано было: »авось, заражу ее моими спраданіями, или погубю надъ глухимъ человѣчествомъ. »

Еще издали представилось ему странное зрѣлище. *Поприца* (8) за два отъ деревни, въ мѣлкоросломъ, щедушномъ бору, на несчастныхъ буграхъ, по сѣблю вдающихся языкомъ въ воды Чудскаго озера, по усну-

(8) Раскольники считаютъ разстояніе поприцами; полагалъ въ каждомъ 120 шаговъ.

пающихъ водамъ снмъ и образующихъ для нихъ заливъ, а для рыбачьихъ лодокъ безопасную пристань, спояло сошши двѣ гробовъ, повѣвкихъ, только что изъ-подъ попора. Не смотря на отвращеніе, какое человекъ чувствуетъ къ ирриямъ себѣ подобныхъ, особенно чужихъ людей, В.* рѣшился подойти къ се-му погоспу. «Какая язва,» думалъ онъ,» уклала въ сіи домовища всѣхъ здѣшнихъ жищелей? Смершь, когда она не подвигнуша гнѣвомъ Божіимъ, упомилась бы въ годъ засѣять такое поле; а нынѣ, видно, наполнила она ихъ такъ скоро, какъ проворный жнецъ укладываетъ снопами свою полосу, какъ ловкій пестъ заго-няеть снадо въ овчарню. Однако, почему гробы не опуцены въ могилы? Изчезувшій съ земли долженъ и въ ней изчѣтѣть, чтобы не оставишь

онъ себя ничего, кромѣ имени чело-
вѣка. — Кто жь и когда успѣлъ по-
спрошить сѣи домовища? По этому
жилиши Иоса зарагѣ тошовиансь
умереть! Не перещли ли они въ
морельщики, и, можетъ бышь, же-
лая пріобрѣсь мученическій вѣнецъ,
сами себя умеривши?» Размышленія
сѣи были прерваны ужаснымъ воемъ,
плачемъ и визгомъ, поднявшимся
вдругъ изъ гробовъ, какъ скоро В.*
подосель къ нимъ. »Грядешь, гряде-
шь!» вошло множество. — »Госпо-
ди, Иисусе Христе, Сыне Божій, по-
милуй насъ!» раздавалось вокругъ его
на разные жалобные голоса. Иные
чинали сами себя ошходную; другіе
молили о помилованіи; нѣкоторые, за-
крывъ глаза, скрежесали ошъ сира-
ха зубами. Сначала испугался и самъ
В.*, обхваченный такимъ хоромъ; но
владѣвшись причесально въ фигуры,

укладенныя, какъ муміи, въ ящики, изъ коихъ большая часть была не закрыта, они едва не захохотать, не смотря на состояніе, въ которомъ находилась. Въ домовищахъ лежали жнатели. Паса разного пола и возраста, окутанные въ саваны и спеленанные — молодые розовыми покрывками, а старшіе голубыми, шакъ, чинъ изъ перевязки соснавилнсь при кресна: одинъ на колѣняхъ, другой на брюхѣ и шрешій на груди. Бумажный, блестящій вѣнецъ, съ осмиконечными креснами, обвивалъ ихъ чело; въ головахъ спояли мѣдные линыиы образа. У нѣкоторыхъ женщинъ покоились младенцы на груди, у другихъ съ крикомъ вырывались. Дѣши требовали хлѣба, обещуная ошцовъ и машерей, копорые съ жесшюкошншо ихъ ошшааквивали. В' пошль часъ, въ чемъ сосшюало дѣло;

съ важностью обошелъ вокругъ животноснаго кладбища, спалъ пономѣ на сѣдинѣ и возкликнулъ громовымъ голосомъ: » Почино вы здѣсь? « — На это воззваніе закричали многіе: » Это Аншихрестъ. Онъ смущаетъ насъ. Укрѣпнись, о браніе, въ сей страшный часъ моливною. « В.* поднялъ вверхъ правую руку, изъ кошпоры составилъ двуперстное крестное знаменіе, и опять возкликнулъ: — » О имени Господа Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа, вопрошаю васъ: почино вы здѣсь? « — » Яковъ Ковачъ, « сказалъ шумъ одинъ съ выплывшимся изъ гроба брюхомъ, дрожа отъ холода, а, можетъ быть и проголодавшійся; » онъ речень именемъ Господа. « — » Воцѣпину шакъ, « отвѣчалъ пономѣ, къ кому обращена была рѣчь. » Повѣдаемъ ему, почино мы здѣсь вкунѣ. « — » Пора бы, « при-

молвилъ преній, вынупываясь изъ
 пещеръ и понихоньку выползая изъ
 гроба: «пора бы ужь давно, по вы-
 численію *уставкика* Ашнина, совер-
 шиться пророчеству.» — «Посмотри-
 римъ, какъ ли солнце шечень? Итъ
 ли замѣнашельсва въ мѣрь часовъ?»
 присоединилъ свой голосъ четвер-
 ный, послѣдуя примѣру своихъ бра-
 ній, и помахивая на небо, на ко-
 емъ въ это время изъ-за свинцовыхъ
 тучъ проглянуло солнышко. «Кажись,
 все по старому.» — «Ашника обмо-
 рочилъ насъ,» закричало нѣсколько
 голосовъ. — «Подавайте Ашнику!
 Побьемъ-те его камнями. Бросимъ-
 те его въ воду!» вошли многіе. Сре-
 ди сего смятенія, выпрыгнулъ изъ
 гроба одинъ высокій мужичица, ра-
 зорвалъ на себѣ смершныя оковы, по-
 бѣжалъ въ противоположную онъ седе-
 нія сторону и, пока разоблачался бранья

его, спеленанные, подобно кукламъ, онъ умиль скривился изъ виду. «Ерешникъ! ажеучишель!» кричали многіе вельдъ ему: «не хошъль изкуишишь своего претрѣшенія мученическую смертію! Доснониъ еснъ онлученія онъ церкви и общезншельснва!» — «По-чно смущасешь, бранія мои о Госнодѣ?» сказала В.*, принявъ на себя постыный видъ. «Я спраненнвовалъ много по Свянымъ мѣснамъ, иду ше-неръ онъ Гроба Госнодн къ Соловецкимъ Чудовверцамъ, и несу вамъ по пуши оружія, каковыми подобаснъ подвизанъея пропнвъ Сапаны, дышащаго зельюю яроснію на Хрнсно-именнное доснояннє « Слова сн, какъ тпалнсманъ, подѣйснвовалн надъ живыми мернвецами. Толны собралнсь око-ло благовѣснншеля. (Подобно здѣсь замѣшншь, что раскольннкн нмѣюшъ слабую вѣру къ прншелънамъ Греко-

россійскаго исповѣданія изъ дальнихъ странъ, и пошому часно бывають обмануты бродягами). Шны, не успѣвъ еще разрѣшить ногъ своихъ отъ смершныхъ узъ, но желая скорѣе поклониться святому мужу (котораго за нѣсколько минушь годовы были побить камнями, какъ Аншина), бросались впередъ, зашнывались въ саванъ, падали другъ на друга и возлились по землѣ. Другіе два переступали съ ноги на ногу, имѣя руки связанныя, и предешавляли такимъ образомъ изъ себя движущійся чурбанъ. Нѣкоторые, крича прочихъ слышныя, лежали въ ящичкахъ своихъ, будно чающіе движенія воды, и жалосивно молили о помощи. Прибавленіе къ этому очерку бороды разнаго покроя и цвѣта, выходящія изъ пелень; бумажныя, пестрыя вѣтцы,

украшающіе маслинные лбы; опривки савановъ, копорые шащались по яшиамъ и на копорые наешунали ревностные бранья, — и можеше докончить смѣшную каринуу возснания Писовцевъ изъ меривыхъ. Замѣтно было однако жъ, что человека два - три вовсе не показывали знаковъ жизни и, вѣроятно, отъ холода, голода и страха упокоились на вѣчныя времена. Обснунувшіе В * Писовцы рассказали ему наконецъ, что за нѣсколько дней прошелъ чрезъ ихъ *общество* Киновіархъ Выговскаго скна и чиновначальникъ поморьянъ, Андрей Діонисіевъ. Онъ повѣдалъ имъ, что Аннихримень народился уже 30 лѣтъ, 3 мѣсяца и 3 дня, и что Иисусъ Хриность приидеть вскорѣ на облакахъ судить живыхъ и меривыхъ. »Мы просили

уставицика Аннина, « прибавляли
 рассказыки, »чпобы онъ вычислить
 намъ, въ кой именно часъ подоба-
 ешь быши Спрашному Суду. Прина-
 нася было вначалъ, собачій сытъ, буд-
 но боишея насъ перенуганъ, и ну
 онговариванься; а мы плониге къ
 нему: скажи-де намъ, не могли уша-
 нить, всю правду истину. Взясся
 еще разъ воръ Анника за книги;
 три дни, три ночи рылся въ нихъ;
 оныскалъ яко бы ключъ къ шани-
 ствамъ, и повѣдалъ намъ въ шре-
 щій день, что нигѣ-де, въ пашинцу,
 въ полдень, немынуемо быши прише-
 сивію Господню. Побросали мы все
 жишейское, подѣлали гробы и полег-
 ли въ нихъ вчера, изгошоваясь мо-
 лнивою и пошномъ къ спрашному
 часу. Но знашь . . . » — «Обмануль
 васъ, о браніе, Андрей Діонсіевъ

изъ собищенной корысти, » перебилъ В.* : « обмануль васъ и уславщикъ, подкуденный имъ. Разойдешся по Христианству поморскому свѣтъ, въ кою вы пошлѣли, и лукавый возвеселился. » — « Ахъ! онъ шакой-сякой! » вскричала толпа : « приди-ка онъ къ намъ! » — Воимше мѣ, « перебилъ опять В.* , возвысивъ голосъ : « вы всѣ, кои здѣсь предшюише и конхъ имена вписаны въ книзѣ живописей. Авонскій монахъ, сно лавиъ находящійся при Гробѣ Господнемъ, прислалъ вамъ со мною миръ онъ Бога и свое паспырекое благословеніе. Въ бесѣдѣ о временахъ и лѣтинахъ, онъ повѣдалъ мѣ, опираясь на сію просьбу... » При этомъ словѣ, слушатели бросились на посохъ, копорый держалъ В.* , и въ одинъ мѣ съ жадностію раздѣлили его по себѣ на мѣкія части. В.* не смущался и продол-

жалъ: «Святой оиецъ повѣдалъ мнѣ, что Аннихристъ уже 60 лѣтъ народился...» — «Смопрѣ-ка!» кричали многіе: «скрадено при десятика годовъ. Три десятика! легкомолившь! Ну, счастливиъ, что по добру, по здорову уиелелъ, а по похлебалъ бы свѣжей уишцы!» — «Свяной оиецъ повѣдалъ еще, что некусинелъ примешъ на себя образъ Киновіарха, что смушны его полько въ пилѣшнихъ лѣшѣхъ зачалелъ, а Спрашый Судъ наснаиелъ не прежде 49 лѣтъ, по вычисленію на семи седмицахъ.» Многое еще поаковалъ имъ В. * объ Аннихриствѣ, въ котораго ересіархъ Денисьевъ могъ бы смопрѣиелъ, какъ въ зеркало. Слушали проповѣдника жинелм Паса, разиуиъ роиъ, благодарили его за добрую вѣиелъ, уиравнивали его къ себѣ въ ушавцики

и обвѣдали современемъ произвестись въ чиноначальники. Чувство мести, а можетъ быть, и шемныя надежды, заставили его согласиться на предложеніе раскольниковъ.

Почившіе вѣчнымъ сномъ, и сльдственно кончившіе свою роль на сей сценѣ человѣческихъ заблужденій, преданы по обычаю, при всей брашн, доснойному погребенію ; послѣ чего гробы живыхъ брошены въ озеро. Флашия сія, ошшокинушая ошъ береговъ благопріяшнымъ вѣтромъ, поплыла по необозримымъ водамъ, и вскорѣ исчезла изъ виду. В. * былъ ошнесенъ въ мірекой домъ, шоржественно сопровождаемый многочисленнымъ народомъ, съ пѣніемъ : *Vere re водворится плазъ, и за утра радость.* — » Смотри шенерь на мое шоржество, « думалъ ошъ, « кто не

*

жалъ: »Святой онецъ повѣдалъ мнѣ, что Анпихриснъ уже 60 лѣтъ народился...« — »Смошри-ка! « кричали многіе: »скрадено шри десятика годовъ. Три десятика! легко молвишь! Ну, счаславъ, что по добру, по здорову ушелея, а по похлебалъ бы свѣжей ушницы!« — »Святой онецъ повѣдалъ еще, что искусншель применъ на себя образъ Киновіарха, что смушы его шолько въ пнѣвшнхъ лѣпѣхъ зачалсь, а Спрашннй Судъ насна-ннъ не прежде 49 лѣтъ, по вычисленію на семи седмицахъ.« Многое еще шолковалъ имъ В. * объ Анпихриснѣ, въ конпораго ересіархъ Де-ннсьевъ могъ бы смошрѣнсья, какъ въ зеркало. Слушали проповѣдника жншели Иоса, разншувъ рошъ, благодарили его за добрую вѣсь, уира-шнвали его къ себѣ въ уснщавщнн

и обычаями современемъ произвешъ въ чиноначальники. Чувство мести, а можетъ быть, и темныя надежды, заставили его согласиться на предложеніе раскольниковъ.

Почившіе въчымъ сномъ, и слѣдственно кончившіе свою роль на сей сценѣ человѣческихъ заблужденій, преданы по обычаю, при всей брашнѣ, доснойному погребенію; послѣ чего гробы живыхъ брошены въ озеро. Флашная сія, ошполкунная ошъ береговъ благопріяшнымъ вънромъ, пошла по необозримымъ водамъ, и векоръ исчезла изъ виду. В. * былъ ошнесенъ въ мірской домъ, шоржесшвенно сопровождаемый многочисленнымъ народомъ, съ пѣніемъ: *Vere-re водворится платъ, и за утра радость.* — « Сможря мещеръ на мое шоржесшво, » думалъ ошъ, « кино не

сказалъ бы : какъ легко управлять народомъ суевѣрнымъ и неважесшвеннымъ ! Но что скажешь тогда, кто видѣлъ бѣгство уснавица Аппина ? . . . »

II. Лажечниковъ.

О ЖИЗНИ РАСТЕНИЙ (*)

(Посвящается М. П. В.)

Жизнь, перейдя въ дѣйствительное бытіе и образовавъ растение, продолжаетъ въ немъ свои производимельныя дѣйствія. Растеніе *пребываетъ* въ определенной ему вещественной формѣ, и съ нею вмѣстѣ *производится* въ немъ различныя

(*) Жизнь растений, въ ея собственныхъ дѣйствіяхъ и произведеніяхъ, разсмаширивается въ другихъ главахъ; здѣсь она представляется въ сравненіи съ прочими видами земнаго міра.

дѣйствія, измѣненія и движенія. Сія *пробываемость*, вмѣстѣ съ *производимостью*, составляетъ *полное бытіе* растенія: это сунѣ, такъ сказать, правая и лѣвая сторона его жизни. Съ невозвращимымъ лишеніемъ одной стороны, оно лишается половины бытія своего; жизнь его прекращается, и оно *умираетъ*.

Пусть въ растеніи продолжается еще движеніе, измѣненіе вѣдесива, но такое, при которомъ уже не сохраняется его форма: сіе дѣйствіе будетъ разрушеніе, паденіе, ибо не управляется уже производительною силою жизни, и гнѣло разпадается *въ прахъ*, изъ коего образовалось. Это *смерть разрушенія*.

На оборотѣ: пусть гнѣло пребываетъ еще въ своей формѣ, но безъ дѣйствія и движенія: оно мертво. . .

Посмотрите на искусно высушенные расшеи́я, на собраніе насекомыхъ: нѣ же формы, краски, блескъ, что были и при жизни ихъ: но въ нихъ нѣтъ ни дыханія, ни движенія, никакой измѣняемости — и кабы негъ натуральный представляющъ собою склеи, гдѣ хранятся сіи красивыя *мушкетеры*. Такая *смерть цыпленка* последуетъ иногда, когда нѣго *навсегда* лишается своей жизненной производительности. Иногда сіе бываетъ *временно*: жизнь скрывается только на срокъ, и тогда нѣго не умираетъ, но только *обмираетъ*.

Въ такомъ *обмертвѣніи* находящіяся расшеи́я и многія живущія, въ продолженіе зимы; но съ возвращеніемъ весны, теплѣе дыханіе оной опогрѣваетъ ихъ производительность, и они опять *оживаютъ*.

Такова жизнь въ расшепяхъ; спу-
тимъ шагъ назадъ, въ жизни *неорга-*
нической.

Камни растутъ (1), сказала Лин-
ней о минералахъ, и шблъ опредѣ-
лить ихъ натуру. Дѣйствительно:
минералы только роснуть, беспо-
момшвенно, не продолжая бышя
своего въ себѣ подобныхъ, какъ по
бываетъ у существъ *органическихъ*
— у расшепй, животныхъ и чело-
вѣка. Жизнь *неорганическая*, выра-
щая минералъ, производитъ еще раз-
ныя дѣйствя; по образовавъ его,
скрывается въ немъ, и минералъ пре-
бываетъ заснвшею, оцѣпенѣлою
массою. Если произойдетъ измѣненіе
(химическое) въ составѣ минерала,
то быше его разрушается, и онъ,
подобно гнѣющему шруну, разпа-
дается на составныя свои ешхш.
Одностороннее быше минерала по-

добно мертвенному оцѣненію расше-
 нія. Для бытія его необходимо *от-*
сутствіе шой производимости, безъ
 которой расшеніе — мертвый шруть,
 и можно бы сказать, что минералы
живутъ смертію (2). Такъ глубоко
 сокрыта жизнь въ минералахъ! И
 есть одно только *внутреннее дви-*
женіе, когда пробуждается сія со-
 кровенная жизнь, и въ нашемъ слу-
 хѣ оглашается *звучомъ*. Въ семь
 пробужденіи я вижу опрадное про-
 образование шого пробужденія на
гласѣ трубный, съ конорымъ усон-
 шее бытіе возшанеть для бытія,
гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія,
но жизнь безконечная! . . .

Такимъ образомъ расшенія и жи-
 вошныя, при своемъ *обмертвѣніи* и
смерти шельній, шзходящъ на
 шенень неорганической жизни; а по
 совершенномъ *разрушеніи*, вмѣстѣ

съ минералами, они перешли бы къ
 бышню *стихійному*.

Природа, ежегодною смертію и
 погруженіемъ въ оцѣнѣлоснѣ ра-
 стеній и живоншыхъ, напоминаетъ
 намъ періоды давнипрошедшей, вѣко-
 вой жизни, когда она въ недрахъ зем-
 ныхъ погребала свои вѣковѣчныя по-
 рожденія органическихъ нѣтъ, *ока-*
меня оныя (3). И какъ нѣтъ каж-
 дый годъ земля покрываенся новымъ
 слоемъ *чернозема*, такъ въ нѣ мно-
 говѣчные тоды, нѣбья царства орга-
 ническихъ существъ падали въ свои
 могилы, но обгорѣлыми коспрами
каменнаго угля, но бальзамиро-
 ванныя *каменистыми веществами*.

Нашуралиенъ раземаприваенъ сн
 развалины, вопрошаенъ сн безмоль-
 ныя преданія природы о судьбѣ
 царствъ ея, разгадываенъ языкъ ея
 по оставшимся тѣроглицамъ, и на-

черпываетъ ея *бытописаніе*. А жизнь природы, обреченная подобно Сатурну поглотить свои рожденія, оплакиваетъ ихъ алмазами и перлами, хочешь моглау ихъ украсить цвѣтами — и на граничномъ корнѣ земли разцвѣтають драгоценныя камейня и менгалы. Сія блестящая печаль, иногда возвыщаемая въ успешномъ *гласѣ природы* (4), возносившая къ небесамъ на радужныхъ крыльяхъ монильковъ и пинчекъ, — въ этихъ любимыхъ *меткахъ* и *песняхъ* поющуюей махери природы.

Жизнь, которая въ минералѣ предназначала меривенное оцѣненіе, а въ растеніи была дѣятельнымъ хранителемъ своего произведенія, въ животномъ является еще *чувствующюю*. Животное одарено *чувствіемъ*, посредствомъ коего оно *ощущаетъ* внѣшнюю природу, различаетъ ея

полезныя и вредныя на него вліянія, и въ слѣдствіе того либо снреминшея къ ней, либо оныя нея удаляется. Посему животное имѣетъ *произвольное движеніе*, происходящее оныя его внутренняго *побужденія*. Растеніе лишено сей *чувствительной* жизни: приросшице своимъ корнемъ къ землѣ, оно какъ бы погружено само въ себя —

»И міръ ему закрытъ и темъ!«

Медленныя движенія, замѣчаемыя у большей части растений на цвѣткахъ, листьяхъ и стебляхъ, суть движенія *исвольныя* — и взглянувъ на *подсолнечникъ*, вы уже знаете ихъ главную причину. Сколько разнообразны движенія *лимозъ* и другихъ, такъ называемыхъ, *чувствительныхъ* растений; но все они либо не имѣютъ никакого отношенія ко высшему міру, либо, если и есть какая нибудь связь между

ними, но они управляются не чувствіемъ, а сильною сесирой его — *раздражимостью*. *Стыдливая милоза* боится всякаго поспорошняго прикосновенія: наденуть ли на нее капли живошворнаго дожда, коснешся ли жало насѣкомаго, либо игла наблюдателя, могуція повредить ей — она равно сжимаешь и опускаешь свои лепестки. То чувство *самохраненія*, которое у живонныхъ является разнообразными, неукротимыми движеніями, но насупнашельными, но оборонительными, — у расшеній является только движеніемъ *уступательнымъ*. Однѣмъ *муголовкамъ* (5) дано такое уснроенне лепестковъ, что сжимаясь они мухи, на нихъ сѣвшей, сами се сдавливають и шѣмъ онилачивають за безоружныхъ собраний.

Въ описанное нами *покорное* состояніе расшеиій приходящъ и живошныя, когда ихъ чувственная жизнь, прекращая свои сообщенія съ вѣшнимъ міромъ, погружается въ жизнь расшиштельную. Такое состояніе называется *сномъ*. Тогда у живошного совершаются дѣйствія только расшишительныя; тогда движенія его невольны, и оно удобляется расшеиію. Такимъ образомъ жизнь расшишительная есть *сонъ*, а чувственная жизнь живошного — *бодрствіе*.

Наконецъ жизнь возходитъ на высшую степень, *одуотворяется* — и въ храмъ природы воздвигается *человѣкъ*. Въ человекѣ совмѣщаются все виды *тѣлесной* жизни: неорганишческая, расшишительная и живошная; но онъ сверхъ того живетъ жизнью *духовною* — и брешое шѣло, которое у прочихъ шварей соснав-

яло *цѣль* бышійя ихъ, въ челоуѣкѣ естъ только сосудъ, гдѣ разгорается пламя *ума*, оиъ Бога вдохновенное. — И только тогда, когда челоуѣкѣ *безсознательно* весь предается жизни чувственной, оиъ унижается до животнаго; а погружаясь въ сонъ, подобниешя расшенію.

Такимъ образомъ *жизнь природы*, развиваясь на землѣ въ ченшре степені бышійя, производнитъ *четыре царства* земныхъ существъ: *минеральное, растительное, животное и челоуѣческое*. Въ минералахъ она предешавляетъ всегдаише *обмртвѣніе*, въ расшеніяхъ она *усылена*, въ живонныхъ *пробуждается*; и наконецъ *мыслитъ и сознаетъ себя* — въ челоуѣкѣ.

Иосему *природу, озъ цвѣтущею царствъ Флоры*, можно уподобниешюю прекрасною Царевнѣ, котораю

была зачарована на вѣковой сонъ. Безмолвно покоишся она подъ голубымъ шатромъ неба, слегка прикрывъ спрочный *станъ* свой зеленымъ покрываломъ, едва колеблемымъ оныи шихаго ея дыханія. И когда солнце впершигъ на нее свѣтлый взоръ свой, она невольно обращаетъ къ нему цвѣтущее, полное любовью лице, и сладкія, благоуханная уста, — усниваеиця сквозь покровъ свой проснеть къ нему обьянїя; но солнце онвращаетъ оныи неа лице — и она снова опускаетъ главу и рамена свои. И каждое утро солнце приходитъ любованься неагадною красотою, съ свѣтлою мыслию пробудить се; и каждый вечеръ оно возвращаетъ ся безустанно; ибо только въ умѣ человека наисеманъ ея пробужденія.

Юная дѣва примѣчаетъ движенія прекрасной Царевны, думаетъ разга-

даниъ сердцемъ ея *сновидѣнія*, и видя въ цвѣтахъ ея, какъ въ зеркалѣ, собственныя мечты и чувства, выражаешь ихъ *языкомъ цвѣтовъ*. Мыслящій цвѣтнокъ природы, она узнаешь въ *лиліи* — чистоту свою, въ *розѣ* — красоту и любовь, въ *незабудкѣ* находишь воспоминаніе, и называешь *среброцвѣтомъ* свою цвѣтущую младость.

» Въ *вишневникѣ* — душа моя:
 Любовь — цвѣты, попка — шны,
 Роса на нихъ — изъ слезъ моихъ »

Поэзія видить въ цвѣтахъ живое *изображеніе красоты*, и нигдѣ не находишь красоты лучше розы и лиліи, чѣмъ изобразить бѣло-румяный цвѣтъ любви или мечты своей.

Но *красота*, цвѣты близкая родня поэзіи. Поэзія, одушевляясь ими, всегда любила одушевлять ихъ

Судьбы такого одушевленія пред-
спавляють народная поэзія наша, въ
пѣсняхъ, обрядахъ и повѣрьяхъ. Еще
и теперь подъ Ивановъ день, какъ
талисмана, пицунтъ огненныхъ цвѣ-
шовъ безцвѣтнаго *паноротника*;
еще вѣряють въ чудесную силу *раз-
рывъ-травы*; рускія и украинскія
дѣвцы гадають о судьбѣ своей по
цвѣтамъ *загадки* (6) и вопрошаютъ
ее, какъ вѣщую Швейю. Самыя имена
цвѣшовъ: *маткина душа*, *Иванъ
да Марья*, *Анютины глазки* (*pensée*),
дрема, *мать и мачиха*, показываютъ
поэтическое сближеніе чувства и
мысли съ природою.

Но чтобы видѣть, до какой степе-
ни фантазія человека склонна къ *оду-
шевленію* растений, вѣдомымъ фан-
тазію древняго Веспока, которую
по справедливости можно назвать
растительною. Она не только при-

насывала душу расшепямъ, но заключа-
чала въ нихъ *душу міра*, и видѣла
въ нихъ символъ природы. Такими
священными расшепями были: *лотосъ*
у Египтянъ, *голиъ* у Персовъ, *си-
риша* и *асвата* у Индійцевъ.

Цвѣтущая фантазія греческая, шво-
рившая природу по подобію человека,
одаряла расшепіа *душею человѣче-
скою*, и приномъ сначала душею
только *женскою*. Она ихъ населяла
Памфрами и *Галадриадами*; по-
номъ превращаемы были въ расте-
піа: и робкая *Дафна*, первая любовь
Аполлона, и слезный *Линариссій*,
и снѣжній *Гіацинтъ* и *Мариссѣ*,
суепною любовію къ себѣ пламенѣв-
ній. Анемоны выросли изъ слезъ
Клириды, когда плакала она надъ
приномъ своего *Адониса*; а поскую-
щая *Клистія*, и превращенная въ

геліопропъ, еще любившъ по прежнему
и обращаешя къ своему солнцу (7).

М. Максимовичъ.

Октябра 6, 1851.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- (1) Лишею различать три царства природы
такимъ образомъ: *камени растутъ, ра-
стенія растутъ и живутъ, животныя
растутъ, живутъ и чувствуютъ* (Lapi-
des crescunt, vegetabilia crescunt et vivunt
animalia crescunt, vivunt et sentiunt).
- (2) Изъ предложеннаго мною различенія *смер-
ти* растений и животныхъ на *смерть
разрушенія* и *смерть цвѣтенья*, видно,
что минералы умираютъ *только смер-
тію разрушенія*, а быніе или жизнь ихъ
есть *но*; что *смерть цвѣтенья* у ра-
стеній.
- (3) Такимъ образомъ многіе роды минераловъ
суть произхожденія органическаго; напр.

каменные угли, графитъ, торфъ, ископаемая смола.

- (4) *Гласомъ природы* называется пронзительный, унылый звукъ, иногда слышимый въ пустыняхъ и дикихъ лѣсахъ, копорато, говорятъ, никто не могъ слышать равнодушно, и причина коего еще неразгадана.
- (5) Сие замѣчательное сѣверо-американское растение называется по-латыни: *Ююнаса миссипида*. Весьма близкая къ ней по сродству у насъ *росаика* (*drosera*) также имѣетъ *раздражительныя* листья.
- (6) *Загадкою* или *загадками* въ Малороссіи называютъ растение: *Erigon aegy*, называемое въ Новгородской и Тверской губерніяхъ, гдѣ также по немъ гадаютъ, *богатенкою*.
- (7) См. Овидіевы превращенія, кн. IV.

С В А Т О В С Т В О .

(Изъ воспоминаній старика о
его молодости.)

«Гей, гей! ша погдѣ правды дини!»...

Котляревскій.

Мнѣ было двадцать лѣтъ, и уже Преосвященнѣйшій Владыка нашей епархіи назначалъ меня спавленикомъ въ діаконы; въ милости къ олицу моему и ко мнѣ, ожидалъ только хорошей ваканціи, т. е. чинобы поснавишь меня діакономъ въ сынное мѣсто, гдѣ бы мнѣ можно было со временемъ быти и священникомъ. Проклятыя канкулы все это раз-

спиритизм; и теперь я, искавший, конечно въ чинѣ 9-го класса и буду состоять по концѣ дней моихъ; цбо

. . . . чинѣ ассессорскій, только возжеланный,
какъ говорить одинъ поэтъ, мой землякъ, въчкая ему память! .. сей чинѣ ассессорскій, говорю, есть для меня *кислый виноградъ*, потому что дознаешь его мнѣ въкъ не удастся. Скажете вы: «а экзамень?» — Да, экзамень! Пыльннше ваши экзамены, для насъ шариковъ, *темна вода во облацехъ*. Въ шарину, бывало, знаю зналъ ченико и правильно писанъ, смысаятъ, гдѣ должно поставишь *е*, а гдѣ *ь*, разумѣлъ чениаре правила изъ первой части *Руководства къ Арифметикѣ*, да применялся къ дѣламъ, — шонъ былъ буда знающій человекъ и ученый чиновникъ!

А вышѣ у васъ мапеманички чистыя, да прикладныя, да живые языки, какъ вы ихъ называеице, да Право Римское, да по, другое, иренье право шакъ что, право, оиъ одного вычисленія аиныхъ правъ языкъ усманишь. Гдѣ еще! знай-де словесность, умѣй писаниъ ясно и красно! . . . Что-что бы сказали объ аиномъ шарые дѣлаца, конорыхъ вы, пышныя молодежь, называеице крочками, шаргалменами, краивныимъ племенемъ и другими позорными именами? » Какое шунъ краспорѣче, « моавилъ бы изъ нихъ любой, » гдѣ надобно съ плеча валяишь: *приказали: пошеже* и ии, дайте. И гдѣ шунъ добишьяся ясности, когда, наиримѣрь, самое дѣло перенушано, какъ лаушина? « Однако я съ своимъ воишциимъ горемъ оибидася оиъ насшодцаго дѣла. Просшине, господа! все-

му виною лишій десяпокъ лѣтъ за плечами, да врожденная наша украинская привычка, по которой часомъ у насъ и слова не выманить, будно губы на замкѣ; а часомъ, коли Богъ пожелаетъ охоту языкъ почесать — шакъ и не осановившись: онкуда слова берунся! Ужъ подлинно, *отъ избытка уста глаголютъ!*

Можетъ быти, господа, вы дивитесь, пересмѣиваетесь и перешиваетесь: «Кшо-де съ нами говоришь? и какой-де свѣдъ незнакому человеку зашпрогивать незнакомыхъ; жинцелю уѣздного городка говоришь со сполчними и просною рѣчью дразнишь нашъ саухъ, привыкшій къ онборнымъ выраженіямъ и зашѣпливымъ привѣщеніямъ? . . . Извольте, господа! донесу вамъ о себѣ все, чшо свѣдуешь. Напомню вамъ только, чшо я самъ былъ изъ уче-

ныхъ. и если бы не проклятыя кашкулы, то, можетъ сказать, и до сего дня не разозлился бы съ лашинью. Какъ это было, о томъ скажу ниже. Прошу прислушаться.

Мнѣ было двадцать лѣтъ, — какъ уже я имѣлъ честь довести вамъ; — я прошелъ Философію и поселился въ Богословы. Июнь мѣсяцъ приближался тогда къ концу. Я окончилъ свой экзаменъ и очутился въ домъ родственельскій, К*** повѣна въ село Крохалиевку, гдѣ отецъ мой былъ единственнѣйшимъ священникомъ многолюднаго прихода. Отецъ мой имѣлъ большой почетъ не только отъ казаковъ и мужиковъ, но и отъ мѣлкопомѣстныхъ дворянъ или панковъ, коихъ было душъ десятокъ при въ Крохалиевкѣ. Правда, и было конечно уважаніе отца Камиспрана Слассену: онъ самъ изъ предковъ

была дворянскъ, кромѣ церковной зем-
 ли, имѣла десятины сорокъ собствен-
 ной, еще и съ лѣсомъ. Одинъ садъ
 съ плодовыми деревьями была у
 насъ шаковой большой, чиню уснашенъ
 бывало, покаместъ обойдешь его.
 Прибавиле же къ этому еще насѣ-
 ку, на которой было до тысячи уль-
 евъ пчель, да славный доходъ оны
 прихожанъ за пребы мірскія, за
 хринославіе, ходы съ образами и
 пр. и пр. — и тогда ты не удиви-
 шесь, коли я вамъ скажу, чиню онецъ
 Каленспранъ Сласиѣна не только
 могъ равняться со всеми Крохали-
 евскими панками, но и былъ зажи-
 нощѣе любого изъ нихъ. Многие
 даже были ему должны немалыя
 суммы денегъ. Бывало, какъ оны иденъ
 въ праздничный день по селенію, въ
 троденуровой своей чюденовой ря-
 сѣ, въ свѣтлозеленомъ камчатномъ

полукафшаны, въ пуховой шляпѣ съ большими полями, держа въ рукѣ высокую камышевую широкую съ позолоченымъ набалдашиникомъ, — но всё, отъ мала до велика, казаясь ему въ поясъ, изъвивая знаки глубочайшаго уваженія къ его особѣ. Правда, отъ умѣль поддѣрживавъ се высокое мнѣнiе о немъ въ приходахъ: велъ себя съ надлежющею важностію, не любилъ куликанъ на поминкахъ, не любилъ запрашивать лишняго за шребы и шортованья за вѣчанья и похороны; принималъ всегда на себя видъ смиренный, особливо во время служенія, читалъ молитвы внятно и съ разсѣланкой, говорилъ медленно и величаво. Одна только молодежь крохалиевская не совсемъ была имъ довольна за то, что объднн у него обыкновенно шла очень

долго, и что онъ молодыхъ парней побрашивалъ иногда за шалости.

Казалось бы, что онъ, какъ первенствующее лице въ своемъ приходѣ, долженствовалъ бытъ повелѣтельнымъ господиномъ своихъ желаній и дѣйствій; такъ гнѣтъ, милостивые государи! нередко публичная власть сама бываетъ подвержена частному, домашнему господству. Это самое было и съ моимъ родителемъ. Манушка моя нашла средство покорить себя волю своего супруга. Не думайте однако жъ, будто бы она достигла сего упрямствомъ и насойчивостию: совсѣмъ гнѣтъ! такія средства слишкомъ были бы явны и у оица Каленстрана ничего бы ими не вышорговалъ. Манушка моя проложила себѣ путь вѣрнѣйшій, хоня и окончнй. Воиъ какъ она обыкновенно дѣйствовала:

когда видѣла родниеля моего въ хорошемъ разположеніи духа, но при-
 снувала къ нему съ своею прось-
 бой; и если онъ на опрѣзь ей от-
 казывалъ, но она умокала и выжи-
 дала другаго удобнаго случая; не
 унывая онъ новой неудачи, откла-
 дывала до пренней, четверной по-
 пытки, и такъ далѣ. Наконецъ,
 напавъ на онца моего подъ добрый
 спихъ, она выманывала у него же-
 лаемое согласіе, руководивуясь въ
 этомъ, какъ видно, пословицей: *что
 по капль сода и камень протати-
 ваетъ*. Такимъ образомъ онецъ мой,
 бывъ въ полной увѣренности, что
 властвувать одинъ въ своемъ домѣ, не-
 замѣнно раздѣлялъ свое господство
 съ моею манерью, и часто дѣйстви-
 вовалъ по ея внушенію, въ против-
 ность собственнѣй доброй волѣ.

Правда, мать моя не употребляла, или не смѣла употребить во зло шайнаго своего владычества : весь кругъ ея дѣйствій ограничивался дѣлами домашними или семейными ; въ глазахъ же обывателей и панковъ крохалиевскихъ пользовалась она уваженіемъ внороспеленнымъ, яко вноросное лицо по олицу моему. Въ часномъ быту своемъ была она домовною хозяйкой : сушила въ прокъ яблоки, груши, вишни и чери; сомила грузди, дѣлала вкусный грушевый квасъ, разныя сладкія наливки ; особливо ея рыбешка славилась по цѣлому околотку. Съ олицнымъ искусствомъ разрисовывала къ Велико-дню *писанки* (1), и неосниженнымъ для меня чудомъ умѣла сберегать на долго оныя порчи огромныя вороха крашеныхъ яицъ, приносимыхъ сва-

щенику его прихожанами на поклонъ о свѣтлой недѣлѣ.

Но я давно уже отправился изъ города къ отцу моему, и все-таки, какъ изволише видѣшь, до сихъ поръ шуда не добхалъ. Причина тому самая простая: медленность движенія; а почему? узнаеше сію минушу. Мы, смиренныя студены Философій или Богословія, не лезали, какъ городскіе ваши барыги, на лихихъ пройкахъ: глѣшь! въ эпомъ случаѣ родили насъ не баловали. Я уже думалъ, взявъ посохъ пѣшехода, въ пошъ лица измѣришь собственными погами пространство отъ эпархіальнаго города до родимой Крохалѣвкы (пространство, мимоходомъ скажу, не менѣе осьмидесяти верстѣ); но по счастью, на городскомъ рынкѣ встрѣнилъ одного крохалѣвскаго обывателя, прѣхавшаго шуда на

трехъ парахъ воловъ для продажи
пшена, воску, пеньки и коноплянаго
масла. Симвъ послѣднимъ издѣліемъ
опычался домъ зного казака изъ
рода въ родъ; почему и прозваніе
предка: *Олія* (2), осталось при по-
номкахъ его, какъ прозваніе родо-
вое, съ небольшимъ измѣненіемъ: *Олі-
енко*, показывающимъ и ремесло ро-
доначальника, и то, что названіе
сіе служило какъ бы словеснымъ
гербовникомъ, означающимъ дав-
нось и рода и ремесла его. *Па-
насъ* (3) *Оліенко*, увидѣвъ и узнавъ
меня на рынкѣ, подошелъ ко мнѣ съ
почтительнымъ поклономъ и привѣт-
ствіемъ: »*Добрый день, пане попо-
виту!*« После нѣкоторыхъ разгово-
ровъ, я узналъ оныя него, что на
другой день собирался онъ въ об-
ратный путь, и онъ съ охотой вы-
звался доставить меня въ роднине-

скій домъ, вмѣняя себѣ въ великую честь, что ему предсказался случай оказанъ услугу *папѣ-отцу* (4).

Усѣвшись на передовомъ возу, запряженномъ парюю крупнорогихъ, сплавныхъ воловъ (5), я весело началъ свое путешествіе, во время котораго не приключилось ничего особеннаго, кромѣ того развѣ, что проѣзжая вечеромъ чрезъ большой черный лѣсъ, я и проводникъ мой съ своимъ рабочникомъ весьма нехладнокровно вступившась въ крикъ и завыванье филишовъ и совъ, которые суевѣрными моими спутниками приняты были за ночныя проказы дѣвскихъ; а какъ спрхъ есть болѣзнь приличивая, но — нечего грѣха таить — и у меня внутренность обдавало холодомъ; да еще на одномъ ночлегѣ мы перепрысались, какъ лещи, ошъ того что надъ нами

пролетѣла ярко-свѣтлая полоса, ко-
торую добрые поселяне починають
за огненного змѣя, а вы, господа,
называете метеоромъ. Киню въ васъ
правъ, ша или другая сторона —
это рѣшенье не мое дѣло, имѣю бо-
льше, чѣмъ шаковые казусы никогда
не поступали въ инстанцію, по ко-
торой я имѣю честь состоять въ
честѣ инстантныхъ чиновниковъ. На-
конецъ, въ преній день около полу-
дня, мы завидѣли съ одного пригор-
ка благословенное село Крохамѣвку.
Узрѣвъ высокую колокольню, на ко-
торую, въ бытность мою еще въ
родительскомъ домѣ, часно я ла-
живалъ поддирать голубивья гвезда
или звонить на разные канѣвы о свя-
той недѣль, — я, признаюсь въ мо-
ей слабости, прослезился отъ умиле-
нїя. »Dulce sumus patriae!« швер-
диль я, сидя на возу и потогля ба-

потомъ лѣнивыхъ воловъ. тогда какъ взоры мои устремлены были на густой дымъ, подымавшійся снолбомъ изъ винокурни одного крохалѣвскаго шанка. Иванъ Оліенко и работникъ его, думая, что я говорю *рацею* (6), благоговѣйно сняли шанки и перекрестились раза по три. Съ каждымъ медленнымъ шагомъ воловъ сердце мое билось сильнѣе и сильнѣе. Одна только природная застенчивость, одинъ только должный стыдъ не позволяли мнѣ вскочить съ воза и прижавъ къ землѣ, цѣловать родную пыль.

»Но всему есть свой предметъ, «говаривалъ покойникъ мой банюшка, уминая назидательною бесѣдой своихъ прихожанъ во время смертныхъ случаевъ. Такъ и нихоснупному шешвию воловъ былъ же свой предметъ. Я всматъ съ воза, въ корешкахъ

словахъ онъ благодарилъ Панаса Оли-
ска и скорымъ шагомъ пустился
къ дому онцовскому. Не берусь опи-
сывать минушу свиданія: скрывать
нера слабо выразишь бы взгляды из-
лінія чувства и радостныя воскри-
чанія доброй моей манеры!

Послѣ первыхъ рожденныхъ объ-
ясній и осведоменій о томъ и о
другомъ, беседа пошла у насъ спо-
койнѣе, подобно рѣкѣ, которая, про-
рвавшись сквозь кремнистыя ущелья,
начинаетъ плавно течь въ берегахъ
своихъ. Башюнка разспрашивала
меня объ экзаменѣ; машунка заго-
варивала о женитьбѣ. Это слово,
не знаю самъ почему, показалось
мнѣ на сей разъ что-то стран-
но, какъ будто бы я впервые при-
сpecially взглянулъ въ глубокій ко-
лодезь, въ которомъ и дна невидю,
и вода словно подернута какою-то

черною, непроищаемою для взора
благой.

Случай, который часно дѣйстви-
теленъ, какъ нѣ назойливые услуж-
ники, кои нескромно подвернываются къ вамъ съ своими угожденіями,

И любящъ хлопоташъ, гдѣ ихъ советамъ
не просить,

случай удивительно помогъ моей ма-
шукѣ въ брачныхъ ея видахъ на счетъ
мой. У насъ въ Крохалиевкѣ завелась
свадьба. Какой-то повѣщичикъ повѣ-
новаго суда изъ ближайшаго город-
ка вздумалъ жениться на одной изъ
барышень, которыми обилвало наше
селеніе, какъ садъ моего ошца въ
лѣтнюю пору сладкими грушами и
сочными вишнями. Ошецъ мой гова-
ривалъ, при урожаѣ, что деревья въ
его саду шакъ и ломятся отъ пло-
довъ; слава Богу, что этой пого-
ворки нельзя примѣнить къ улицамъ

и краснымъ дѣвцамъ: шаче я былъ бы въ сильномъ страхѣ, чиво нашей Крохалѣвкѣ не одоброваны оныя изобилія плодовъ земныхъ и временныхъ, кончи въ хорошую погоду красовались все лавки у воротъ въ нашихъ домахъ благословенной и многолюдной Крохалѣвки. У шачаго дома, право, можно было нѣхъ насчитаны оныя мешки до осьми. На сей разъ, одному изъ этихъ плодовъ, по большей части зрѣлыхъ, надлежало выбывши изъ общаго счена. Ванюшка мой, соблюдая приличіе своего сана, никогда не хаживалъ на свадебные шеры; его и оставили въ покоѣ, за шокъ манушкѣ моей и ко мнѣ приснувши со всею наснойчивостію провинціальнаго хлѣбосольска. «Будьме ласковы, шачи пожалуйше, не обрезагайте нашею хлѣбъ - солю.» Но у манушки моей были шакже

свои понятія о причіяхъ сана по-
пады, яко помощницы и вѣрной
спушницы *пашь-отца* на пуни жиз-
ни. Она также рѣшительно ошпа-
залась, ушверждая, что духовному
чину некешани быль на *вессельягъ*
(7) и мірскихъ забавахъ. Оспавался
одинъ я, — и признаюсь, не онъ че-
то шного, какъ онъ засенгичивосни,
но же сперва ошказался; но на
эшошъ разъ манушка моя приняла
спорону госшенрїимныхъ приглашен-
шелей и доказывала мнѣ, что моло-
дому человеку, живущему въ *большомъ свѣтъ* (ш. с. въ *бурсь* (8)
энархїальнаго города), спыдно укла-
няшся онъ чесныхъ увеселенїй,
что я не жена, а шолько сынъ свя-
щенника, и доселѣ сосною покамѣшпъ
еще въ свѣпскомъ званїи. Я, ска-
завъ правду, не вовсе быль недово-
ленъ *аргументами* моеї родншель-

ницы: мнѣ самому хотѣлось понасмотрѣться вблизи, какъ веселился народъ; ибо до тѣхъ поръ я видалъ ихъ только издали.

Оставшись со мной наединѣ, ма-
машка моя умѣла оживить мою бо-
дрость. Она твердила мнѣ, что я,
какъ житель губернскаго города и
человѣкъ ученый, могу вездѣ имѣть
почетное мѣсто; что сельскіе мѣ-
лкопомѣстные банки люди незамысло-
ванные, да и повзканные съ женско-
вой стороны тоже; ибо все они не
больше, какъ неважные чиновники
повѣноваго городка, все они видѣли
свѣтъ только изъ окна и что, на-
конецъ, я любого изъ нихъ могу за-
гонять краснорѣчіемъ и ланьюю.
Это надмало мнѣ душу честолюбивымъ
желаніемъ блеснуть умомъ,
ученостью и свѣтскою ловкостью
въ Крохалиевѣ. Наспалъ желанный

день и я съ самаго утра началъ за-
 боиниться о своемъ нарядѣ и приго-
 шовленіяхъ, чтобы какъ можно луч-
 ше явиться въ большой крохалѣв-
 ской свѣтъ. Опойковые свои сапоги,
 немного порывъные, смочилъ я раз-
 шворомъ изъ кунаросу, а послѣ тща-
 тельно нашеръ коноплянымъ масломъ
 съ солью, что придало имъ необык-
 новенную черноту и даже пѣкотно-
 рый лоскъ. Сѣрый свой долгополый
 сюртукъ, сшитый мнѣ родителемъ
 моимъ *на ростъ*, когда во мнѣ бы-
 ло два аршина и девять вершковъ
 съ половиною — вычислилъ я такъ,
 что на немъ не осталось ни поро-
 шинки. Къ этому, чтобы больше
 блеснуть въ глаза деревенскихъ ба-
 рышень яркостью красокъ и тонко-
 стію вкуса, надѣлъ я алый камзолъ
 и заснегнулъ его по самое горло по-
 золочеными пуговками. Манушка ссу-

диза меня шелковым платкомъ оранжеваго цвѣта, съ волнисто-радужными коймами и серебряными цвѣтами по угламъ; я повязала эпонъ платокъ на шею, разпусая длинные концы его такъ, что волнисто-радужныя коймы и серебряныя цвѣты приходились у меня на самой груди. Одевшись такимъ образомъ, я посмотрѣлась въ зеркало: блескъ блестящельный! красный цвѣтъ и оранжевый, радужныя коймы и серебро платка, золотыя пуговицы — все это составляло чудную, изящную неспрону и спорило между собою о первенствѣ на одобрѣніе вкуса самаго разборчиваго. Я вычесала *лавержетъ* (9) свой частнымъ гребнемъ и намазала его самымъ свѣжимъ коровнымъ масломъ. Въ такомъ убранныхъ, я предстала на предварительный судъ моея родительницы.

Машушка моя ахнула отъ изумленія, видя такое великолѣпіе, и вмѣстѣ излещенно, соразмѣрность, стройность и вкусъ. «Пускай же,» говорила она, «эти городскіе дашычи выхвалялися передъ шобою своимъ убранствомъ; на нихъ все: шо черное, шо бѣлое, шо сѣрое, а на тебѣ все какъ жаръ горнищъ!» Я и самъ былъ того мнѣнія, что городскія моды скудны и однообразны, и считалъ, что мнѣ, какъ человеку просвѣщенному, живущему въ цѣнрѣ губернской образованности и кошорому за дашыню въ карманъ не ходишь, — что мнѣ, словомъ, можно по праву быти оракуломъ моды въ Крохалиевѣ. Являюсь въ домъ отца невѣсты — ровно въ одиннадцати часовъ утра. Комнаты все полны гостей; дѣвушки, молодья и пожилыя, разряжены въ пухъ по

самой послѣдней модѣ, существовавшей тогда въ Крохалиевкѣ, либо сдѣлать чинно по мѣсяцамъ, ужимая губки и перебирая пальцами по обыкновенной привычкѣ Малороссійскихъ *панянокъ*, либо вернулася

. . . жъ въ окрину муха, (10)

по выраженію одного поэта, по же моего земляка, которому дай Богъ пѣнь и здравствованъ многія лѣта! Городскіе *паньги*, шые въ черныхъ либо синихъ фракахъ, другіе въ губернскихъ мундирахъ, оставили зубы при моемъ появленіи. Я ошоропѣлъ; однако жъ, помня слова моей машушки и собственное сознаніе въ щегольскомъ моемъ нарядѣ, молвилъ самъ себѣ: зависнь, зависнь! Ниному изъ нихъ, можешь бышь, и не изъ чего одѣнься, какъ я; вошь они и принарядилась въ кургузые фракки, чинобы меньше сукна выходило на

плащѣ. Мысль сія снова меня ободрила. Я разкланялся на всѣ спороны и пустился искать хозяйку дома. Она подносила тогда своеручно гостямъ водку; я сунулся, чинобы поцѣловать у ней руку, толкнуть локнемъ большой подносъ — графинны, чарки зазвѣли и повалились на бокъ, водка полилась на полъ и на плащѣ хозяйки; счастье еще, что она удержала подносъ въ дюжихъ рукахъ своихъ! Однако же общій смѣхъ гостей — адскій, свербущій по сердцу смѣхъ — раздася вокругъ меня. Поцѣловавъ руку хозяйки, я шорошаво отдернулся назадъ въ то самое время, когда она наклонилась, чинобы опцѣпать мой поцѣлуй мнѣ въ голову Повалябѣда! головою спукнула я ее въ лицо шакъ сильно, что носры посьнались у ней изъ глазъ, а изъ по-

су чуюсь не брызнула кровь. Хозяйка вскрикнула невольно и захватила себя лицо лъвою рукою, въ то время какъ одинъ услужливый паньтъ поддержалъ у нея поднось и шёлъ предостеречь шипейшыя снаряды отъ копейнаго разрушенія. Признаюсь, шунтъ я обомать съ испугу; не видѣлъ, гдѣ шоялъ, и чуюсь не бросился бѣжать опрометью вошь изъ дому. Если бы не слова: «Ничего, ничего!» сказанныя съходительною хозяйкой, когда она ономилась отъ удара, но я вѣрно повершилъ бы свои подвиги беспримъ побѣгомъ.

Милосивные государи! случалось ли вамъ когда купаться почти подъ самыми мельничными колесами? Пить? А мнѣ такъ случалось. Какой шумъ! какой оглушающій ревъ! Вода по плещень на васъ сверху широкими струями и прибиваетъ васъ ко дну.

по подмываетъ снизу и выноситъ васъ на верхъ; но каженся, шумъ на минушу припихнетъ, но снова поскачуть водяные валы съ колеса и съ грохотомъ и зыкомъ обдають васъ бѣлою пѣной Голова закружится, дыханіе захватывается, силы изнощаются — и радъ-радъ бываетъ, когда выберешся на берегъ. Вообразите себѣ такой же громъ и прескъ и разканы и переливы хохота, который падаетъ на васъ, какъ тяжелыя волны рѣчныя, тягущи, давши васъ; и вонь каженся, зашихъ, — и вонь снова слышится на васъ дребезжащимъ громомъ Вообразите себѣ все это, и вообразите меня въ этомъ положеніи! . . . Кажется, радъ бы провалился сквозь землю, радъ бы окаменѣлъ, чпобъ не видѣть и не слышать этого буйнаго прилива

вселости, онъ котораго одному шолько горе, и энонь одинъ — именно я, я самъ, несчастнѣйшій изъ всѣхъ семинаристовъ мнувшихъ, насвоющихъ и будущихъ! Никогда насмѣлки рѣзвыхъ шоварищей, никогда ѣдкія шушки дерзкихъ *зумаковъ* (11), предлагающихъ скромному пѣшеходу баногъ, чшобы погонянь имъ природную пару, — не казались мнѣ еноль обидными. Да и какъ не огорчаться, какъ не досадовать? Съ самаго перваго шага я сдѣлался посмѣищемъ шого общества, которому хонгъль предписывать законы моды и приличій

О мать моя, какъ ны обманулась и какъ обманула бѣднаго швоего сына!

— «Все эно не бѣда, препочиннѣйшій и вселюбезнѣйшій!» сказалъ, подошедъ ко мнѣ, какой-шо сна-

рый, запачканный крохоборъ, прѣхавшій изъ города въ число пріятелей жениховыхъ. » Вы здѣсь человекъ новый: я слысала, недавно прѣехали и прямо изъ губерніи. Мы не знаемъ шамонскихъ вашихъ обычаевъ, а вы нашихъ. Можете быть, тамъ онъ молодаго человека пребудете, на первыхъ порахъ чокнувшись головою съ хозяйкой дома и совершивъ водочное излитіе, примѣромъ будучи, хоть бы въ честь усопшихъ родичей. Для насъ, шемныхъ людей, это дико; но вы не унывайте и продолжайте также, какъ и начали...»

Чтобы себя подавить этими словами! думала я, смотря на бездушную, хладнокровную харю этого стараго сына и сына возобновившейся хохотъ, между тѣмъ какъ мой красобай сползалъ передо мною безъ малѣйшей улыбки, и только

раземаширивалъ меня съ ногъ до головы такими глазами, какъ будто бы хонгълъ всего меня зашвердиль нанзусиль, дабы попомъ снись съ меня заочно планъ съ фасадомъ. Гигвъ кигъль во мнѣ; но что было дѣлать? Если бѣ это случилось на улицѣ, то я, можетъ быть, употребилъ бы argumentum baculinum (12), чинобъ убѣдиль этого окаянаго шаричнику въ ложности его мнѣня обо мнѣ и въ неприличности его рѣчей; но здѣсь, въ многочисленномъ собраніи, это значило бы выставиль себя вполнѣ сумасшедшимъ. — Не знавъ, что начать, я споялъ по прежнему, какъ вконаній.

Къ счастью моему, хозяйнѣ и хозяйка подосѣли ко мнѣ на помощь. Имъ неприятно было, что сынъ чедовѣка, ими уважаемаго, духовнаго ихъ оице: и (чинобы ничего не уша-

пиль) человека, которому они были должны, — осмѣянь былъ въ ихъ домѣ. Хозяинъ, взявъ меня за руку, повелъ знакомить со всѣми своими гостями поодиночкѣ. Уже не смѣхъ, а тѣкія улыбки мелькали передо мной посмѣяно. Дѣвушки, забывъ малороссійскую скромность, захватывали себѣ лица бѣлыми платочками при взглядѣ на меня и, казалось, все еще шпшкомъ хохотали. Одна только смотрѣла на меня съ участіемъ, укоризненно поглядывала на своихъ смѣшавшихъ соседей и когда меня подвели къ ней, то она, покраснѣвъ, пролепетала мнѣ какое-то привѣтствіе — помнишь, вопросъ о здоровьѣ моей маанушки.... Пшшь! самолюбіе и благодарность меня не обманывали: она точно была прекраснѣе всѣхъ въ этомъ обществѣ. Темно-голубые глаза ея смотрѣли

такъ умилно, свѣщансь такимъ тихимъ, живительнымъ огнемъ, что испишио суми рай на земаѣ. Свеженькое, кругленькое, бѣленькое личико ея озарилось тонкимъ румянцемъ, который присныдмль бы алые персы древней Авроры. Прибавише къ этому кротосишь и доброту, живо написанныя на лицѣ красавицы и ошражавшіяся во всѣхъ ея приемахъ, во всѣхъ ея движеніяхъ; невысокой, но стройной снати, милою круглошу формъ, заявлявшую прѣшущее, сельское здоровье.... Видише ли, господа, что и я сумѣю говорить по вашему, когда чувствво согрѣшо во мгѣ сладосинымъ воспоминаніемъ.

Короче: видъ этой дѣвушки помирмль меня со всѣмъ свадебнымъ общесшвомъ. Правда, меня пономъ ошавили въ покоѣ, можентъ быши въ угоду хозлевамъ, которые явно

оказывали мнѣ свое вниманіе. Барышни все еще между собою перешивались, оскаливая зубки; но мало ли о чемъ перешиваются малороссійскія *панячки*? Это меня и не шревожило. Я сѣлъ въ углу и опшуда выглядывалъ на собраніе; чаще же всего и присматрѣе по-сманривалъ на блѣокурую красавицу, копорая опшела мнѣ душу своимъ учасніемъ. Такимъ образомъ дѣло прошлоуось до обѣда. Не знаю, по какой прѣ судьбы, я очутился за столомъ какъ разъ насупрошнвъ мо-ей блѣокурой красавицы, и, съ умы-сломъ или безъ умыслу — насмѣщливый крохоборъ сѣлъ подлѣ меня по лѣвую спорону. Вошъ пещинный образъ из-пязанія души послѣ смерти! думалъ я: видншь рай вдали — и чувствуешь адъ подлѣ себя такъ близко, что, кажешся, изъ него пышетъ на шею!

полома! Сосѣдь мой, по видимому, поная непріязненное мое къ нему разположеніе, и поному всячески старался со мною заговаривать, начавъ обыкновеннымъ провинціальнымъ освѣдомленіемъ: »Позвольте спросить, преночтеннѣйшій, о вашемъ имени и отечествѣ?»

— »Демидъ Калиспрановъ сынъ Слассена,« отвѣчалъ я опривисно и неохотно.

— »Вопсину, такъ сказано, лакомое прозваніе вы носите, преночтеннѣйшій!« продолжалъ онъ. Я молчалъ.

— »Не здѣшняго ли священника Богъ порадовалъ такимъ сыномъ?« былъ новый вопросъ неопвязнаго сосѣда.

— »Онгадали,« отвѣчалъ я по презрѣму.

— » А! такъ вы слыгъ здѣшняго священника, оица Калиспрапа? Радуюсь и поздравляю его и васъ совокупно. Мы люди шемные, неученые; однако же знаемъ, что у него домъ какъ полная чаша, поля сколько, что глазомъ не окнешь, съ лѣсами, садами, сѣнокосами, насѣтными мѣснами и всякими угоды. А насѣка! обойди повѣна два-три, такой не сыщешь. Больше же всего благословеніе Божіе соспоишь у него въ сундукахъ, лежанни. Правда ли, препочтенѣйшій, что у папъ-оица наберется тысячъ до двадцати цѣлковыми? «

— » Я не считалъ опцовскихъ денегъ, « молвилъ я съ досадой.

— » Мы шо же не считали, да слухомъ земля полнилась, особливо судя по тому, что у бацюшки вашего роздано въ долгъ, сирѣчь займообраз-

но, тысячъ до десяшка. Вопшь, недалеко сказано, и здѣшній хозяинъ долженъ ему чунь - ли не пянь или не шеснь тысячъ . . . Сколько именно, примѣромъ будучи?

— » Не знаю, « отвѣчалъ я докучному разспросчику. Между шѣмъ, мысль объ извѣстности и богатствѣ отца моего придала мнѣ бодрости. Я смалъ уже веселѣе и вольгѣе поглядыванъ вокругъ себя, смѣлѣе пересылался взорами съ милонидною бѣлякой, кошорая по же изъ-подлѣбья на меня посманривала, и каженел, не вовсе немасково. Часные пріемы наливокъ, подносимыхъ радушными хозяевами, довершили осналное: къ концу спола, и языкъ у меня развязался. Сосѣдъ мой, начавшій со мною знакомешво извинешельною выходкой, шенерь велчески смарался угоди-вешньо своею затлаушншь во мнѣ не-

пріятное впечатлѣніе первыхъ рѣчей его. Подмѣнивъ часное мое переглядыванье черезъ столъ, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ слѣдующею рѣчью:

— » Воишь, понесшишь такъ сказанъ, предостойная дѣвица, примѣромъ будучи, хоть кому невѣсна: шеснадцатанъ лѣтъ и семь мѣсяцевъ онъ рожденія, пригожа, спашна, и одна дочь у машери, какъ порохъ въ глазу. А машушка ея человекъ не скудный: ешь свой хушорокъ, винокурія и шого-сего прочаго наберешся не на одну тысячу. Да кому знанъ лучше, коли не вашимъ родичесямъ? Машрона Якимовна такъ же состоишь имъ должною, но за хлѣбъ для винокурни, но по другимъ счешамъ. Воишь бы, думаю, она быларада-радехонька, когда бы долтъ ея уничтожился родшвенною сдѣлкой. За свашами бы дѣ-

до не спало; вопль хоть бы, пригнѣромъ будучи, скажу о себѣ: не одну свадьбу удалось мнѣ сладить на своемъ вѣку, лишь бы предвидѣлась посылная благосильная «

Я судѣлъ, какъ на иголкахъ, въ продолженіе сей рѣчи; пришиворился, будно бы не слушаю казойливаго соседа, а по совѣсти, не проронилъ мимо ушей ни одного слова. Дивился я, какимъ образомъ эшонтъ запачканный человѣчекъ знаетъ шакъ подробно домашній дѣла нани и всѣхъ нановъ крохалиевскихъ, и рѣшился поплашиться съ нимъ вопросомъ: «Позвольте спросить о вашемъ имени и ошечивѣ?»

— «Зовунтъ меня Савелій Деменшечичъ Пересыпченко,» ошвѣчалъ онъ безъ малѣйшей зашники, какъ человѣкъ, издавна привикшій къ подобнымъ допроснымъ пункшнамъ. » Мо-

жестъ бытъ, вамъ благоутодно такъ же знаешь мое званіе и занятія?» продолжалъ онъ: »На сіе имѣю честь объявить, что я ошеспавный канцеляристъ земскаго суда, и нынѣ занимаюсь хожденіемъ по дѣламъ, да продажею движимыхъ и недвижимыхъ имѣній по довѣренности, да свадебными и другими - прочими сдѣлками. Спросите по цѣлому повѣсту о Савелии Деметривичѣ Чересычченкѣ; всѣ, онъ мала до велика, вамъ скажутъ: по - по дѣлецъ! по - по честный и безкорыстный человекъ! съ нимъ вѣрнели его, какъ у Бога за печкой; а ужъ свадьбу соорудашь — его подавай: будь хоть ошцы жениха и невѣсны смернелыные враги между собою, онъ ихъ помирннъ и умаслннъ такъ, что они сами не прочь обвинчашься.«

И молчалъ, замѣняя, къ чему клонилась эта затѣйливая рѣчь. Слово кончилось; но наливки не переспивали кружились по собранію и кружились головы ихъ изъ госней, которые не советѣмъ были привычны къ подобнымъ попойкамъ. Къ числу такихъ госней принадлежалъ и я. Въ голову у меня порядочно спучало. И обнимался и цѣловался со всякимъ, кого встрѣчалъ, болталъ почти безъ умолку и ошускала ланшскія фразы кешани и некешани. Скоро послѣ обѣда вошли въ комнату гуслингъ и два скрышача, за которыми женихъ нарочно посылалъ въ городъ. Я началъ прищипывать ногою и приплясывать, въ ожиданіи, что музыканты заиграютъ *горлицу* либо *лятелицу*, пляски, съ которыми я не вовсе былъ знакомъ. Суднище же о моей досадѣ, когда они забренчали и за-

скрыпѣли какіе-шо заморскіе конспира-
 шацы, опѣ роду мною неслыханные
 и невиданные. Городескіе *паныжи*, под-
 мѣня, что я прежде разминалъ ноги
 для пляски, наспронли невѣсту,
 чинобъ она пригласила меня шацо-
 вань . . . Я сперва оиговаривался; но
 послѣ подумалъ: вѣдь не боги жь
 горшки обжигаютъ! взялъ какую-шо
 дородную и помятую дѣвицу, и смалъ
 въ числѣ паръ. Доходниѣ очередь до
 меня; я высунуаю, какъ журавль,
 ноги мои тушея, скользаниѣ шо впра-
 во, шо влѣво, цупаюшея и — о верхъ
 несчастія! я падаю и увлекаю за со-
 бою дюжую мою даму Можно
 вообразитъ ея гнѣвъ и смѣхъ цѣлаго
 собранія! . . . Дама моя, съ визгаввой
 бранью и слезами на глазахъ, веко-
 чила и убѣжала въ другую козвану;
 но я — я не въ силахъ уже бытъ
 поднятшея. Женухъ и два наш ири

паныга посадили меня на ноги и видя, что голова у меня кружилась, опвели въ особую комнату и уложили на постелею. Что было даже въ эпоху бурный для меня день, я ничего не помню и не знаю

Рано поутру я проснулся, когда еще по цѣлому дому раздавалось громкое, одногласное храпѣнье гостей, опъ котораго дрожали на пошолкѣ переборы. Голова у меня была тяжела, какъ свинець: смущено припоминалъ я себѣ все, что случилось со мной наканунѣ; когда же дошелъ въ памяти до несчастнаго паденія, которымъ повершилъ вчерашніе свои подвиги, то вздрогнулъ, какъ убійца при воспоминаніи о передержанномъ пренесеніи своей жертвы. Стыдъ, досада на себя и на другихъ, страхъ новыхъ насмѣшекъ, униженіе въ глазахъ милосердной бѣзвны, — все это

возвратило мнѣ силы, опиятивъ вчерашнимъ перепоємъ. Я сѣххомъ одѣлся, какъ сумасшедшій рванулся въ дверь и побѣжалъ безъ оглядки къ дому ошцовскому. Тамъ ожидали меня гнѣбное участіе мащери и пасмурный видъ ошца, которъй встрѣшилъ-было меня спрогимъ выговоромъ за неумѣренность, неприличную моему возрасту и будущему сану; но машушка приняла мою сторону и робко, тихимъ голосомъ (средснва, кои всегда удавались ей съ ошцемъ моимъ) спаралась меня оправдать. » Дѣло свадебное, « говорила она: »хозяева обидѣлись бы, когда бь нашъ Демидъ не по полной вышивалъ за здоровье жениха съ невѣстой и всего благословеннаго дома.« Ошецъ мой убѣдился сими доводами, и домашняя гроза пронеслась мимо меня безъ дальнѣйшихъ слѣдствій.

Изъ благодарности къ моей матери, я удовлетворилъ ея любопытство, когда мы осмались съ нею глазъ на глазъ, и разсказалъ ей подробно все — все, что помнилъ. Признаться, я скрасилъ немного шемныя пятна въ моемъ разсказѣ, и виноваты у меня были другіе, а не я; зато радужными цвѣтами разрисовалъ белокурую красавицу, смоль явно принимавшую во мнѣ участіе.

— »Изъ словъ твоихъ я догадываюсь, кто она такая,« сказала мнѣ бабушка: »иудишь у меня языкъ опсохнешь, если это не Настасья Опаріева, дочь Машроны Якимовны Опаріихи(17)»

— »Точно такъ называлъ мнѣ ее маменька мой знакомецъ, Пересыченко

— »Кому ужъ больше бышь, какъ не ей!« подхватила бабушка: »она знаетъ, моя голубушка сизая, у ней

сердце чувствует, что это былъ ей нареченный женихъ.

— »Какъ нареченный женихъ?«
вскрикнулъ я въ какомъ-то испугѣ,
смѣшанномъ съ чувствомъ радости.

— »Да, такъ: у меня это давно
уже положено на сердце, и я перазъ
заговаривала съ Пашусей; не гово-
рила только еще съ ея манерью.
Видишь, она такая исприснушая,
валя во всю губу, какъ будто и
Богъ знаетъ что!... Ну, да Его
святая воля! а безъ свановъ дѣло
не обойдется.«

Занявши дѣло и не спало. Спустихъ
дней пять, вдругъ постылилася поч-
товой колокольчикъ на улицѣ, звѣ-
нѣть, звѣнѣть и ушнхъ передъ самы-
ми нашими воронами. Я выглянуть
въ окно, и увидѣть сходящаго съ по-
возки моего свадебнаго знакома, Са-
велія Демешевича Пересыченка...

Тогда такъ бывало въ нашей без-
 оцѣвѣнной Малороссіи: кто назоветъ
 себя канцелярѣ-неправникомъ, за-
 дачелемъ, судьей, подсудкомъ, сло-
 вомъ сказано, кѣмъ-либо изъ судо-
 выхъ, ихъ роднею, благопріятелемъ,
 или просию потрошитъ ихъ именемъ,
 да привяжетъ къ дугѣ колоколь-
 чикъ, — шому, бывало, безонгово-
 рочно дають по шройкѣ съ провод-
 никомъ изъ обывашельскихъ. Тесерь
 оно вывелось; а жаль! нашему брацу
 не держанъ же своихъ лошадей или
 не влашнъ прѣгонѣвъ, когда міромъ
 отъ селенія до селенія, отъ волости
 до волости, могутъ насъ довести
 хоть на край свѣта, или по край-
 ней мѣрѣ изъ конца въ конецъ по
 всей Малороссіи. Скажете вы: по
 какому праву? — И, ошцы мои! да
 по шому праву, что въ селахъ обыва-
 ватели народъ просной; а насъ, ка-

ковы мы ни есмь, все-таки величаюшъ панами.

Во время вышепомянутого посѣщенія, сидѣлъ я въ свѣтлицѣ и занимался сочиненіемъ проповѣди, которую, по совѣту отца моего, намѣренъ былъ сказать въ слѣдующее воскресенье, дабы блеснуть краснорѣчіемъ передъ мірянами крохалѣвскими и поданыи имъ высокое мнѣніе о монахъ дарованіяхъ и учености. Лишь только завидѣлъ я Савелія Деминьевича, у меня на сердцѣ похолодѣло: проповѣдь, и ученость, и краснорѣчіе мигомъ изпарилась изъ головы моей. Оца моего не было дома: онъ уходилъ для какихъ-то прѣбъ; машушка то же занималась хозяйствомъ. Я одинъ долженъ былъ встрѣтить прѣзжатаго.

— »Здравствуйте, преноченнѣйшій и всемогущейшій Демидъ Ка-

дисциплиновичъ! « сказалъ онъ, входя въ комнату. » Я пріѣхалъ къ вамъ за важнымъ дѣломъ, по поводу, прѣмромъ будучи, Паспасьи Пешровны Опаріевны. А чпобы *панъ - отецъ*, какова не мѣра, не подумалъ, чшо я навязываюся на такую услугу, копорой онъ онъ меня не ждалъ и не просилъ, шо у меня тошновы и *сепаратные* пункны: хочу шорговашь у него медъ и воскъ, да попросишь взаймы денегъ для одного надежнаго человекъка. «

Я молчалъ; да и чшо мнѣ было отвѣчашь? Ошказашься онъ его услугъ — значило какъ будшо бы показашь холоднось къ милой Паспу-сѣ и заспавишь навязчиваго, всесвѣннаго свана подѣлхашь съ другимъ женихомъ. Онъ и принялъ мое молчаніе въ шаконъ видѣ, какъ ему хотѣлось, ш. е. счелъ его знакомъ со-

гласія ; но , какъ шокій знатокъ провинціальныхъ приличій , искусно перемѣнилъ разговоръ и повелъ безконечную рѣчь о городскихъ новостяхъ , о слепшихъ , нагихъ гг. судовыхъ и — право , всего не припомню .

Къ счастью моему , манушка скоро вошла въ компанію . Дѣлю между ею и Савеліемъ Деменишевичемъ сладилось ко взаимному удовольствію : условилась , чинобы хитрый сванъ подкрался къ опцу моему съ предложеніемъ , какъ бы печально напавъ на вину мысль . Какъ сказано , шакъ и сделано . Опецъ мой , выгодно продавъ свой медъ и воскъ , спалъ мягокъ и уснулчивъ ; и доия сначала неохотно слушать о родствѣ съ Машироной Якимовной , осуждая ее за излишнюю спесь , но когда панъ Пересыиченко напалъ на него всею силою дѣловой своей логики , по ба-

исполка мой началъ убѣждаться его доводами. Обѣдь и наливанъ угладиши остальные зашрудненія.

Жребій былъ брошенъ; меня обрекли въ женихи милой Настуси. Черезъ недѣлю, Савелій Дементьевичъ долженъ былъ прѣѣхать, для большей важности, съ другимъ еще сваномъ, вѣрнымъ своимъ подручникомъ, и отправившись къ Манроуѣ Якимовѣ. До этого времени, чинюбъ разсѣять волновавшій меня мысли и сокращить минуты ожиданія, усерднѣе прежняго занялся я сочиненіемъ моей проповѣди. Предметомъ оной было увѣщаніе къ брапской любви; я грозно возснавалъ противъ презоренна и кощунственна мірскаго, и шекснѣ выбралъ слѣдующій : *Блаженъ человекъ, иже и скоты милуетъ*. Признаюсь, у меня лежалъ на душѣ обидный хо-

хоть, кошорымъ меня чуть не оглушили на свадьбѣ.

Провѣдь конечно, пересмотрѣна, переписана на бѣло, прочтена моему ошцу, одобрена имъ и сказана мною въ слѣдующее воскресенье. Я надѣлся произвешти ея сильное впечатлѣніе въ слушателяхъ, особливо въ барышняхъ крохалѣвскихъ; надѣлся пробудить въ нихъ угрызения совѣсти и заставивъ ихъ внутренне сознаваться въ няякомъ ихъ грѣхѣ предомною; и что же? Барышни перешивались по своему обыкновенію, набожныя шарушки поминутно клали земные поклоны, не величиваясь въ порывы моего краснорѣчія; а два-три шаричка подремывали подъ шумъ моихъ возгласовъ. Одна только дѣвушка слушала прилежно и, казалось, угадывала мое намѣреніе; нужно ли досказывать, что это была Машуся

Опاریевна? Досада моя на невнимательность всѣхъ прочихъ съ избыткомъ вознаграждалась ея вниманіемъ, и я не напрасно менилъ бисеръ опборныхъ менафоръ, синекдохъ и гиперболю.

Впрочемъ, по окончаніи обѣдни всѣ паны и паньи крохаліевскіе забросали моего ошца поздравленіями и похвалами моему краснорѣчію, уму и учености. Тутъ я понялъ, что съ людьми шемными и необразованными всегда возьми высоконарностно и паньщеннымъ слогомъ: чѣмъ меньше они поймушь, тѣмъ болѣе будутъ дивнись и разхвалявднсь. Этому и шенерь я вижу частые примѣры, когда случася мнѣ заглянушь въ ваши нынѣшніе журналы, да вслушася въ шолки нашихъ провинціаловъ: чѣмъ безшолковѣе сужденія и слогъ журналиста, тѣмъ болѣе

предполагають они въ его снахъ ума и глубины. Въ томъ-но, думаютъ они, и мудрость: написаны такъ, чинобъ книжно не появля, а слова подобраны и размѣщены такимъ образомъ, чинобы чинецъ на каждой строкѣ зашлася и переводить духъ. Одна красная обертка журнала уже служила для нихъ вѣрною порукой за краснорѣчье издаателя.

Наспалъ желанный четвершокъ. Въ десять часовъ утра снова колокольчикъ зазвѣлъ по улицѣ и опять зашлахъ передъ нашимъ домомъ. Погода немного, вошли наши сваны: Савелій Деменьевичъ съ какимъ-но приземленнымъ, плоскимъ и краснолицымъ человечкомъ; оба они были на весель. Около часа пополковавъ о двѣхъ, мы сѣли за ранній обѣдъ, и онъ для неперѣбаваго жениха Богъ вѣсть какъ долго прошился въ

вспичивашы, да въ шушкахъ и прибаушкахъ, которыми разсыпался оба свана. Вышедъ изъ-за стола, они почувствовали, что языкъ ихъ прилипалъ къ горшани. Имъ ошвели особую компану, черезъ сѣни, и они легли спать ошдохнуть, а я между нѣмъ занялся своимъ уборствомъ. Уже я не рѣшился надѣсть ни краснаго жилета, ни оранжеваго планка на шею: за исключеніемъ беземѣнаго моего долгополага сторнука, я спарался нарядиться сколько можно ближе къ тому, какъ одѣны были городскіе пашы на свадьбѣ. Часа черезъ два, сваны мои вешали, какъ вшрепаные. Ошелунавъ вечерню и полуца родншельское благословеніе, ошправился я съ своими сванами, въ ошцовской голубой парадайкѣ съ желтыми и красными *мережка-*

ми (14) — прямо къ дому Мапроны Якимовны Опаріихи.

Привѣщаемъ. Босоногая служанка съ разпущенными волосами вспрѣ-
часень насъ и объявляетъ, что панья
просишь обожданъ. Сидимъ и ждемъ
часъ и другой; а между тѣмъ изъ
ближней компаньи раздаются гром-
кія и бранчивыя приказанія Мапро-
ны Якимовны по шому, по другому
изъ ея домашней челяди. Я шеряю
перевѣиѣ и бодрость; но сваиы мои
спараются снова ободрить меня сво-
ими побасенками и забавными замѣ-
чаніями на счетъ всего, что видяиъ
въ одной компаньѣ и слышанъ изъ
другой. Наконецъ явленіся Мапрона
Якимовна, высокая, дородная жен-
щина со вздернутымъ носомъ, пух-
лыми щеками и чванливымъ взгля-
домъ. На головѣ у ней былъ шелко-
вый платокъ, повязанный наколкой,

какъ у городскихъ мѣщановъ; на ногахъ голубые шерстяные чулки и башмаки безъ задниковъ, съ высокими коблуками; прочій парадъ ея состоявляли *шущунѣ* и юбка спицовые съ большими разводами яркихъ цвѣтовъ, да катычаный бумажный платокъ на шеѣ. Не смотря на то, ни одна знатная дама, во всемъ блескѣ пышности и убранства, не приняла бы насъ такъ сухо и спесиво, какъ Манрона Якимовна.

Старшій свашъ, м. е. Савелій Деминъевичъ Пересыпченко, повелъ рѣчь обняками, чунь-ли не онъ Созвораенія мѣра, и заключить ее сими замѣчательными словами: »Онъ власни Божіей не уйдешь. Старое старѣешь и валнися, а молодое цвѣннень да молоднися. Примѣромъ будучи, сказанъ вонъ и объ вашей дочкѣ: ужъ хонъ куда невѣсна. Та-

кой дорогой поваръ не залежались у манушки на рукахъ. А вопль у насъ и кунецъ находинся: вланиемъ вамъ и просимъ вашей ласки къ намъ и нашему жениху.»

Машрона Ивановна сдѣлала какую-то двусмысленную ужимку губами и молча указала намъ на спуля; мы съли. Минуты двѣ-три она какъ будто собиралась съ мыслями; наконецъ начала говорить прощальнымъ тоюсомъ и съ длинными ошановками, болѣе какъ бы вслухъ разсуждая сама съ собою: »Конечно, мнѣ негѣмъ укорить и сваюю и жениха... Сваиы люди хороши, въ офицерскихъ чинахъ; безчестна никому не сдѣлаюшь.... Женихъ человекъ молодой и видный, имѣеть званый и явственый глазъ; я это слышала прошлое воскресенье въ обѣдно... И домъ очень досищанный; онъ же всему

одинъ наследникъ... Только можно ли тому быть, чинобъ моя дочка, Анастасія Цешровна Опаріевна, сдѣлалась понадькой! . .

— » Почему же нельзя, мапушка Манрона Якимовна?« спросилъ старшій свангъ.

— » Снааночное ли дѣло! Дѣдушка ся, Гордій Аѳанасевичъ, былъ Снародубскаго полка канцеляришномъ; баншонка ся, Цешръ Гордіевичъ, служилъ въ генеральномъ судѣ региспраторомъ. Сама я шо же не проснаго рода: покойные мои родичеши, съ шѣхъ норъ, какъ свѣшь сношшь, слыли панами . . А дочь мою сналибъ величашъ понадькой! . . Нѣтъ! шому не бывашъ.

— » Да вѣдь духовный чинъ шо же чинъ, предпочтеннѣйшал Манрона Якимовна! Вспомнише, чшо онъ начала вѣковъ люди знаншые выдавали до-

черей своихъ за людей духовнаго званія. Лаванъ, примѣромъ будучи, былъ знатный господинъ, потому что у него были свои рабы, по-русски, шакъ сказано, кресныяне; а Лаванъ выдалъ обѣихъ дочерей своихъ за Иакова, конорый былъ, какъ Писаніе гласитъ, Папріархъ, сѣдованельно духовнаго званія.

— «А я вамъ скажу,» отвѣчала Манрона Якимовна рѣшишельнымъ тономъ: «что хоня бы дочь мою сванила за себя Папріархъ Царградскій, онъ конораго въ прошломъ году бродилъ здѣсь какой-то греческій чернецъ и собиралъ вклады на церковь, — но и этому Папріарху онаказала бы я, и слова не сказала.

— «Однако, позволите вамъ сказано, многочисливая государыня Манрона Якимовна, что родишель

нашего нарекаемаго жениха, онецъ Калвспрантъ, то же дворянинъ, и по силѣ реченаго званія владѣеть землями и всякими угодьями. . . .

— »Да безъ крещьянъ. Какое ужь это панство, когда и своихъ людей нѣтъ?

— » Истинно такъ, преноченнѣйшая Манрона Якимовна! Вошь у васъ, примѣромъ будучи, благодаря Бога, душъ пять-шесть ревизскихъ наберется. Изъ нихъ, помнится, двое въ бѣгахъ, одинъ умеръ, да еще одинъ онданъ въ рекруты; а все-таки съ подростками и малолѣтними можно будетъ насчитать душъ восемь мужеска пола. У онца Калвспрана, конечно, этого нѣтъ; за то у него есть другое благословеніе Божіе, изъ котораго могъ бы онъ кушнѣ порядочный хунорокъ, примѣромъ будучи, душъ въ пятьдесятъ наличными.

— » Вѣрю, что могъ бы, когда бы сына своего повелъ не по духовному званію, а записать бы гдѣ нибудь въ епанскую службу, особливо въ губернскомъ городѣ. Тогда и у насъ пошло бы дѣло на задъ: за дворянина въ офицерскомъ чинѣ я просватаю свою дочку; а просно за поповича, не прогнѣвайнешь, нѣтъ! велико слово, нѣтъ!

— » Ну, коли это послѣднее ваше слово, машушка Машрона Якимовна, то дѣлаешь нечего. Мы постараемся упросить да умолимъ отца Калисирана, чтобы онъ позволилъ Демиду Калисирановичу выйти изъ духовнаго званія и вступитъ въ епанскую службу; хотя, правду сказать, и не надѣемся на успѣхъ. Общайнешь же и вы, предпочтеннѣйшая, что на случай, паче чаянія, согласія со спорошы *панъ-отца*, вы

ни за кого не отдадите своей дочери, пока Демидъ Кашенрашовичъ не выйдетъ въ чины.

— «Объязуюсь, если ей не същется лучшаго жениха.

— «Пыжь, манушка Манрона Якимовна: коли дѣлю пошло на условіа, такъ подлежащій оному быль въ надлежащемъ и благонадежномъ порядкѣ всепрепемѣннѣе

— «Ну, хорошо,» перервала Манрона Якимовна съ прежнею двуслезливой ужимкою, и какъ будто спешая поскорѣе отдѣлаться: «вошь вамъ мое слово, что буду ждать до перваго офицерскаго чина Демида Кашенрашовича.»

Разговоръ на минушу перервался и завязался пономъ о предметахъ постороннихъ. Я молчалъ и съ кажимъ-то смущеннымъ ожиданіемъ поглядывалъ на дверь, изъ которой

вышла Манрона Якимовна. Погода немного, она оборонилась къ этой двери и закричала богатырскимъ голосомъ: »Анастасія Пепровна! соорудите намъ чаю (15)!«

Я думалъ, что шеверь-по увижу Пасхую; напрасно. Черезъ полчаса времени чай, различной по чашкамъ, былъ принесенъ мою же босоногою служанкой, которая вскрикнула насъ у дверей. Сваны мои привѣтливо улыбнулись стоявшему на подносѣ графину съ *кизлярскою водкой* домашней работы, и бросились на него, какъ вороны на шкуръ. Манрона Якимовна и меня поощивала *кушать* чай съ водкой; но я не допротивался до графина, хотя признался, наснойка изъ какой-то травы, названной какъ бы въ наемѣнку чаемъ и смѣшанной съ шафраномъ (16), почти не шла мигъ въ

торю. Что касается до самой хозяйки дома, то она *кушала* энопль чай съ водкой весьма охотно.

Мы посидели еще несколько времени. Сваны мои ревностно поддерживали свою двойную славу: записанных гулякъ и весельчаковъ малоросейскихъ, неправдо осушали чашку за чашкой, дѣлая при каждой умышленное *уэл!* и. е. подливая водки вдвое прошивъ чайной воды, и сопровождая сію занѣйливую пеловкоснѣ шуутками и побасенками. Наконецъ мы уѣхали — сваны съ шумнымъ весельемъ, а я съ безмолвною печалью.

Отецъ мой, какъ и должно было ожидать, съ негодованіемъ отвергъ условія Машроны Якимовны. Что мнѣ было дѣлать? Я чувствовалъ, что любовь моя къ Настушѣ, еще болѣе подспрекаемая пренященіи-

емъ, успивалась со дня на день. Но пособить горю было нечѣмъ. Ошца моего, въ нѣкопорыхъ случаяхъ, невозможно было переспорить. Я начала задумываться, грустить и даже сохнуть. Уже ни учебы, ни будущей экзаменъ, ни сколько льстившая мнѣ прежде перспектива выгоднаго прихода, не шли мнѣ въ умъ. Одна только Настуся, съ ея милымъ личикомъ, съ ея румяными щечками, съ ея блонкурными волосами, ежеминутно напоминала мое воображеніе. Короче: я любила шакъ, какъ только любила въ двадцать лѣтъ — любила всѣми силами души моею.

Она чечего дѣлала, и чинобъ разсѣяла мою носку, бродила я по такимъ мѣстамъ, гдѣ рѣже могъ встрѣчаться съ людьми, и почти всегда невольно выбирала для уеди-

нешныхъ моихъ прогулокъ рошу, лежащую за садомъ Машроны Якимовны. Мысль, что шамъ я нѣсколько поближе къ Наснуся, была для меня отрадой.

Однажды я подкрался къ самому плешню, которымъ обнесенъ былъ садъ Г-жи Опаринхи. Взглянувъ черезъ плешень, я увидѣлъ, что по саду прохаживалась Наснуся и задумчиво напѣвала какую-то заунывную пѣсню. Сердце во мнѣ забилось, какъ щука въ сѣняхъ. Я прыгнулъ за плешень и пошампиривалъ сквозь просѣины онаго на милую дѣвушку. Вошь она, какъ будто по невольному влеченію, идетъ прямо къ шому мѣсту, тѣмъ я спую, вошь ближе и ближе Чинобъ не напугать ее печальнымъ моимъ появленіемъ и не навлечь какихъ-либо предосудительныхъ для меня подозрѣній,

я прилежъ у пленна, въ тусной, высокой нравѣ, и припасть духъ. На спася Пепровна между шѣмъ подошла къ самому пленно, снала одною пошкой на перененъ, другою выше, пономъ еще выше Я лежалъ ни живъ, ни меривъ онъ страха и радости: онъ страха, чнобъ не бынъ замѣченнымъ, и онъ радости, чно Паснуся пакъ близко Покаменъ она влѣзала на плененъ, я спарался наклонить надъ собою праву и усилъ въ эномъ пакъ, чно меня вовсе не снало видно. Вошь уже бѣлокурая моя красавица на верху пленна, вѣнчорокъ развѣваентъ ея шелковисные волосы, лице ея горитъ одушевленнымъ румянцемъ Она озираетъ вокругъ внимательнымъ взоромъ, подобно нѣмъ баснословнымъ божесивамъ Востока, копоря слезали въ нашъ

мѣръ, чтобы помогать спраждующимъ, и съ воздушныхъ высотъ обзрѣвали землю. Погода темного, мечна моя еще болѣе осуществилась: Наснуся тихо слезѣла внизъ, соскокнувъ съ плетня, и упала своими маленькими, красивыми ножками прямо мнѣ на грудь . . . Какъ ни сладостна была для меня сія драгоценная ноша, однако я крикнулъ ошъ бош. Наснуся испугалась, ошоропѣла, закуталась ногами въ густой правѣ и упала на меня . . . круглая, зыбучія формы ея шѣла легли мнѣ на лице; голова свѣсилась въ праву . . . Нечего было медлить: я обхватилъ восхищительный спанъ милой дѣвушки, поспѣшно вскочилъ на ноги, держа ее на рукахъ. Она вскрикнула ошъ спраха; но когда увидѣла меня, шо засныдилась и вырвавшись изъ моихъ рукъ, спустилась на землю.

— «Ахъ, эно вы, Демидъ Кали-
спрашовичъ!» сказала она: «я, право,
думала, что здѣсь въ правѣ приша-
нася медвѣдь. Что вы шушь дѣлаете?»

— «Я... ондыхаю!» ошвѣчалъ я,
смунясь и не нашедъ приличнѣйшаго
ошвѣта.

— «Ондыхаеице, въ правѣ, подъ
плешемъ? Право, я что-но не въ-
рю!» подхваннала она съ усмѣшкой.
»Ишь ли шушь какой нибудь шу-
денческой шушки?»

Я не зналъ, какъ оправдаться, и
рѣшился лучше сказать всю правду.
»Признаюсь,« молвилъ я съ заиш-
кой: »мигъ хонѣлось взглянушь на
васъ, Пасиасья Пешровна!...»

— «На меня? да что вамъ въ
эномъ?» сказала она весело.

— «Душа моя шакъ и слѣдитъ за
вами; а гдѣ душа, шакъ и глаза!»

онивѣчалъ я немного посмѣлке и даже съ нѣкоторымъ жаромъ.

Она пошунила глаза и промолчала. Мы тихо пошли вмѣстѣ по лѣсной тропинкѣ, и когда уже садовой плетень скрылся у насъ изъ виду за чащею деревь, тогда Настуся, какъ бы надумавшись или ободрась, сказала мнѣ съ ошкорошею улыбкой: »Такъ вы не шутилъ меня любяще, Демидъ Калесирашовичъ?»

— »Охъ! люблю шакъ, какъ шикно въ свѣтѣ не можеть любить васъ!« вскричалъ я съ живоснію.

— »Для чего же вы не хотише выполнитьъ волю манушени моеи? Она не хочеть меня видѣти понадею; а по мнѣ, признаюсь, все равно, въ чемъ бы вы ни были: въ расѣ ли, во фракѣ ли, въ губерискомъ ли мундирѣ.

— »Какъ оно понимать?« спросилъ я сомнительно: »это значить, кажешся, что я расно вамъ не мнѣ, во что бы ни одѣлся?«

— »О, нѣтъ, советамъ не по!« отвѣчала она пресподушно. »Поснарайшесь только уговорить вѣщего баншонку; а намъ—мы увидимъ.«

Я поблагодарилъ милую дѣвушку въ несвязныхъ, но жаркихъ выраженіяхъ, не скрывъ оныхъ нея преняишвей и затрудненій, преденоявшихъ намъ, и высказалъ ей, какъ умѣлъ, все, что было у меня на душѣ. Она краснѣла и сморнѣла въ землю, какъ будто бѣ искала грибовъ по дорогѣ; но улыбалась очень умнливо. Я не слышалъ подъ собою ногъ оныхъ радосни, что могъ говорити съ нею наединѣ. Мы ходили съ полчаса по самымъ глухимъ пропикамъ, гдѣ не встрѣчали не толь-

ко челоуѣка, но даже никакаго домашняго живоннаго; при всемъ томъ, ни одно преснуное желаніе не закрадывалось въ мое сердце: я любилъ эту милую дѣвушку и уважалъ ее, какъ гнѣшно свяное. Наконецъ она, какъ будно очнувшись онъ забынья, вдругъ сказала: «Ахъ, Боже мой! я съ вами и время позабыла! Машушка вѣрно ужъ ворошилась: она поѣхала версны за при, на винокурню. Бѣда мнѣ, если она хванннсь меня и не ошнцннть въ саду!» Съ сими словами, она полетѣла, какъ пшнчка, вдоль по ироннкѣ и скоро изчезла у меня изъ глазъ, унеся съ собою мнуннныя мои радости.

Я оснался онянн одннъ бродннть по роцѣ; поздно пришелъ я домой, груснннѣе и мрачннѣе прежняго. Это свиданіе съ Паспусей еще болѣе ошкрыло мнѣ, какого сокровнща я ли-

шался; и онъ чего? онъ обоюдного упрямства нашихъ родителей! Я сѣлъ въ углу на лавкѣ, сложилъ руки и опустилъ голову; не жаловался и даже не вздыхалъ; но конечно замѣтно было, что я страдаю внутренно, ибо добрая мать моя смотрѣла на меня съ поскливымъ участіемъ. Отецъ мой также давно уже замѣнилъ, что я очень похудѣлъ, что я, вопреки прежней моей хорошей привычкѣ, почти ничего не ѣлъ, не принимался за книги и былъ молчаливъ, какъ рыба. Въ этотъ разъ, видно, сильнѣе прежняго пробудилось въ немъ родительское состраданіе, и онъ прислушался ко мнѣ съ разспросами:

— »Здоровъ ли ты, Демидъ?

— »Здоровъ, « отвѣчалъ я угрюмо и опривчено.

— »Что же съ тобою дѣлается? « спросилъ онъ немного поспроже

— »Ничего!« .онивѣчалъ я по прежнему.

— »Ты не ѣешь и не пьешь, бродишь по цѣлымъ днямъ, Богъ знаетъ гдѣ, молчишь, какъ грѣмой. Ты совсемъ одичалъ: не показываешься добрымъ людямъ, и смотришь какимъ-то юродивымъ... Ума не приложу, какая дурь забралась къ тебѣ въ голову!«

Я молчалъ.

— »Ужъ не молодая ли Опаріевна сунулась и крушила тебѣ?« продолжалъ онъ. »Охъ, мнѣ эти любовныя бредни! Сколько — и по Священному Писанію видно — мудрыхъ и сильныхъ мужей сбывалось онъ шихъ съ прамаго нуни. Довольно напомиши о мудрѣйшихъ: Давидъ и Соломонъ, и о сильнѣйшемъ изъ смиренныхъ: Самсонъ. А все еще эти поучительные примѣры не уснащаются

безразсудныхъ челоуѣковъ: имѣюшь уши, и не слышашь!»

Я все молчалъ.

— «Ну, бышь такъ,» сказала опець мой послѣ пѣвкошорой разсѣлановки, смягчивъ свой голосъ. «Если только энишь можно тебя спасни ошь сумаснесивія или ошь сухощки, то благослови тебя Господь, и вошь тебѣ мое родинельское благословеніе: иди въ гражданскую службу.»

Я вскочилъ, какъ пробужденный изъ меривыхъ, и бросился цѣловашь руку моему оицу. Машь моя то же не вышеривѣла: слезы полились у ней изъ глазъ. и она хотѣла упаснь въ ноги передъ своимъ мужемъ; но онь удержалъ ее.

— «Полно, полно!» сказалъ онь разширогавшись: «благодарнише Бога, а меня благодарнишь не за чню. Я и шенерь соглашаюоь скрѣпя серд-

це ; мнѣ очень не хотѣлось бы, что-бы сынъ мой пошелъ инымъ путемъ, нежели его отецъ и дѣдъ. Да ужь видно, на то воля Божія, ея же не преиждешь.»

Я совершенно ожилъ: спалъ и веселье, и говорливость, началъ и ѣсть и пить по прежнему. Можно было подумать, что сама природа требовала возобновленія силъ, какъ будто бы по выздоровленіи ишла она тяжкой болѣзнію. Одного только я добивался: увидѣться съ Настасьею еще однажды передъ отъѣздомъ, и для того по прежнему посѣщалъ я рощу за садомъ Манроны Якимовны. Объ учебныхъ книгахъ мнѣ уже не для чего было думать; ихъ замѣнилъ у меня Овидій старшаго изданія, безъ начала и конца, купленный мною на рынкѣ за 50 копѣекъ, да томъ эпикъ Сумароко-

ва, не знаю какими судьбами закра-
шійся въ число книгъ моего оица.

На преній день я увидѣлся съ
Наспусей, объявилъ ей о счастливой
переменѣ моихъ обстоятельствъ и
просилъ ее подождать до нѣхъ
поръ, пока офицерскій чинъ дастъ
мнѣ право на полученіе руки ея. Ма-
тушка моя приняла на себя увѣдо-
маніе о томъ же Манрону Якимов-
ну и взяла съ нея слово. Дѣла мои
шли по желанію: надежда меня ожив-
ляла. Весело проснулся я съ На-
спусей, и черезъ нѣсколько дней я
и оиць мой были уже на пути въ
губернскій городъ.

Не трудно было оицу Калеспра-
ту склонить Пресвященнѣйшаго
Владыку на увольненіе меня изъ ду-
ховнаго званія; еще легче было ему
опредѣлить меня въ сибирскую служ-
бу. Священникъ, покровительствовав-

мый Архіереемъ, пронодіакономъ и другими значительными духовными лицами, предъявляющій сверхъ того предварительныя и ясныя свидѣтельства своей благодарности, не могъ бытъ опровергнутымъ просишемъ въ такомъ дѣлѣ, которое обѣщало и впродъ гг. членамъ присутствія вышепереченныя знаки благодарности. Меня опредѣлили копенсскомъ въ уголовную палату. Я перемѣнилъ образъ жизни, пріемы и привычки, и повелъ себя совершенно новому моему званію, по пословицѣ: *съ волками вой*.

Прошелъ годъ, и другой уже приближался къ концу. Уже я, въ силу доказательствъ объ опьянно-ревностной и дѣлительной моей службѣ — доказательствъ, подтверждавшихся убедительными доводами изъ Крохалева — подносился швердою и

размашенною рукою: «Капцеляриспѣ Демидъ Слзасиѣна,» Въ это время постигло меня жестокое несчастіе: почтенный родичель мой, онецъ Калиспрапѣ, скончался опѣ сильной простуды, приключившейся ему, когда онѣ въ ненастную осеннюю погоду провожалъ одного изъ прихожанъ своихъ въ мѣсто вѣчнаго успокоенія. Машъ моя звала меня къ себѣ; я отправился въ Крохалиевку, оплакалъ свѣжую могилу онца и сдѣлалъ нужныя распоряженія. Какъ мы жили въ собственномъ домѣ и не на церковной землѣ, но я оснавилъ машъ мою полною госпожею дома и всей нашей собственности, и сдалъ преемнику онца моего все то, чѣмъ покойникъ владѣлъ по своему званію, продалъ все лишнее изъ пожнипковъ онецовскихъ: его богатыя рясы, проросни, шубы и ш. п., оста-

вя себѣ на память только любимыя его вещи. Успиривъ все такимъ образомъ, я возвратился въ городъ, и продолжалъ мою однообразную, но не вовсе бесполезную службу.

Прошло еще годъ. Я былъ повышенъ чиномъ, и губернскаго регистраторъ Демидъ Камешрановичъ Слассина могъ уже представить Машровъ Якимовъ Опарихъ, какъ достойный женихъ ея дочери. Я выпросилъ себѣ отпускъ на довольно долгій срокъ — и отправился въ Крохалевку.

Лучше бы я не прѣзжалъ сюда!... Я чужь не попалъ на свадьбу Настасии Петровны съ какимъ-то маіоромъ и заснулъ добрую часть мою няжко больною съ печалью. Онъ не узналъ я слѣдующія подробности.

Маіоръ эионъ, уволенный (и едва ли по своей доброй волѣ) онъ служ-

бы, мимоѣздомъ очутивъ въ Крохалиевкѣ, и почини съ бою самъ себя опвелъ кварциру въ домъ Манроны Якимовны. Молодець онъ былъ, видно, не промахъ: шопчасъ явился къ хозяйкѣ дома съ извиненіями, изъ копорыхъ самое убѣдительное было то, что онъ не привыкъ останавливаться въ креспьянскихъ избахъ. Одаренный бѣлымъ языкомъ и свойствомъ ни онъ чего не краснѣлъ и не заишашся, онъ умѣлъ пусшншь шль въ глаза Манронѣ Якимовнѣ: увѣрилъ ее, что ему обѣцано мѣсно городничаго въ нашемъ городѣ, и что у него есть хорошее помѣшье въ одной изъ великороссійскихъ губерцій: но какъ сіе послѣднее завѣреніе должно было согласншь съ довольно поношеннымъ его платьемъ и скуднымъ дорожнымъ скарбомъ, то онъ прибавилъ, что помѣшье нахо-

дился подъ опекой, по причинѣ тяжбы за оное съ богатыми и алчными родственниками. Впрочемъ, онъ умѣлъ всемъ симъ разсказамъ придать видъ правдоподобія и убѣжденія, ибо Машрона Якимовна съ перваго раза повѣрила ему на слово. Майоръ былъ средняго роста, сухощавъ и прихрамывалъ одной ногою, о которой говорилъ, что просирѣдена была на сраженіи. Богъ въсѣхъ, правда ли это, ибо формулярнаго списка его я не видалъ. Густыя, черныя бакенбарны съ просѣдою закрывали полълица у этого ошешавнаго вишнязя и придавали ему видъ богатырскій, даже ошчасни суровый. Онъ сказывалъ, что ему шридашь пять лѣтъ отъ рожденія; но судя по виду, можно бы смѣло придать ему еще десятокъ. Машрона Якимовна, конюра во сѣ и на яву бредила людъ-

ми чиновными, была опъ него безъ памяти, и уговорила его опдохнуть съ дороги въ ея домъ, сколько ему угодно. Маіоръ того только и ждалъ. Мало по малу, онъ вврался въ дружбу и довѣріе къ хозяйкѣ своей и даже говорящъ — не знаю, правда ли, нѣтъ ли — вскружилъ голову Пашасель Пенровиъ. Сердце женское есть такаа мудреная загадка, ко-пторой никогда не могъ я разгадать. Короче, не прошло и двухъ недѣль, какъ уже въ Крохалиевкѣ заговорили о свадьбѣ. Еще недѣля — и ужъ ее опшировали.

Мать моя, при первой вѣсипи объ этой спральной помолвкѣ, пошла къ Маширонъ Якимовиъ и напомила ей данное мнѣ честное слово. — «А раз-вѣ я не сдержала его?» опвѣчала г-жа Опариша насмѣлииво. » Сами вы видѣли, что я не выдавала моей

дочери замужъ , пока сынъ вашъ не
 вышелъ въ чины. Теперь же , какъ
 онъ сналъ человекомъ чиновнымъ ,
 такъ и для ней пришелъ часъ воли
 Божіей. Милосердіе просимъ на свадь-
 бу! « — Что было онѣвчанъ на сей
 лукавый изворотъ? Манушка моя
 возвратилась домой съ нѣтъ же , съ
 чѣмъ и пошла , наплакалась до-сына
 и даже слеза въ носило. Я за-
 сналъ ее въ припадкахъ поминель-
 ной горячки.

Болезнь ея усиливалась со дня на
 день , и мѣ уже было не до Манро-
 ны Якимовны и не до Пасхуен
 На двѣнадцатый день по прѣздѣ мо-
 емъ , я шелъ за гробомъ доброй , чадо-
 любивой моей манушки.

Съ той поры Крохалѣвца мѣ опо-
 сныла. Я продалъ онцовскую зем-
 лю , мельницу и пасѣку ; оставилъ
 только , какъ бы по земному пред-

чувствію, домъ съ садомъ, и помѣ-
 сннлъ въ немъ снараго ослабшаго
 дьячка съ хилою его женою, на на-
 мянн по моему ошцѣ, которому сей
 дьячокъ слишкомъ прищанъ лѣнн
 сонунснвовалъ на разныя церковныя
 службы и мнрекія преры. Эпой же
 бѣдной ченгѣ предоснавлъ я въ пол-
 ное разпоряженіе н садъ мой, чнобъ
 она могла чѣмъ ннбудь прошнпаться
 на снароснн.

Вырученными за движимое н недви-
 жимое нмущеснво покойнаго моего
 ошца, н собранными съ должннковъ
 его деньгами, могъ я безбѣдно дошл-
 нушь свой вѣкъ, хотя бы онъ про-
 днлся еще впрос; нбо я привыкъ
 къ умѣренности н порядку. Изо
 всѣхъ моихъ должннковъ, одна поль-
 ко Манрона Якимовна была несо-
 стоятельною плательнцей: она оп-
 кадывала уплату подъ разными пре д-

лотами, переносывала съ году на годъ заемныя письма и во всякомъ случаѣ старалась чино нибудь да выпорговать. Я мало объ этомъ забочился, поручилъ все хлопоты съ нею бывшему свану моему, Савелію Деметривичу; но избѣгалъ случая встрѣнитися съ нею или съ Натасасей Пешровой, и уѣхалъ въ городъ не выдавши ни съ кѣмъ изъ нихъ.

Черезъ годъ, увидѣвши съ однимъ изъ панковъ крохалиевскихъ, я узналъ оиъ него, чино въ домъ Машроны Якимовны шелъ, какъ говорится, дымъ коромысломъ. Маіоръ, какъ на повѣрку вышелъ, не имѣлъ не только комбѣшня, но ни души, даже собственной, и сверхъ того былъ картежникъ и гуляка; оиъ самовольно завладѣлъ имѣніемъ своей шенци, проманивалъ его, драгся съ нею и му-

члаз бѣдную жену свою, Несчастливая, какъ мнѣ сказывали, спрашно похудѣла и глаза ея ни днемъ, ни ночью не осушались оиъ слезъ.

Спустия еще около прехъ лѣтъ, получилъ я шисьмо такого содержания:

» Манушка моя умерла оиъ бѣд-
 »ности и горя, мужъ мой лежипъ въ
 »параличъ. Я и прее жалкихъ дѣ-
 »шей моихъ нуждаема въ самомъ
 »необходимомъ. Пасъ за долги выго-
 »няюиъ изъ дому. Сдѣлайте милоснъ,
 »не взыскивайте съ меня хоня до
 »времени денегъ, должныхъ вамъ по-
 »койницею манушкой и пр... Па-
 »спася Ирвинская.»

Сердце мое сипъсилось оиъ жа-
 лосни и грусныхъ воспоминаній.
 Я возвратилъ Паспась Пепровиъ
 заемное шисьмо ея манери, съ раз-
 пискою въ полученіи долга; прило-
 жилъ къ нему еще, что Богъ мнѣ

внушилъ посланъ ей; и какъ въ это время ни снараго дьячка, ни жены его не было уже на свѣтѣ, но я укрѣпилъ домъ мой въ Крохалѣвкѣ и съ садомъ за Паснасей Пенровной и дѣвками ея. Тамъ она, по смерти мужа, живешь и теперь, хоть не богато, но безбѣдно. Богъ печется о сирыхъ и сираждущихъ!

Чтно до меня, я уже больше не думаю о женишбѣ. Первая мечта моего счастья разсѣялась, какъ дымъ; и теперь я корошаю вѣкъ мой снарымъ, безроднымъ бобылемъ. Хожу на службу, держусь во всей снрого-сннн моей присяги, равнодушно сношу ровонъ сочленовъ моихъ, различающихся со мною во мнѣйяхъ, вечеромъ чинаю, чтно Богъ послалъ, и онъ скуки веду свои занески. Не знаю, займутъ ли онъ васъ, милоснннннннн государи, сннннннннннн же, какъ ме-

ня; во всякомъ случаѣ, желаю вамъ
удовольствія.

(Эпопѣю опривокъ изъ записокъ
Деміада Калиспраповича Сласиёны,
быль мѣсь доснавленъ однимъ изъ его
земляковъ. Мѣсь, какъ издацелю оныхъ,
оснавалось шолько присовокушннъ къ
ннмъ примѣчанія, для объясненія нѣ-
конорыхъ малороссійскихъ словъ,
обычаевъ и ш. и.)

О. Сошовъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

- 1) *Писанки*. Янца, разписанныя разноцвѣт-
ными узорами, съ помощію мѣдной шру-
бочки и разноцвѣтнаго воску. Нѣкото-
рыя изъ сихъ *писанокъ* заслуживаютъ
вниманіе живописно красокъ и разнообра-
зіемъ узоровъ, въ конхъ малороссійскія
художницы перѣдко ошлнмаются нѣмъ
своесправіемъ воображенія, конорому
шолько мы удивляемся, смонра на кой-
мы надійскихъ шалей.

- 2) *Олей* въ Малороссіи называется конопляное и вообще всякое поспное масло.
- 3) *Панисъ* — Афанасій.
- 4) Т. е. священнику. *Пань-отець* по-малороссійски значить то же, что по-русски *государь-батюшка*.
- 5) Въ Малороссіи знанокъ бываютъ весьма разборчивы при покункѣ воловъ, наблюдая условія снаши ихъ, подобно какъ охотники до лошадей разбираютъ снаши верховыхъ и упряжныхъ скакуновъ, рысаковъ и пр.
- 6) *Раця* — испорченное латинское реченіе: oratio — слово или проповѣдь.
- 7) *Веселье-ць* въ Малороссіи называется свадьба.
- 8) *Бурса* — домъ, гдѣ живутъ семинаристы.
- 9) *La vergette* — некогда существовавшая мужская прическа головы; волосы, напередѣ оснриженные очень низко.
- 10) Т. е. какъ муха въ кипянкѣ. Спихъ изъ *Малороссійской Энеиды* Кошляревскаго.
- 11) *Чулаки*, и е. погонщики воловъ въ Малороссіи, если увидятъ на большой дорогѣ ивъхода, порадочно одѣшаго.

по въ насмычку предлагаютъ ему ку-
шинъ *батогъ*, ш. с. кнунъ, конмъ пого-
плюнъ они воловъ своихъ.

- 12) Т. с. палочное доказательство.
- 13) Въ Малороссіи часто прозваніе жены,
дочери и сына измѣняется такимъ обра-
зомъ въ окончаніи. Если напримеръ, какъ
здѣсь, мужъ прозывается *Опарій*, то
жену его называютъ *Опариха*, сына
Опаріенко, а дочь *Опаріевна*.
- 14) *Мережки* — горючки или узоры.
- 15) Мѣлкопомѣстные малороссійскіе паны
сначала вѣка нередко щеголяютъ спира-
носно выражений, жемая шемъ описи-
чинсья они проснаго народа. Выраже-
ніе: *соорудите намъ тато*, сочинилъ
самъ слышалъ изъ устъ одной пожилой
паньи.
- 16) Лѣтъ за двадцать передъ симъ, во мно-
гихъ домахъ деревенскихъ панковъ пода-
вали чай съ шафраномъ. Можеть бышь,
обыкновеніе сіе и теперь еще существу-
еть въ нѣкоторыхъ сѣнныхъ деревуш-
кахъ.

Д У М А.

ПОСВЯЩЕНА ПАМЯТИ ГРАФА
КАПОДИСТРИА.

(Отрывокъ.)

Два удѣла предоспавило небо великимъ людямъ. Иногда предприимчивый человекъ, одаренный могучею душою, выступая на поприще міра, не встрѣчаетъ преградъ, какъ будто люди и судьба согласовались исполнять его предначертанія. Переходя отъ одного подвига къ другому, онъ наконецъ достигаетъ своей цѣли, и въ глубокой старости, увѣнчанный славою, въ послѣдній разъ вспоминая свою жизнь, мирно

засыпаешь подъ благословеніемъ че-
ловѣческаго.

Другой, въ самой колыбели, какъ
Алкидъ, борется со змѣею. Покину-
тый на произволь судьбы, какъ
челнъ въ океанѣ, онъ онъ самой юно-
сти враждуетъ съ возмужалымъ зло-
дѣйствомъ. Колоссальныя думы ка-
жутся безумствомъ ничтожной мо-
лчи, пока, оправданныя событіями,
онъ не предстанутъ изумленному мѣ-
ру, какъ хребетъ горъ Кавказскихъ...

Въ дали, увѣчанъ облаками,
Снопомъ граничный великанъ.
Бьются горы надъ горами,
Какъ будно съ ярыми волнами
Заснытъ мгновенно Океанъ.
Среди громовъ, въ порфирѣ черной,
Гигантовъ рядъ нерукопворной
Едва сквозитъ издалика;
Такъ предстанешь въ дали проснорной
Давно минувшие вѣка.
А тамъ, надъ темною громадой,

Какъ среброрунныхъ козлицъ стадо —
 Блуждаютъ тихо облака ;
 И неподвижно, на вершинѣ, —
 Какъ бы семья орлиныхъ гвздъ —
 Снопикъ свердила на твердынь
 Въ соседствѣ лучезарныхъ звздъ.

Не такъ ли и великій человекъ
 изъ дивныхъ подвиговъ громадитъ
 себѣ лѣсницу къ безсмертію? Не-
 упомимый, онъ спрашивая смерти
 единственно пощому, что не все
 совершилъ. Гордо и разру-
 шаетъ преграды; но судьба, изло-
 женная имъ, какъ баснословный не-
 полникъ, съ каждымъ прикосновеніемъ
 къ землѣ возникаетъ съ новою си-
 лою! Наконецъ, уступая его муже-
 ству и гравитному шерфитію, она,
 зависница, поражаетъ зодчато въ
 то мгновение, когда шоржесвенно
 онъ положить послѣдній камень на
 вершину св. его зданія . . . Запоздавший

громъ, обрушенный на главу великаго — есць первый отгулъ его славы; а молнія — факель, озарившій колоссы, воздвигнутый имъ для пользы человѣчества. Мыслящій наблюдатель, склоняя колѣна у гроба великаго, и съ умилениемъ воспоминаая его подвиги, вопрошаетъ: »Если бы онъ почилъ иншимъ спомъ глубокой старости, но чего бы не доставало къ его земному величію?« — Смерти за нешину.

Миръ праху швоему, доблесный мужъ! въ холодный вѣкъ эгоизма, ты безкорыстно любилъ свое отечество. Любуясь величіемъ швоей души, я часто думаю: не обломокъ ли древняго міра занесла къ намъ благодѣтельная буря?

Твой гробъ достоинъ струи и слезъ!

Твое прекрасно назаченье.

Ты скорбною Греціи принесъ

Привѣтъ Россіи: возрожденье.

Нашъ! Добродѣтель — не вечна.
 Въ нашъ вѣкъ разчелливый и злобный,
 Я укажу швой холмъ надгробный, —
 И объмень клеветна.

Онлачемъ смерть незабвеннаго
 гражданина; подобно древнему вождю
 Израильянъ, онъ видѣлъ обѣщанную
 родину въ шуманномъ онда-
 леніи. Но сбудуся надежды мужа
 совѣтовъ, если Греція исполнитъ
 его завѣщаніе. Въ наши дни могла
 не поглосаенъ великаго человека,
 и думы его переходянг къ пресмни-
 камъ, какъ родовое наследенво.

Трилуный.

ВАЖНЫЙ СПОРТЪ.

(АЛЛЕГОРИЯ.)

Надъ однимъ изъ холмовъ Алаунскихъ, около полуночи, въ первыхъ числахъ Апрѣля 17.. года свирѣпствовала весенняя непогода. Вѣтеръ бушевалъ и съ свистомъ перемѣнялъ направленіе, налеталъ на вершину, срывалъ глыбы рыхлаго снѣга и разносилъ ихъ далеко по воздуху. Вообще казалось, что силы непріятельскія нападаютъ на какую нѣбудь высоту и домогаются взять ее приступомъ. Западающіе поселенцы, сколь-

зя на длинныхъ саняхъ своихъ по снѣжнымъ пушинямъ, съ суевѣрною робосцію прислушивались къ вою и перекашамъ бури и говорили между собой: » Это *весна споритъ съ зимою.* « Люди болѣе образованные, вслушиваясь внимательно и пошаривая сквозь оконныя стекла освѣщенныхъ залъ, прислушивали эношъ шумъ и тревогу спору снхій. По смиренный жинель ближняго монастыря, инокъ, въ полномъ смыслѣ слова, имѣвшій *простое око*, видѣлъ даже и болѣе. Предъ нимъ разоблачился верхъ горы; онъ усмотрѣлъ *двухъ духовъ — гернаго и блага.* Шумъ, разносившійся въ холодномъ воздухѣ, производилъ онъ ихъ жаркаго спора. Предметомъ ихъ пренія — было *домашнее занятіе людей.* Правы измѣнялись. То, что весело дѣдовъ, не правилось внукамъ. Новое

поколѣніе пошло совсѣмъ *новымъ* направле-
 ніемъ. Разсуждали: *гдѣ занять его?*
 Много прекраснаго предлагалъ *Бѣ-
 лый*. Онъ говорилъ о пользѣ набож-
 носсти, о сладости молитвы, о воз-
 вышенныхъ усилительныхъ занятіяхъ,
 о *порядкѣ*, радующемъ душу, о ни-
 хихъ семейныхъ бесѣдахъ, о высо-
 комъ удовольствіи бдѣть, трудить-
 ся при свѣтѣ ночной лампы, для
 блага общества, для счастья своей
 страны. Но *Черный* хохоталъ (и
 эпистола хохотъ повнорялся эхомъ
 горь, какъ буря!) и консультировала,
 ни на что не соглашаясь. Въ свою
 очередь и *Черный* предлагалъ все,
 что льстило крови и плоти, что
 содѣлывало возделаніе очей, что
 ласкало чувства, правилось чувствен-
 носсти. *Бѣлый* съ негодованіемъ оп-
 вергалъ его предложенія, вредныя для
 тѣла, губительныя для души. Ша-

конецъ они остановились на *одномъ*; согласились ли, пѣли ли, но споръ прекратился. «Пусть такъ!» сказала *бѣлая*, «только бы не дѣлали чего *нибудь худшаго!*» — «Пусть такъ!» сказала *серый*: «только бы не дѣлали чего *нибудь лучшаго!*» — Съ нѣхъ поръ, хотя время было то же, но провожданъ его спали *иначе*. Уже колоколь предразсвѣнный не возбуждалъ онъ сна къ мошнвѣ упренней. Хотя въ шемногѣ ночи, сквозь рѣшенчанья огня храмовъ, сіяло изнутри золотистое освѣщеніе; но имъ никто не любовался, оно никого не манило. Трепенно - зыблонційся свѣтъ восковой свѣчи уединенно мелькалъ на золотомъ окладѣ иконы, на жемчугахъ и камняхъ самоцвѣтныхъ, принесенныхъ *никогда* набожностію въ дань ликамъ святымъ. Священникъ одинъ, съ небольшимъ приче-

помъ, совершалъ моленіе: голосъ его звучалъ въ пусныхъ сводахъ, благо-словеніе улетало на воздухъ или принимаемо было малою дружиною убогихъ калѣкъ и пресшарѣлыхъ прихожанъ. Гдѣ же счастливцы міра? гдѣ жилили палатъ? гдѣ люди высшаго разряда? Имъ некогда *молиться!* Они шрудились долго за полночь, и справедливоснъ пребуенъ, чшобы имъ дозволили почиванъ до полудня. Не сшало *разговора*, пчезли усладительныя собесѣдованія, почши переспали чшнанъ книги. Когда имъ разговариванъ? когда бесѣдованъ? когда чшнанъ? — Чшо же они дѣлаюпъ? — Разсмаприваюпъ ли природу, соспавъ земли, шеченіе звѣздъ; или занимаюпся изысканіемъ среденвъ къ усшроенію чешовѣческаго общесшва, къ мирному и безбѣдному житію; или изыскиваюпъ спо-

собы удобрения полей, украшенія сель; или забоялися объ улучшеніи упадающей нравственности? Пить! пить! пить! Сидя, часто день и ночь, за зелеными четверугольниками, они переважно раздаютъ другъ другу лоскушки наклееной бумаги, размалеванные условными знаками и фигурами, и болѣе ничего не дѣлаютъ, ни о чемъ не размышляютъ. Однимъ словомъ: они *играютъ, играютъ, играютъ!* Время бѣжитъ; жизнь проходитъ . . . Они сидятъ, какъ закодированные, какъ восковые пшучапы, ничего не требуютъ, ничѣмъ не прогаются; по временамъ только обнаруживается въ нихъ жизнь всѣмиками зависши, косыми взглядами и немногими ошрывисными, жесткими словами; потомъ опять все замолкаютъ; молча другъ друга проводятъ, *берутъ взятки* и все играютъ,

играють, играють. И часно, если
вбрынь прозорливцамъ, въ энихъ жи-
выхъ, полумеханическихъ общесн-
вахъ видянь *благаго* и *герцаго* духа.
Первый, глядя уныло, какъ безумно
шеряють, какъ спокойно губяють
драгоценнѣйшее благо — *время*, го-
ворянь, почи сквозь слезы: «Какъ же
быль! только не дѣлали бы чего ни-
будь *хуже!*» Другой, весело пош-
рая свои косяныя, черныя руки,
съ презрительною насмѣшкою повно-
рлянь: «Пусть шакъ! только не дѣ-
лали бы чего *лучше!*»

Федоръ Глинка.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

ЛЕОНЪ или ИДЕАЛИЗМЪ.

Примѣчаніе Человѣкъ тогда только знакомится съ самимъ собою, когда начинаешь изучать внутреннюю жизнь духа. Ипринципы его ученія неизмѣримо и предметны онаго безконечно разнообразны, особенно для наблюдателя людей современныхъ намъ, которые рвущаясь весь міръ возсоздать въ груди своей и силою единой свѣжей мысли обновить дряхляющую жизнь поколѣній. Но любознательна и каждая черта, занесенная изъ глубины сердца, изъ сей лабора-

порин страстей, гдѣ человекъ является или жертвою самого себя, или создателемъ своей судьбы. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы силою искусства запечатлѣть черту сію въ живомъ образѣ, который шворнишь свободная фантазія. Усилья ли въ этомъ скольконибудь авторъ предлагаемаго здѣсь опытка, покажетъ цѣлое созданіе романа, который уже близокъ къ окончанію. Здѣсь представляется на судъ просвѣщенныхъ читателей родъ пролога къ оному. Автору хотѣлось въ немъ выказать броженіе идей, предшествовавшее тому убѣжденію и нѣмъ понятіямъ о жизни и вещахъ, оныхъ которыхъ зависѣла вся послѣдующая судьба его героя. Въ самомъ дѣлѣ нужно было показать постепенное развитіе силъ его души, чтобы изъяснить то, что

сиюль нерѣдко кажутся неизъяснимымъ въ поступкахъ людей, единственно потому, что мы смопримъ на сии послѣдніе, какъ на какіе нибудь опривки жизни, не примѣчая связи, сопрягающей оныя съ коренными снхіями ихъ способностей и воспитаніемъ. А. П.

(Леонъ разсказываетъ исторію своей юности одному изъ дѣйствующихъ лицъ романа).

Я былъ воспитываемъ до семнадцатилѣтняго возраста въ домѣ родителей моихъ такъ, какъ обыкновенно воспитываютъ рускаго дворянина, т. е., меня учили всему по чини для одного вида, немного заботясь о томъ, въ какой связи состоятъ то, что я буду знать, съ

тѣмъ, что предназначено мнѣ дѣлать. Разумѣется, что воспитаніе мое было ввѣрено Французу. Онъ былъ честный человекъ и желалъ мнѣ искренне добра. Но по совѣсти сказать, чему существенному научилъ онъ меня за три тысячи рублей, которыхъ неправдо каждый годъ платилъ ему мой отецъ? Что такое науки, думалъ сей послѣдній, и почему бы Французу или Немцу не знать ихъ всѣхъ разомъ? Они на этомъ спояны, это ихъ дѣло. Такимъ образомъ мой наставникъ волею или неволею долженъ былъ объявить себя въ нашемъ уѣздѣ представителемъ всей европейской образованности, кромѣ знанія Россіи, чего онъ нѣго не требовалось, и въ свѣдѣніе сего началъ учить меня французскому языку, математикѣ, физикѣ, исторіи, географіи, рисо-

вальному искусству, верховой езде, танцованью, даже музыкѣ и чуть-чуть не русской словесности. — Само собою разумѣется, что шонгъ, кому судьба велѣла жить на свѣнѣ, хочешь жить, во что бы то ни стало, и немного думаетъ о томъ, какъ согласуются въ семь случаевъ пребыванія его нужды съ требованіями или предразсудками свѣна.

Впрочемъ я былъ странный ребенокъ и планъ моего воспитанія долженъ былъ созрѣть въ умѣ не столько поверхностномъ, каковъ былъ у моего наставника. Я родился въ эпоху такъ называемыхъ новыхъ идей. У меня не было недосыпанка въ способностяхъ; но сіи способности выказывались весьма неровно. Иногда я постигалъ съ необыкновенною быстротою предметы, превышавшіе мой возрастъ, и въ то же время не могъ

сдѣлать порядочно простаго ариѳметическаго дѣленія съ повѣркою. Нельзя было сказать, къ чему преимущественно склонялся умъ мой: это была блудящая комета, влекшая свой злобный хвостъ по пучинѣ неопредѣленнымъ, понуцимъ, такъ сказать, въ пучинѣ безконечнаго міроздавія. Учитель мой нередко приходилъ въ величайшее затрудненіе. Случалось, что въ началѣ нашей ученой бесѣды я ободрялъ его благоразумнымъ вопросомъ, или дѣльнымъ замѣчаніемъ; ему казалось уже, что онъ овладѣлъ неукротимымъ моимъ духомъ, что настала наконецъ пора развернуть предо мною, вопреки его единоземцу Фоншенелю, полную горсть съ пшеницами. Но въ это самое время какая-то иная задумчивость постепенно увлекала меня въ иной міръ, голосъ моего наставника не-

рялся въ пустынь; и вопъ нѣсколько
 снспемъ, созданий моего собственна-
 го блуждающаго ума являлось тамъ,
 гдѣ хотѣлъ онъ утвердить знамя
 науки. Мнѣ повѣсповали подвиги
 какого нибудь знаменитаго мужа :
 вмѣсто того, чнобы спаранься из-
 учить его характеръ и судьбу, я
 самъ спановился героемъ испоринъ,
 думалъ о томъ, какъ бы я послу-
 нилъ въ общояпельспвахъ, подоб-
 ныхъ его, какъ прославилъ бы свое
 имя, съ какимъ поржеснвомъ при-
 жали бы меня къ сердцу мой роди-
 тели и моя спарая нянюшка, ко-
 торая любила меня съ нѣжностію
 и часно признавалась мнѣ съ суевѣр-
 нымъ умиленіемъ, что ей видѣлись
 дивныя сны о моемъ будущемъ жре-
 бин. Первдко видали меня погружен-
 нымъ по цѣлымъ часамъ въ глубокую
 задумчивость, въ удаленн оягъ мо-

ихъ поварищей. Въ это время я былъ занятъ важнымъ дѣломъ : я былъ Цезарь или Сократъ, но присупснвовалъ въ римскомъ Сенатѣ, но училъ народъ подѣ аѳинскимъ поршикомъ. Воображеніе мое до того разгаралось, что я даже въ моихъ играхъ поцѣлымъ днямъ бывалъ обезьяною какого нибудь знаменитаго историческаго лица. У меня не было любимата героя : я тошовъ былъ подражанъ и завидованъ каждому изъ нихъ, лишь бы онъ не былъ похожъ на кого-либо изъ шѣхъ людей, которыхъ я ежедневно видѣлъ въ домѣ отца моего, или за обѣдомъ, или за карточнымъ столомъ, и которыхъ носнунки и разговоры, не знаю почему, возбуждали во мнѣ какое-то шемное чувство прискорбія и досады. Впрочемъ чрезвычайная скрипшоснъ облекала покровомъ всѣ мои зашнъ о ве-

личин; о нихъ менѣ всего зналъ попъ, кому надлежало бы искусно добывать всѣ шайны изъ моего сердца, и е. мой наставникъ; до чего, безъ сомнѣнія, онъ и достигъ бы, если бы умѣлъ пріобрѣсти мою довѣренность.

Такими же спранныстями оплачалось мое поведеніе. По временамъ въ меня всеялся какой-то демонъ дѣйскаго своевольничества; я ошваживался на самыя ошчальныя шалошны, но вообще не любилъ игръ. Большею частію я бывалъ робокъ и задумчивъ. Шикино лучше меня не ладилъ съ моими шоварницами; нерѣдко даже я осуждалъ себя на весьма важныя пожертвованія въ ихъ пользу; но за то уже шикино изъ нихъ не долженъ былъ помышлять о первенствѣ предо мною въ какомъ бы шонн было ошношеніи.

Однимъ словомъ, я былъ загадкою для моихъ родичей и воспитателей. Сей послѣдній перѣдко со всѣмъ французскимъ энтузіазмомъ провозглашалъ меня гениемъ и чрезъ минушу со слезами жаловался моему отцу, что я глубѣйшее существо изъ всѣхъ извѣстныхъ ему дѣтей въ Россіи и Франціи. Иногда онъ готовъ былъ признашь меня ангеломъ крохотки; но вдругъ какая нибудь неожиданная шалость снова заграждала ему уста, или онъ верзала ихъ для того, чтобы обѣщанъ мнѣ въ будущемъ ни болѣе, ни менѣе какъ начальство надъ шайкою разбойниковъ, во вкусъ Шиллерова Моора. Я совершенно былъ равнодушенъ и къ его увѣщаніямъ и къ укоризнамъ. » Леонъ! « сказалъ онъ мнѣ однажды въ порывѣ искренности и природнаго своего добродушія: » у тебя сердце сшло цѣльное, вообра-

женіе и воля сподь неукропимыя ,
 что ты будешь несчастнѣйшее су-
 щество на семь свѣтъ. « Вошь, мо-
 жешь бышь, единственная истина,
 которую я отъ него услышала. За-
 то я шакъ ее помню и доселѣ, что
 она какъ будто приросла къ моей
 совѣсти, или какъ будто разкален-
 нымъ желѣзомъ выжжена была на мо-
 емъ сердцѣ. Жаль только, что это
 было случайное явленіе въ снѣпемѣ
 моего воспншанія, недоснапки коего,
 можешь бышь, послужила главною
 виною и моихъ заблужденій и моихъ
 злосчастій.

Въ самомъ дѣлѣ въ то время, какъ
 моя пламенная фантазія замѣняла
 мнѣ умъ, а оей послѣдній коснѣлъ
 въ дремотѣ бездѣйствія, или нена-
 правляемый искусною рукою, ни руко-
 водимый по нити спрогныхъ началъ,
 привыкала дѣйствивсванъ только въ

пользу чувства и мечпы — въ то самое время сердце мое дышало нѣжнѣйшими ощущеніями. И не могъ видѣть ни одной слезы другаго безъ горькаго соучасія, не могъ сморгнуть на ницатаго безъ того, чтобы не предснавинь себя въ самой живой картинѣ его снраданій. Рано начала снбданы сердце мое шумительная жажда любви. Романы, копорые по неоснороженности моихъ восшпанелей часто попадались въ мои руки, раскрыли еще болѣе сіе чувствование, поджигая огонь насильственню, раздраживая пошребность сердца картиннами блаженства, копорое не могло бынть его удѣломъ. На четырнадцатомъ году моего возраста, въ каждой уздной барышнѣ, готовившейся бынть доснойною снругою какого ннбудь заседашеля земскаго суда, я видѣлъ уже сущеснвно иде-

альное, которому не доставало только приключений, чтобы занять почтенное мѣсто между Альфонсами, теройспивующими семнадцатилѣтними дѣвцами (*) и имъ подобными вздорными созданіями ума, изучавшаго челоѡка въ госпиталѣхъ, по прическѣ и покрою кафанана.

Такой - но хаосъ кнѣзь въ моей юной душѣ, предвозвѣщала мнѣ въ будущемъ дни бурные... Опець мой мало наблюдалъ за моимъ поведеніемъ; его жизнь была не иное что, какъ длинное сцѣпленіе обѣдовъ и ужиновъ, хозяйственныхъ разпоряженій объ отсылкѣ проценцовъ въ банкъ, маленькихъ шяжебъ и мировыхъ сдѣлокъ съ сосѣдями и возгласовъ о поправленіи креспьянъ, прудныхъ временахъ и шорговомъ деспотизмѣ Англичанъ. Онъ имѣлъ обык-

(*) Романы г-жи Жаннсъ.

повеніе опкладываніъ заботу о моемъ воспитаніи до какой-либо воніющей шалости; тогда являлся онъ предо мною въ грозномъ видѣ судіи, сѣкъ меня, нещадя руки своей и снова возвращался къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ, починая родительскія свои обязанности уже неполными. Но мать моя была женщина, исполненная чистотой любви ко всему прекрасному и доброму, и я самъ любилъ ее съ нѣжностію. Она получила воспитаніе въ одномъ изъ нѣхъ заведеній столицы, гдѣ юное поколѣніе Россіянокъ, согрѣное, оживошворенное материнскою любовью вѣщественнаго Ангела-хранителя Россіи, Императрицы Маріи, въ шипы разцвѣтало, чистотой тонкою образованностію ума, вкуса и сердца современемъ смягчишь суровыя души мужей-Скифовъ. Къ несчастію,

мать моя совершенно зависѣла отъ
 моего дяди, который съ поприща
 политической своей жизни принесъ
 въ свою деревню нѣсколько почтен-
 ныхъ ранъ, глубокое невѣжество и
 спросилъ рѣшанъ все дѣла военныя
 и не военныя по правиламъ солдат-
 ской дисциплины. Онъ дрался съ
 своими крестьянами, какъ съ Фран-
 цузами и Турками или еще храбрѣе,
 и говаривалъ, что рѣшительныя мѣ-
 ры нужны къ тому, чтобы въ де-
 ревнѣ его процвѣтало земледѣліе. Къ
 сему-то почтенному воину-агроному
 должна была ѣхать мать моя, по окон-
 чаніи своего воспитанія въ Пешер-
 бургъ. Тамъ встрѣтила она въ кругѣ
 людей, совершенно чуждыхъ ей ду-
 шей. Бѣдное сердце ея, привыкшее
 питаться чувствованіями, какія
 свойственны человеческой природѣ,
 возвышеннѣе образованіемъ, шамъ

встрѣшилось съ сердцами, покрытыми корою первобытной дикости, въ которыя не проникалъ еще лучъ разсвѣта нравственнаго, которыя разпрогивались и бились сильнѣе только въ превогахъ житейскихъ нуждъ, или волненій спрасшей грубыхъ. Оно было долго въ поскѣ пляжката одиночества. Часто (какъ мнѣ пересказывали послѣ) изъ уездной госпитали, гдѣ по обыкновенію мнѣя двѣнцы скромно молчали, а молодые любезные чиновники съ важностию курили шабакъ, она украдкою удалялась въ свою комнату, вынимала изъ пориѣсла свои учебныя тетради, письма своихъ подругъ и шихія, безнадежныя слезы текли изъ очей ея на сіи бранныя памятки лучшаго жребія, невозвратно для ней погибшаго. Такъ проходили дни ея, недѣли, мѣсяцы; прошелъ

годъ. Сосѣднія дамы чуждались ея ; дядя былъ съ нею суровъ и холоденъ ; всѣ починали се сущесвомъ , какъ бы пришедшемъ изъ другаго міра. Бѣдная мать моя должна была мало по мау уснувши ихъ правамъ и привычкамъ. Еще порою сердце ея замирало въ шокѣ , предчувствуя рѣшительный , близкій часъ разлуки съ его ценнѣйшими мечтами и надеждами. Наконецъ оно покорилося закону необходимости и свѣтлые дни юности ея , разцвѣтавшіе въ сіяніи правдивейшей красоны , зашмелась въ ея памяти , какъ лазурь небесная съ своими лучезарными звѣздами затмѣвается въ шучахъ бурныхъ осеннихъ ночей . . . Ни по желанію , ни по принужденію , влекомая славою обшояпельствъ , она ондала наконецъ руку свою съ сердцемъ ,

угасшимъ безъ любви, человеку, которъй сдѣлался опцемъ моимъ.

Со мной она была нѣжна и снисходительна. Но ея крошечное, почтительно робкое сердце неспособно было овладѣть мятежными стихіями души моей, чтобы дать ей видъ благоуспрощенный....

Наконецъ мнѣ наступилъ семнадцатый годъ и отецъ мой началъ положительно думать о моей судьбѣ. Все предположенія его останавливались однако жъ на одномъ, и. е., мнѣ надобно получить чинъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Онъ вспомнилъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ Имперіи есть мѣсна, гдѣ не только даются вдругъ нѣсколько чиновъ безъ службы, но и право на высшія почести въ Государствѣ. Такимъ образомъ рѣшено было послать меня въ университетъ. Когда отецъ мой

объявлялъ моей матери о семъ намереніи, но она одобрила его и прибавила, что въ университетѣ, кромѣ чиновъ, я могу пріобрѣсти еще какія нибудь познанія. Да, ошвѣчалъ онъ, и это величшее. Размышляя теперь объ ошвѣстѣ семъ, я нахожу его весьма замѣчательнымъ. Аристократы-предки наши говорили: мой сынъ дворянинъ; къ чему ему науки? Онъ не ведунъ ни къ почестямъ, ни къ богатству. Ошцы вѣрили уже, что познанія могутъ къ чему нибудь пригодиться на поприщѣ гражданской жизни. Наконецъ въ новомъ поколѣніи зрѣеть, кажется, убѣжденіе, что рабъ невѣжесива недостойтъ быть членомъ великаго народа. Это при эпохи, означающія послѣднее шесивіе людей онъ варварсива къ полуварварсиву и онъ се-

го послѣдняго къ полному развитію нравственныхъ силъ.

Я прѣхалъ въ столицу и вступилъ въ университетъ. Домашнее ученіе, какъ читанель видѣлъ изъ предыдущаго, вовсе не приготовило меня къ высшимъ наукамъ. Я внезапно какъ бы бурю былъ брошенъ изъ тихой сѣни фашистическихъ грѣзъ въ пучину глубокой умственной жизни — и оно была одна изъ важнѣйшихъ ошибокъ моего воспитанія. Уже въ душѣ моей боролись спихи высшего нравственнаго существованія. Но въ борьбѣ сей, одному случаю предоставлено было рѣшить ихъ жребій. Сердце мое, такъ сказано, уединенно дышало въ груди моей чувствованіями вѣка, чуждое ихъ мѣлкихъ спрасней, коноря въ юности прообразующъ уже будущаго раба общественнаго формалиста,

ржавую пружину въ механизмѣ жизни. Нерѣдко среди бродящихъ мечтаній въ глубинѣ души моей проглядывала шемная, неопредѣленная мысль о чемъ-то великомъ. Мірѣ представлялся мнѣ обширною ареною; шамъ, въ шаншенвенномъ сумракѣ вѣковъ, облеченные грознымъ величіемъ, боролись предо мною со жребіемъ и шолною терои ценныи и чести. Мнѣ становилось душно и шѣсно въ малой моеи сферѣ и я давалъ клятву самому себѣ рано или поздно вшоргнувшись въ сей священнѣй кругъ избранныхъ чадъ судьбы. Все, что говорили, что дѣлали вокругъ меня другіе, казалось мнѣ несноющимъ повнореніа. Меня сибѣдала шомнипельная, жгучая жажда правшенвенной дѣяшельности. Я не понималъ бы шого, кшо сказалъ бы мнѣ прошендушно обыкновеннымъ

языкомъ свѣта: » Твой отецъ имѣеть связи , онъ можетъ доставить тебѣ успѣхи въ обществѣ и проч.« Не такого рода успѣхи нужны мнѣ были. Какой-то важный , торжественный голосъ изъ глубины души моей звалъ ко мнѣ: »Загляни сюда: здѣсь есть силы крѣоче гранита , могущественнѣе волнъ Океана; только опираясь на нихъ , ты можешь дѣйствовать съ нѣмъ властительнымъ вліяніемъ на вещи и людей , которое принадлежитъ одному року и мысли человѣческой , выработанной , закаленной , какъ сталь въ пламени возвышенной души.« Я однако жъ не признавалъ въ себѣ никакого определеннаго назначенія. Я презиралъ все; что могло бы сдѣлать меня членомъ казны или цеха: мнѣ хотѣлось просто жить полною жизнью ума и

сердца — мнѣ хотѣлось бытъ человѣкомъ: ибо мысль о достоинствѣ человеческого рода, какъ ясная звѣзда любви на упрямомъ небосклонѣ, сіяла лучшимъ блескомъ среди юношескихъ моихъ помысловъ. Да не подумаютъ, что такой образъ чувствованій и мыслей заранѣе полагалъ основаніе той мрачной надменности, за которую упрекали меня въ послѣдствіи: нѣтъ! я чувствовалъ, что не имѣлъ на то никакого права: спусти уже долгое время, я узналъ, что одними подвигами и терпѣніемъ пріобрѣтается честь существованія среди людей по-человѣчески. Кто умѣлъ спасти жизнь ума и сердца отъ сего правдивнаго гроба, въ который безпрестанно влекутъ ее нужды и мѣлкія спрашенія свѣта, тому, какъ побѣдителю, прилично

возчувствованъ въ сознании силы
достоинство свое.

Однажды рассказывалъ я нѣкто-
рѣ изъ сихъ обшчествъ моей
жизни дальнему моему родственнику,
который, старая желаніемъ снасть
въ рядъ высокоблагородныхъ мужей,
рѣшился въ сорокъ лѣтъ выдержать
чиновническій экзаменъ и началъ чи-
тать и мыслить. Впрочемъ опы-
ность открыла ему нѣкоторый до-
ступъ къ чловѣческому сердцу и съ
помощію припасенныхъ къ экзамену
свѣдѣній, онъ могъ иногда судить
даже о томъ, что было въ канце-
лярскаго порядка вещей. «Удивитель-
ное дѣло,» сказалъ онъ мнѣ: «какъ
могли бродить такія мысли въ го-
ловѣ юности, взросшаго въ средѣ
среди людей, которые живутъ серд-
цемъ только тогда, когда спорятся
другъ съ другомъ, а умомъ, когда

сочиняють векселя, свадебныя записи и духовныя завѣщанія. Ты видишь, чино я самъ шель на лучшую дорогу только по силѣ указа 1809 года.» Мнѣ кажется, дядюшка, онъ вѣчалъ я, чино нужно бышь только челоукомъ, чинобы рано или поздно возчувствованъ свое предназначеніе. Пенина зачинается во глубинѣ души такъ же, какъ новый жинель земли въ употребъ манери. Зародышь снншь, но въ немъ сосредоточень весь будущій мужъ, можетъ бышь Сократъ, Канонъ; можетъ бышь Мишинъ, Пожарскій, Липуновъ. Пусть любовь пробудитъ органически сіе сѣмя: въ одно мгновение тончайшія нити онаго превращаются въ чибры, едва примѣтная почка дѣлается сердцемъ, оно бьется и качнншь по юному организму тончайшія, свѣтлыя струи жизни. Онь уже то, чино

выражающъ словомъ: *есть*, и надобно совершился многому прежде, нежели судьба произнесетъ сему юному созданію приговоръ прежняго небытія. Такъ вѣчная любовь, предназначившая человека для жизни высшей, оплодотворяетъ въ немъ зерно разума, которое зрѣя мало по малу, разцвѣтаетъ въ тысячахъ разнообразнѣйшихъ идей и познаній. Таинственно, но вѣрно совершается въ новомъ поколѣніи правдивый переворотъ; являющіяся новыя понятія и нужды, закидаютъ новыя спрашенія. Здѣсь не надобно поспорошняго содѣйствія; мать въ самомъ зародышѣ плода передаетъ ему жизнь вѣка; въ первомъ поцѣлуѣ, которымъ она вслѣдуетъ его на землѣ, невидимо, неощущаемо изливается на него святое благословеніе: бытъ человекомъ, по закону истины и кра-

сопы, и чести сей не отдаватьъ никому. « —

«Хотя ны изъясляешься нѣсколько высокопарно,» сказалъ мнѣ мой дядя, «однако жъ мнѣ кажется, что я нѣсколько понимаю тебя: съ нѣхъ поръ, какъ побывалъ въ моихъ рукахъ *Corpus juris civilis*, я самъ обогащался новыми понятиями. Они уже сдѣлали во мнѣ важный переворотъ: ибо вразумили меня, что для исполненія законовъ нужно имѣть смыслъ; и какъ бы ни старались увѣрять меня въ противномъ нѣмъ или другомъ образомъ, я все-таки остаюсь при своемъ. Вотъ, мнѣ кажется, также зерно, изъ коего могутъ современемъ вырасти хорошіе исполнители мудрыхъ предначертаній начальства.

— «Такъ,» ошепталъ я: «мы усгѣхами образованности изкушимъ ужасъ

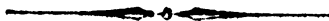
народовъ и попомнимо, въ юномъ Властимирѣ венскихъ племенъ, не увидишь варвара! . . .

Обратимся къ моей повѣсти. Школа не образуетъ людей; но въ такомъ положеніи, въ какомъ я находился, она могла имѣть важное вліяніе на развитіе и направленіе моего духа. Для меня уже много значило ощущеніе той свободы, кою пользовался умъ въ области высшихъ познаній. Я въ первый разъ возчувствовалъ нравственную мою самостоятельность; съ какою-то величавою торжественію бесѣдовалъ я съ философами о судьбѣ человека, съ правителями о судьбѣ Царствъ, завѣшивалъ дѣла Цезарей, наслаждался вмѣстѣ высшею умственной жизнію и правомъ изрекать судь мой о томъ, что касалось до моего рода: мнѣ приятно было сознавать,

что и я членъ онаго, участвующій
 въ великомъ совѣщаніи о его благи.
 Міръ великій, безпредѣльный от-
 крылся предо мною: міръ человѣче-
 скихъ понаній и спрасней. Сладко
 было сердцу моему спранствованъ
 среди сихъ созданій правдивенной
 силы: никогда природа, со всеѣмъ сво-
 имъ разнообразіемъ, не очаровывала
 меня сколько, сколько судьба чело-
 вѣчества съ его паденіемъ и возвы-
 шеніемъ, съ его злополучіями и сла-
 вою. Вдохъ поскующаго сердца,
 улыбка красоны, свѣтлая мысль
 мудреца — все, все изъ глубины въ-
 ковъ шекло къ моей дугѣ, воплоща-
 лось, такъ сказано, въ моеѣ быніи,
 дѣлалось моею собственностью, мо-
 ею жизнью. Мнѣ принадлежало все
 богатство челоѣчества, пріобрѣ-
 ненное цѣною подвиговъ, слезъ и
 крови; двадцать вѣковъ возираючи

изъ гроба и въ пгривыхъ, фантастическихъ видѣнiяхъ носился въ моемъ пламенномъ духѣ. Я бросилъ все постороннее, я заглядѣлся на сіе величественное зрѣлище и не думалъ изучать того, что принадлежало лично до моей судьбы. Опытъ скоро доказалъ мнѣ, что и я действующее лице въ сей великой драмѣ и что роль, которую я заучивалъ съ такою жадностію, была выбрана худо, безъ соблюденiя всѣхъ классическихъ единствъ, которыхъ не должно опровергать безусловно.

А. Шукитенко.

НѢЧТО О НАУКѢ.

(Отрывокъ изъ письма къ Графинѣ N.)

Вы желали, Графиня, чпобъ я представилъ вамъ свои понятія о наукѣ, какъ можно короче и проснѣе, не предполагая, не допуская ничего. Ваша воля для меня законъ. — Слѣшу отвѣчанъ на вопросъ, — но не за успѣхъ.

Человѣкъ, *при первомъ взглядѣ* на себя, замѣчаетъ, что соспонишь изъ двухъ часней, *какъ бы* совершенно различныхъ, но нѣсно, на по-

добіе артерій съ веною (*), соединенныхъ между собою, и называешъ ихъ тѣломъ и душею.

Тѣломъ, которое росплетъ, питаешся, изнемогаешъ, зависишь отъ вышнихъ вліяній, отъ принадлежишь къ природѣ, такъ сказать чужой, и въ извѣстной степени, хотя и по-своему, повинуется ея законамъ.

Душа съ ея способностями отличаешся отъ прочихъ твореній, и составляетъ его собственный міръ.

Изъ чего же состоишь жизнь человека, въ отношеніи къ сей последней ея части, но есть — какъ существа, одареннаго душею?

(*). Артерією кровь идетъ отъ сердца, а веною она въ него возвращается: жилы сн такъ тѣсно между собою соединены, что нельзя означить предѣла, гдѣ оканчивается артерія и начинаешся вена.

Изъ чувствованій, мыслей, дѣйствій. Всякое мгновеніе въ его жизни непременно наполнено какимъ нибудь изъ сихъ трехъ занятій, кромѣ коихъ ничего и придумать нельзя. Человѣкъ дышитъ посредствомъ ихъ, безъ нихъ не существуетъ; они также необходимы для его душевныхъ органовъ, какъ ноза, ноза для нѣсныхъ; глазъ видить, ухо слышитъ; уму должно знать, сердцу чувствовать, воля дѣйствовать.

Если это такъ, то отсюда мапемантически выводятся: кто больше живетъ, кто больше чувствуетъ, узнаетъ и дѣйствуетъ; и на оборотъ: кто меньше живетъ, кто меньше чувствуетъ, знаетъ, дѣйствуетъ.

Теперь вопросъ: долженъ ли жить человекъ? Разумѣется долженъ. Онъ есть, следовательно онъ не можетъ

не бышь. Следовательно долженъ бышь. Онъ родился, следовательно долженъ жишь.

Какъ же онъ долженъ жишь: больше или меньше?

Разумѣется, какъ можно больше, но есть, какъ можно больше чувствованъ, узнаванъ, дѣйствиованъ. Это понятіе заключаеся въ самомъ понятіи о жизни; если она должна бышь и вмѣстѣ можешь увеличиванъ-ся, но и должна бышь увеличиваема; ибо уменьшая жизнь, мы сами бы нарочно меривнишь се, приближанъ къ ничпожесиву, а это прошиворъ-чипъ сказанному выше.

Къ такому заключенію приводнишь насъ и аналогія — все въ природѣ спремнишь увеличиванъ свою жизнь: наши чувства изощряюися; самыя душевныя способноиши, по одному естесивенному порядку, безъ особли-

выхъ пособій и препятствій, возрастаютъ въ теченіе времени. Въ томъ же убѣждаетъ насъ и внутреннее чувство, которое, будучи свободно, не заглушено, побуждаетъ насъ къ дѣятельности.

И такъ — мы должны содѣйствовать природѣ и увеличивать свою жизнь, упражнять, и следовательно изощрять, то есть, совершенствовать свои способности, чувствовать, знать и дѣйствовать, создавая и условие и мѣру нашего бытія.

Но знанія бываютъ вѣрныя и ложныя, дѣйствія добрыя и злыя, чувства прекрасныя и дурныя. Которыя же изъ нихъ должны составлять жизнь нашу? Которыя изъ нихъ должны мы увеличивать?

Ошибкѣ заключающейся въ самомъ предложеніи: ложное знаніе очевидно есть по же, что незнаніе; а жизни

потребно знаніе, то есть, вѣрное. Злое въ дѣйствіяхъ и дурное въ чувствованіяхъ, есть то же, что ложь въ знаніяхъ.

И такъ истина есть идеалъ нашихъ знаній, изящное — идеалъ нашихъ чувствованій, добродѣтель — идеалъ нашихъ дѣйствій.

Къ истинѣ долженъ стремиться нашъ умъ.

Къ добродѣтели — воля.

Къ изящному — сердце.

Истина, добро и красота — три обители, въ которыхъ долженъ жить человекъ, три главныя цѣли въ его жизни, три звезды, которыя освѣщаютъ, согреваютъ, руководствуютъ его на долгомъ, терпеливомъ пути, пока не погрузится онъ въ гдѣра Всесодержателя.

Я повторю теперь главныя слова, мною произнесенныя, чтобы вы себя

ястѣе предшавили ихъ послѣдова-
тельность и связь : умъ , сердце и
воля ; знаніе , чувствованіе и дѣй-
ствіе ; истина , красота и добродѣ-
тель. Съ умомъ , сердцемъ и волею
человѣкъ выходитъ въ путь на свое
дѣланіе , на пути онъ думаетъ , чув-
ствуетъ , дѣйствуетъ , чинобъ до-
стигнувъ наконецъ истины , красо-
ты и добродѣтели.

Но не помогаетъ ли что нибудь
человѣку достигнуть сей высокой
цѣли ?

Я могу произнести шеперь еще три
соинтересивенныя слова , которыя
вы , надѣюсь , предугадываете : наука ,
искусство и общество.

Наука принимаетъ въ свою область
знанія , и сообщаетъ имъ дѣйстви-
тельность , прочность , плодотворность .

Искусство возводитъ чувствованіе

въ высочайшую степень и предспавляетъ его во вѣдшихъ формахъ.

Въ обществѣ искушается воля.

Наука, искусство и общество — при великія нособія, или лучше, при міра наслажденій для человека въ здѣшней жизни.

Первое мѣсто между ними занимаетъ наука. Искусство и общество входятъ въ число ея предметовъ, дополняются ею, въ ней получаютъ свое значеніе и дѣлаются собственностію человека. Знаніе присутствуетъ въ дѣйствіяхъ и чувствованіяхъ.

Обратимся теперь къ наукѣ, опредѣлимъ ясное понятіе объ ней и отношеніе ея къ жизни.

Предметъ науки составляетъ все, что есть и что происходитъ. Ученые собираютъ знанія, опредѣляютъ законы ея истинныхъ, приводятъ

въ строгій порядокъ и составляющъ изъ нихъ живое цѣлое, которое во всѣхъ почкахъ, такъ сказано, должно соинвѣнчивованъ своему подлиннику — природѣ, отражашъ ясно и полно, какъ въ зеркалѣ, должно бытъ написано подъ его глаголь. Успѣя предшавишь науку въ такомъ видѣ составляющъ жизнь наукъ. Чѣмъ ближе наука къ такому виду, тѣмъ она удовлетворительнѣе, совершеннѣе. Совершенная наука есть изображеніе природы въ умѣ, *переводъ природы на умъ*. Посредствомъ такой науки, когда умъ опразинъ въ себѣ весь міръ со всѣми его явленіями, вся видимая и невидимая природа взойдетъ на высшую степенъ своего бытія. Человѣкъ совокунишия крѣпкими, неразрывными узами съ міромъ, усвоитъ его себѣ въ широкоромъ смыслѣ, соснавишиъ съ нимъ

одно. Онъ какъ будно разкинешь свои органы повсюду и буденъ жить шогда въ міръ, какъ въ своемъ пѣлѣ, созерцаая великіе законы Божіи и упоная въ вѣчной Премудрости. Вонъ высокое назначеніе науки въ жизни! Вонъ высокое назначеніе чловѣка, со стороны знанія! —

И были люди, копорые приближались къ сему блаженному соснояню, копорые съ тори Хорива видѣли землю обѣщанную. Указывая на Пюппона, копорый чувствоваль, кажется, движеніе верхней звѣзды, не дославшей еще свѣта до насъ; на Гердера, копорый пережилъ всѣ времена и вѣки и испышалъ на себѣ счастье и несчастіе народовъ, перешедшихъ по землѣ; на Линнея, въ копоромъ царствѣ прозябаемыхъ какъ будно достигло до своего самопознанія; на Добровскаго, копорый въ языкѣ сла-

вликсомъ, со всѣми его тончайшими звукоизмѣненіями, слышалъ небесную гармонію.

Изъ сказаннаго, я надѣюсь, вы видите, что не всякое знаніе, хотя бы и истинное, должно входить въ составъ нашей жизни и науки: все, что оппосилено, наиримѣрь, до мѣстныхъ условныхъ, частныхъ оппосеній, что происходитъ почти случайно и осмаетея безъ слѣдствія, не заслуживаетъ нашего вниманія, и предоснаваляетъ нѣмъ язычникамъ, конюры, не понимая высшего человеческого назначенія, погрязаютъ въ пучинѣ живонныхъ суешъ.

Теперь, объяснивъ по возможности назначеніе наукъ вообще, обратимся къ ихъ раздѣленію.

Предметъ ихъ соснаваляетъ, сказамъ мы, весь міръ со всѣми его явленіями.

Умъ человѣческій можетъ присвоивать его себѣ только постепенно, по часпямъ, во времени, соразмѣрно съ своимъ собственнымъ развитіемъ, и вотъ причина, почему необходимо раздѣленіе наукъ. Это раздѣленіе и всѣ подраздѣленія не могутъ быть произвольными, а должны основываться на существенномъ различіи частей, соспавляющихъ природу.

Всѣ явленія въ мірѣ относятся къ природѣ и человѣку. Природа, человѣкъ, или умъ и другими словами: духовное и вещественное, идеальное и реальное, свободное и необходимое, субъективное и объективное, подлежащее и подлежащее, внутреннее и внѣшнее, глаголь и имя, душа и плѣю, я и не я — два предмета наукъ.

Природою занимается Естественная Исторія.

Человѣкомъ — человѣческая исторія, или просто Исторія. Обѣ въ обширномъ смыслѣ взятыя.

Естественная и человѣческая, Исторія, обнимающъ все науки и сославляющъ сами одно огромное цѣлое.

Сие цѣлое начинается Естественною Исторією, которая должна представитъ постепенное развитіе природы во всехъ ея произведеніяхъ и дѣйствіяхъ, и заключитъ рожденіемъ человѣка, повиворяющаго и дополняющаго собою всю природу, и названнаго коному въицемъ Божія творенія, малымъ міромъ, микрокосмомъ.

Отсюда начинается человѣческая Исторія, которая и проч.

Погодинъ.

Ж И В О Й

ВЪ ОБИТЕЛИ БЛАЖЕНСТВА ВЪЧНАГО.

(Мечта.)

Одинъ другихъ мнѣежидый своеправдѣй,
Видѣнія бѣгутъ со всѣхъ сторонъ:
Какъ будто бы своей опечизивъ давней,
Снихійному смѣшенно онданъ онъ.
Но иногда, мечтою возпламененный,
Онъ видитъ свѣтъ, другимъ неоскро-
венный.

Баратынскій.

Какъ я люблю тихія минуты со-
зерцанія, когда я одинъ, самъ съ
собою, перебираю въ памяти моей
минувшее, или испускающею мечтою
стараюсь проникнуть въ будущее.
Сколько знакомыхъ образовъ, припи-

ныхъ или прошивныхъ, оживляется тогда въ моихъ мысляхъ. Сколько картинъ, полныхъ или до половины задержанныхъ завѣсой времени либо безвѣстности, рисуется тогда въ моемъ воображеніи!

Недавно, сидя за письменнымъ столомъ споломъ, въ безмолвный часъ ночи, вмѣсто ондыха онъ работы предаюся я сей игрѣ воспоминаній и мечтаній съ нѣмъ же увлеченіемъ и съ тою же полною удовольствіемъ съ какими дѣши смотрять на фантасматическія предсавленія. Воспоминаніе за воспоминаніемъ, черныя за черными, радостное и суровое, ожиданія и надежды, слились наконецъ предъ мысленными моими взорами въ неясные, неопредѣленные образы; мушались въ моей памяти; улетали, являлись снова въ половинныхъ, мелькающихъ видахъ и

сіе сосноятіе между сномъ и бодр-
 ствованіемъ было переходомъ къ ви-
 дѣніямъ болѣе яснымъ, болѣе ощу-
 щительнымъ для ова души. — Я ви-
 дѣлъ себя въ снранѣ, копорой чу-
 деснаго свѣта не въ силахъ изобра-
 зить перо земное. То не былъ свѣтъ
 яснаго, прелестнаго дня въ лучшую
 пору года; но не было зарево вели-
 колѣпнаго освѣщенія; еще менѣе былъ
 но яркій, ослѣпительный блескъ
 алмазовъ и другихъ камней драго-
 цѣнныхъ: но тихое, незблемое, ве-
 вечерѣющее сіяніе, проникавшее все
 мое существо благошворною своею
 теплотою. Казалось, оиъ него все
 предметы занимовали необычно-
 венную свѣтлостъ и прозрачностъ;
 листья деревъ, зелень травъ и кра-
 ски цвѣтовъ теплалась и наполня-
 лась какою-то живительною, влаж-
 ною лучезарностію. Существа, со

мною однородныя, сквозили симъ дивнымъ свѣтомъ и являлись безгнѣбными, какъ бы созданныя изъ чистѣйшаго и почайнаго эфира. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я узнавалъ черныя знакомыя; но какая разность! какое шоржественное совершенство въ сравненіи съ живыми!... Штъ! князь Рафасля должна бы была изобразить ихъ на шкани воздушной, семью неплѣтными красками радуги! И онъ былъ шамъ, онъ, чьи снруны еще не замолкли на землѣ онъ сопрясенія небснаго, чья милая улыбка еще не изгладилась во взорахъ нашей памяти. И многихъ, многихъ встрѣтилъ я изъ шѣхъ, кого любилъ и оплакалъ. Всѣ взглянули на меня привѣтливо — и опвернулись взоры; онъ своимъ добрымъ, ласковымъ взоромъ указалъ мнѣ на землю, указалъ мнѣ на пламенникъ погре-

бальный, угасающій подъ свѣжими
цѣльями. Все, что сулитъ благо на
землѣ, отразилось въ его улыбкѣ,
числомъ зеркалъ души небесной. По
здѣсь кончилось наше свиданіе: онъ,
какъ бы въ нерѣшимости, какъ бы
сожалѣя, меня оставилъ.

Я вздохнулъ и опонелъ въ споро-
ну, какъ бы опчужденный. Сладост-
но мнѣ было видѣть сихъ жителей
спираны надзвѣздной, ихъ крошкую
улыбку, ихъ ясную, нерушимую ра-
доспъ, ихъ тихія, пріятныя оцущенія,
обнажавшіяся на благодушныхъ
лицахъ и въ свѣтлыхъ взорахъ; ихъ
восшорть и умиленіе, неподдѣльныя и
нескрываемыя: ибо здѣсь не мнцателъ
возбудилъ зависть или укрыться онъ
зависти; все надѣлены равнымъ бла-
женствомъ, и все радующея блажен-
ству другъ друга. Сладостно мнѣ бы-
ло видѣть числону ихъ взаимныхъ

душевныхъ изліяній, въ странѣ, гдѣ
 ивъшь уже доврїя лица къ лицу, по-
 нѣтъ тайны ни для кого. Здѣсь пол-
 ная, неизъянная откровенность, здѣсь
 помыслы ясны, наслажденїя общи, и
 улыбка—нерѣдко широкое орудіе зем-
 ныхъ—здѣсь чиста, какъ сами небеса.

Но мнѣ грустно, мнѣ тяжко бы-
 ло видѣть, что я былъ намъ чу-
 жой — даже родству и дружбѣ. Все
 смотрѣли на меня съ благоволенїемъ
 и доброжелательствомъ; но не по-
 казывали ни радости свиданїя послѣ
 долгой разлуки, ни того сближенїя,
 которое существовало между ними.
 Земной человекъ пренїлъ во мнѣ раз-
 мыслить, что родство и дружба
 суть отношенїя нашей юдоли; но
 намъ, въ семъ великомъ, общемъ
цѣломъ, все суть члены единого се-
 мейства, или лучше сказано: все
 соснавлиюшь *одно*, покидая на пре-

дѣлахъ нашего міра нѣяніе о *мо-
емъ* и *твоемъ*.

Съ какою радоснію я, пѣлесный, узнавалъ любимыхъ мною! съ какою радоснію видѣлъ, чію они *тамъ*; чію все они блаженствуютъ, все любящъ другъ друга и сливаются въ общей любви къ Единному Вѣчному! — И опять пробуждалось во мнѣ, чію на языкъ земномъ называемъ мы спраснями. » Для чего же я не причастенъ ихъ радости? « думалъ я: » для чего не хотятъ они удѣланы и мнѣ своего блаженства? Или зависенъ доснупна и живелаямъ здѣшнихъ селеній? Или не хотятъ они, чіюбы чужой могъ наслаждаться всею полноною пѣхъ благъ, кои суждены имъ въ удѣлъ? «

Тогда *онъ* снова явился мнѣ. *Онъ* не говорилъ мнѣ ни слова; но смотрѣлъ на меня съ участіемъ и бла-

годушемъ, и взоръ его пробуждалъ
 во мнѣ самопознаніе. »Такъ!« нащеп-
 тывалъ мнѣ внутренній голосъ души:
 »ны недостойнъ быти причастни-
 комъ ихъ блаженства. Земная моя
 оболочка опичуждаетъ тебя отъ не-
 бесныхъ. Только очищенный спрада-
 ніями и смертію можешь здѣсь впло-
 нитъ наслаждаться; но спасеніи, же-
 ланія и побужденія міра юдольнаго
 полагають непреборимую преграду
 между нобою и блаженствомъ вѣч-
 нымъ, неизмѣннымъ и неопъземлемымъ.
 Оно есть высшее наслажденіе *духов-
 ное*, которое недоступно и даже не-
 постижимо существу, связанному уза-
 ми плѣсными. . . . « И многое, многое
 говорилъ мнѣ внутренній голосъ, воз-
 никавшій во мнѣ отъ его обаятель-
 наго взора съ нѣмъ дивнымъ сочув-
 ствіемъ, каковое мы, земные, припи-
 сываемъ свойству живоннаго магне-

низма. Казалось, ошь одного луча его глазъ, ошь одной струи свѣсна, лившейся изъ нихъ въ мою душу, — раждалась во мнѣ новыя понятія, новыя ощущенія. Я какъ будто бы очищался его чистотою, но все еще не могъ вознесшсь духомъ за предѣлы, положенныя между *жизнью земною и жизнью небесною*

Сердце мое снѣсилось ошь сознанія моей бренной бѣдности и несовершенства. Я заплакалъ горькими слезами; тяжкій стоныъ вырвался изъ моей груди . . . Въ это время земной голосъ низвелъ меня изъ селеній горныхъ. Мечта моя пресѣклась — я пробудился!

О. Соловь.

Поэзия.

1

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

БАРОНА ДЕЛЬВИГА.

(Сія пять стихотвореній опысканы, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими донынѣ неизданными, въ бумагахъ незабвеннаго поэта. Читатели увидятъ въ нихъ новыя доказательства, сколь талантъ его былъ разнообразенъ. Изъ помѣщенныхъ здѣсь пяти пьесъ, элегія: къ *Морфею*, сочинена была еще до 1824 года; сонетъ къ Россійскому флоту, написанный въ Ревель 1827, до самой кончины поэта былъ тайною даже для друзей его. Двѣ *рускія пьесы* — изъ коихъ одна неокончена — хранились въ портфель сочинителя болѣе двухъ лѣтъ: онъ все еще хотѣлъ опублковать ихъ окон-

чашельно. *Отрывокъ* заключаешъ въ себѣ хоръ духовъ, изъ драмы, въ которой Баронъ Дельвицъ хотѣлъ дать полное развитіе свободной Фаннази. Планъ сей драмы былъ уже набросанъ, и вмѣстѣ съ онымъ уцѣлѣло нѣсколько хоровъ, но большей части недоконченныхъ.)

КЪ МОРФЕЮ.

Увы! ны измѣнилъ мнѣ,
 Нескромный другъ, Морфей!
 Одинъ ны былъ свидѣтель
 Моихъ сокрытыхъ чувствъ,
 И вздоховъ одинокихъ
 И тайныхъ сердца думъ.
 Зачѣмъ же, какъ предаешь,
 Въ видѣніи почномъ
 Святую тайну сердца
 Безмолвно ны открылъ?
 Зачѣмъ, меня явивши
 Красавицѣ въ мечтахъ,

Безмолвными ушами
 Принудить все сказанъ?
 О! будь же, богъ жестокой,
 Будь болѣе справедливъ:
 Ошкрой и мнѣ взаимно,
 Хотя въ одной мечнѣ,
 О тайныхъ чувствахъ сердца,
 Сокрытыхъ для меня.
 О! дай мнѣ образъ милый
 Хотя въ призракъ урѣшь;
 И мягкими ушами
 Прильнуть къ ея рукѣ
 Когда увижу розы
 На дѣвственномъ челѣ,
 Когда услышу шепель
 Сныдливой красоны,
 Довольно — и, счастливецъ,
 Я богу сей мечны
 И жершвы благовонны
 И пурпурные маки
 Съ Авророй принесу!

СОНЕТЪ.

Чшо вдали блеснуло и дымился?
 Чшо за громъ раздался по заливу?
 Подо мной конь вздрогнуть, подиляъ гриву,
 Звонко ржеть, грызеть узду, бодрится.

Снова блескъ . . . громъ, грянувъ, долго длился,
 Ошданный прибрежному ошзыву
 Зевъ ли шо, гремя, лешинъ на шиву
 И она, роскошная, плодится?

Пешъ, шо флотъ. Вонъ выплыли вѣтрилы,
 Пришекли громада за громадой:
 Нашъ Орелъ надъ Рускою армадой
 Разросшеръ блещущельныя крылы
 И гласить: «Съ кѣмъ испынанъ мѣ силы?
 Кшо дерзешъ, и сманешъ мѣ претрадой?»

Ревель,
 въ Июль 1827.

РУСКІЯ ПЬСНИ.

I.

И я выйду ль на крылечко,
На крылечко погуляю,
И я спану ль у коленка
О любезномъ горованьи;
Какъ у зного ль коленка
Онъ впоследствии спомлетъ
И печальное словечко
Мнѣ процаючись сказали:
За Турецкой за границей
Въ басурманской спорошъ,
По шебъ лишь по дѣвицъ
Слезы лишь досталось мнѣ

.....
.....

Какъ за рвченькой слободушка спонить,
Но слободкѣ шой дороженька бѣжитъ,
Шунь-дорожка широка, да не длинна,
Разбѣгаеися въ двѣ стороны она:
Какъ на лѣво — на кладбище къ мертвацамъ,
А на право къ Закавказскимъ молодцамъ.
Грустно было провожанъ мнѣ молодой
Двухъ родимыхъ и по шой, и по другой:
Обручальника по лѣвой проводя,
Съ плачемъ маперью-землей покрыва я;
А налѣпный другъ уѣхалъ по другой,
На прощанье мнѣ кивнувши головой,

О Т Р Ы В О К Ъ.

» На теплыхъ крыльяхъ лѣтней тѣмы
 Чрезъ запахъ розъ промчался мы
 И по лучамъ ночныхъ свѣтилъ
 Тебя спустили средь могилъ.
 Глади смѣлѣй: кладбище здесь,
 Плакучихъ нѣтъ печальный лѣсъ
 Надъ урной мраморной туманитъ;
 Вблизи ея сѣдой гранитъ
 Едва видѣнъ межъ цвѣтновъ;
 Кругомъ кресны и безъ кресновъ
 Лишь двѣ могилы »

Баронъ Дельвигъ.

ВАСПЛЮ АНДРЕЕВИЧУ ЖУКОВСКОМУ,
по случаю получения от него двух стихотворений
НА ВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

Была пора: пиномецъ Руской славы,
И я во следъ Державину певаль
Фелицы моцъ, погромъ и снопъ Варшавы —
Рекла и быснь: и Польши провъ упаль.

Пришла пора: увянуль, спалъ безгласенъ,
И лиру прахъ въ углу моемъ покрывль;
Но прочь свое! мой вечеръ шихъ и ясенъ:
Побѣды звукъ меня одушевилъ.

Взыграй же, духъ! Жуковский, дай мнѣ руку!
Пускай съ певцомъ воскликнетъ патриотъ:
Хвала и честь Екатерины Вилуку!
Съ Нимъ Рускій лавръ цвѣсень буденъ въ родъ и родъ.

И. Дмитриевъ.

ОТВѢТЪ
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ.

Изыть, не прошла, пѣвецъ нашъ вѣчноюный,
Твоя пора: ншвой гений бодръ и свѣжъ;
Ты пробудилъ давно молчавши струны,
И звуки насъ пленили пѣжъ.

Нынь! никогда ничиножный прахъ забвенья
Твоимъ струнамъ коснушься не дерзнешъ:
Невидимо, ихъ гений вдохновенья,
Всегда крылатый, стерженья.]

Державина струнамъ родила, пѣли
Онъ дѣла шѣхъ чудовыхъ проналыхъ льня,
Когда вездѣ мы бинивами гремѣли,
И бинивамъ шѣмъ дивится свѣнь.

Ты намъ вопль: »какъ буйные Тишаны,
 » Смутившіе Аспрен нашей дни,
 » Ея Орломъ изринуны, поцраны;
 » Въ прахъ! въ прахъ! рекла . . . и гдѣ они?«

И нынѣ то жь, пѣвецъ двухъ поколѣній,
 Подъ свѣдой ны прешьему поешь,
 И намъ, пивонхъ пинномцамъ вдохновеній,
 Въ часъ славы, руку подаешь.

Я помню дни: магически мечною
 Былъ для меня тогда разписахъ свѣтъ,
 Тогда, являсь, сорвалъ передо мною,
 Покровъ съ поэзи поэти.

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умлещемъ
 Твой голосъ я подслушивалъ тогда,
 И вопрошалъ судьбу мою съ волненьемъ;
 »Наслушишь ли и згѣ чреда?«

О! въ эти дни, какъ райское видѣніе,
 Былъ съ нами онъ, теперь ужь не земной,
 Онъ, для меня живое Провидѣніе,
 Онъ, съ юности шоварищъ пивой!

О! какъ при немъ все сердце разгоралось:
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой души его, казалось,
Небесный ангелъ обиталъ!

Лежитъ ввѣкъ на мраморъ могилы;
Ей молился Россіи вѣрный сынъ;
И будишь въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

А ны цѣпиши, пѣвецъ, языкъ вдохновенный,
Младый душой подъ сѣгомъ старыхъ дней;
И долго будь намъ въ старости учителемъ,
Какъ быть во младости своей.

В. Жуковскій.

ПАСТУШІЙ РОГЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Здѣсь, въ столицѣ пышной скуки,
Слышу, утраченной порой,
Идиллическіе звуки,
Говорящіе со мной —
Будто старые мы други,
Въ дѣтствѣ слившіе сердца;
Будто юные супруги
Послѣ брачнаго вѣнца!

Милый оазисъ деревенскій,
Звукъ сердечной проснопны!
Ты природы голосъ женскій,
Эхо первой чистоты:
Вѣшникъ счастья и мира,
Ты любви волшебный кликъ;
Ты несозданнаго міра
Существовающій языкъ!

Рогъ наступий! для позна,
Нежныхъ полнога спрашей,
Ты дороже блеска свѣна
И Псиропольскихъ заней!
И онъ радуется дѣнски,
Что онъ проситъ еще душой,
Что досель обычай свѣтскій
Не стубилъ любви прямой.

Да вовѣкъ онъ не погубитъ
Нежной дѣтскости моей!
Умъ мечтаетъ, сердце любитъ,
Средь безчувственныхъ людей;
Духа пиворческаго воля
Здѣсь въ столицѣ, средь забонь,
Свинь ронциць, воздухъ поля
И паснушекъ создасть.

Такъ мечной свободно-думной
Днѣшъ созданіямъ своимъ
Я живу въ шревогъ шумной,
Молчаливый неподимъ.

Весь мой чудный міръ со мною;
 Жизнью собственною дыша,
 Первобытнѣйшею
 Свѣло дѣвственнѣй душа.

Рогъ пасушій, рогъ пасушій!
 Молви: внемлющъ ли шебѣ
 Эти суешныя души —
 Недругъ каждая себѣ?
 Нѣтъ! разнѣнныя развращомъ,
 Дѣши нѣги и нищеты,
 Спашъ еще, въ быну богашомъ,
 Сномъ сердечной цуешомы!

Нѣкій найный гласъ, бышь моженъ,
 Укоризной прозвуча,
 Совѣсь спящую встревожинъ
 Въ бѣдномъ сердцѣ богача —
 И природы кликъ утѣшный
 Иногда раздашенъ шамъ,
 Какъ въ сполницѣ многогрѣшной
 Рогъ пасушій по ушрамъ.

Баронъ Розенъ.

МОЦАРТЪ И САЛБЕРИ.

С Ц Е Н А I.

(Комната.)

САЛБЕРИ.

Всѣ говорятъ; пѣть правды на землѣ.
Но правды пѣть — и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ просила татя.
Родился я съ любовью къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался — слезы
Невольныя и сладкія текли.
Онвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постыльны мнѣ; упрямо и надменно

Опъ нхъ опрекея я и предаля
 Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ
 И скученъ первый пунъ. Преодолѣть
 Я рашя невгоды. Ремесло
 Поставляя я подножіемъ искусству;
 Я сдѣлался ремесленникъ: перешагъ
 Придалъ послушную, сухую бѣглость
 И вѣрность уху. Звуки умерививъ,
 Музыку я разьяля, какъ ирунъ. Поверилъ
 Я алгеброй гармонію. Тогда
 Уже дерзнулъ, въ наукѣ искусенный,
 Преданъя нѣгъ творческой мечны.
 Я смѣлъ иворить; но въ ишнннѣ, но въ тайнѣ,
 Не смѣлъ помышлять еще о славъ.
 Нертко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
 Два, при днѣ, позабывъ и сонъ и пишу,
 Вкусивъ восноргъ и слезы вдохновенья,
 Я жегъ мой ирудъ и холодно смонрѣть,
 Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
 Шылая, съ легкимъ дымомъ изчезали.
 Чшо говорю? Когда великій Глюкъ
 Явился и опкрылъ намъ новы тайны
 (Глубокія, шѣннщельныя тайны),

Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
 Что такъ любить, чему такъ жарко вѣрилъ,
 И не пошелъ ли бодро вѣдѣ за нимъ
 Безропно, какъ ночь, кто заблуждался
 И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
 Услышимъ, напряженнымъ исполненномъ
 Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
 Доснигнулъ степеней высокой. Слава
 Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
 Нанелъ созвучія своимъ созданьямъ.
 Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
 Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
 Трудомъ и успѣхами друзей,
 Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
 Ишь! никогда я зависелъ не зналъ,
 О, никогда! — ниже, когда Пиччини
 Итальянъ умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
 Ниже когда слышала въ первый разъ
 Я Пфигеніи начальные звуки.
 Кто скажетъ, что Сальери гордый былъ
 Когда ибудь зависшимъ презреннымъ,
 Змѣей, людьми разномыслиною, въ живѣ
 Песокъ и пыль грызущего безсильно?

Никно! . . . А нѣтъ — самъ скажу — я нѣтъ
 Зависниль. Я завидую; глубоко
 Мучительно завидую. — О небо!
 Гдѣ жь правона, когда священнѣй даръ,
 Когда безмернѣй гений — не въ награду
 Любви горлицей, самоопроверженья,
 Трудовъ, усердїя, моленїй послать —
 А озаренїя голову безумца,
 Гуляки празднаго? . . . О Моцариль, Моцариль!
 (*Входитъ Моцартъ.*)

МОЦАРТЬ.

Ага! увидѣть ты! а мнѣ хонѣлось
 Тебя нежданой мушкой угоспнннѣ.

САЛЬЕРИ.

Ты здѣсь! — Давно ль?

МОЦАРТЬ.

Сей часъ. Я шель къ тебѣ,
 Пель кое-что тебѣ я показаннѣ;
 Но прохода передъ шракиннромъ, вдругъ
 Услышалъ скрынку . . . Нннѣ, мой другъ, Сальери!
 Смнннѣ о ннѣ роду ты нннннѣ

Не слыхивая... Стальной скрипка въ шракирь
Разыгрывать voi che sarete. Чудо!
Не вышерить, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить небд его искусствомъ.
Войди!

(Входятъ стальной старикъ со скрипкой.)

Иль Моцарта намъ чино нибудь.

*(Старикъ играетъ арию изъ Донъ-
Жуана; Моцартъ хохочетъ.)*

САЛБЕРИ.

И ты смеяться можешь?

МОЦАРТЪ.

Ахъ, Сальери!

Ужель и самъ ты не смеешься?

САЛБЕРИ.

Нѣтъ.

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный

Мнѣ начкаетъ Мадону Рафаеля,

Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный

Пародіей безчеститъ Алигьери.

Пошелъ, старикъ.

МОЦАРТЪ.

Поспой же: вопль тебѣ,

Шей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ.)

Ты, Сальери,

Не въ духъ нынче. Я ирду къ тебѣ

Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Что ты мнѣ принесъ?

МОЦАРТЪ.

Нѣтъ — такъ; бездѣлицу. Намедни ночью

Безсонница моя меня помнила

И въ голову пришли мнѣ двѣ, при мысли.

Сегодня ихъ я набросалъ. Хонгелосъ

Твое мнѣ слышанъ мнѣнъ; но теперь

Тебѣ не до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!

Когда же мнѣ не до тебя? Садись;

Я слушаю.

МОЦАРТЬ (за форте-пиано.)

Представь себя кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;
 Влюбленного — не слишкомъ, а слегка —
 Съ красочкой, или съ другомъ — хоть съ шобой —
 Я весель Вдругъ: виденье гробовое,
 Незаный мракъ или чино шобудь шакое
 Ну, слушай же.

(Играетъ.)

САЛЪЕРИ.

Ты съ этимъ шель ко мнѣ
 И мѣгъ осшановишьсѣ у шракишира
 И слушаниъ скрышача слѣнаго! — Боже!
 Ты, Моцарниъ, недоснониъ самъ себя.

МОЦАРТЬ.

Чино жъ, хорошо?

САЛЪЕРИ.

Какая глубина!
 Какая шивлосиъ и какая широйносиъ!
 Ты, Моцарниъ, Богъ, и самъ шного не знаеши;
 Я знаю, я.

МОЦАРТЪ.

Ва! право? можеть быць

Но божество мое проголодалось.

САЛБЕРН.

Послунай: онобъдаемъ мы вмѣстѣ

Въ пракширѣ Золотого Льва,

МОЦАРТЪ.

Пожалуй;

Я радъ. Но дай, схожу домой, сказанъ

Женѣ, чинобы меня она къ обѣду

Не дождалась,

(*Уходитъ.*)

САЛБЕРН.

Жду себя; смонри жь.

Нынѣ! не могу проинвинишья я долгѣ

Судьбѣ моей: я избрашь, чинобъ его

Остановишь — не шо, мы все погибли,

Мы все, жрецы, служилели музыки,

Не я одинъ съ моею глухою славой

Чшо пользы, если Моцаритъ будеть живъ
 И новой вышины еще достигнетъ?
 Подыметъ ли онъ нѣмъ искусство? Ивить;
 Оно надежь оная, какъ онъ измечетъ:
 Настѣдника намъ не оставитъ онъ.
 Чшо пользы въ немъ? Какъ нѣкій Херувимъ,
 Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣснь райскихъ,
 Чшобъ возмунитъ безкрылое желанье
 Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
 Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, нѣмъ лучше.

Вотъ лѣхъ, послѣднй даръ моей Изоры.
 Осьмнадцать лѣтъ поцу его съ собою —
 И часно жизнь казалась мнѣ съ нѣхъ поръ
 Несносной раной, и сидѣть я часно
 Съ врагомъ безмечнымъ за одной шрапезой
 И никогда на менонъ некушеня
 Не преклонился я, хонь я не шрусъ,
 Хоня обиду чувствую глубоко,
 Хонь мало жизнь люблю, Все медитъ я.
 Какъ жажда смерни мучила меня,
 Чшо умирашь? я мншь: бышь можетъ жизнь

Мнѣ принесенъ незаные дары
Бышь можешь, постыиить меня восшорть.
И творческая ночь и вдохновенье;
Бышь можешь, новый Гайденъ сотворишь
Великое — и наслажуеть нѣ
Какъ пировать я съ господемъ независнымъ,
Бышь можешь, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду, бышь можешь, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грѣшилъ вышины —
Тогда не пропадешь нѣ, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайденъ
Меня восшоргомъ дивно упонть!
Теперь — пора! Завѣшнѣй даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

С Ц Е Н А II.

(Особая комната въ трактиръ; форте-пиано.)

МОЦАРТЪ И САЛБЕРИ *(за столомъ.)*

САЛБЕРИ.

Что ны сегодня пасмуренъ?

МОЦАРТЪ.

Я? Нѣтъ!

САЛБЕРИ.

Ты вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроенъ?
Обѣдъ хорошій, славное вино,
А ны молчишь и хмуришься.

МОЦАРТЪ.

Признайся,
Мой Requiem меня превожнишь.

САЛБЕРИ.

А!

Ты сочилаешь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЪ.

Давно, недѣли три. Но спрашивай случай . . .
 Не сказывала тебѣ я?

САЛБЕРН.

Нѣтъ.

МОЦАРТЪ,

Такъ слушай.

Недѣли три тому, пришелъ я поздно
 Домой. Сказали мнѣ, что заходила
 За мною кто-то. Онъ чего — не знаю,
 Всю ночь я думаю: кто бы это былъ?
 И кто ему во мнѣ? На завтра ночь же
 Зашелъ и не заснулъ опять меня.
 На преній день играть я на полу
 Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
 И вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
 Учтиво поклонившись, заказать
 Мнѣ Requiem и скрылся. Съ тѣхъ я и пошчасъ
 И спать не спавъ — и съ той поры за мною
 Не приходилъ мой черный человѣкъ;
 А я и радъ: мнѣ было бы жаль разскашья
 Съ моею работою, хоть совсѣмъ готовъ
 Ужь Requiem. Но между нѣмъ я

САЛБЕРИ.

Что?

МОЦАРТЪ.

Мне совершенно признайся въ этомъ

САЛБЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЪ.

Мне день и ночь покоя не даешь
Мой черный человекъ. За мною всюду
Какъ вѣшь онъ топчется. Вонь и шеверь
Мне кажется, онъ съ нами самъ-прелемъ
Сидитъ.

САЛБЕРИ.

И, полно! что за страхъ ребячій?

Развѣй пусную думу. Бомарше
Говаривалъ мнѣ: «Слушай, брань Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придунъ,
Онкупори шампанскаго пузырьку
Иль перечни жеманьбу Фигаро.»

МОЦАРТЪ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тарара сочинилъ,

Вещь славную. Тамъ есть одинъ моньявъ
Я все ивержу его, когда я счастливъ
Да ла ла ла Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-нио оправилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣлою
Для ремесла шакого.

МОЦАРТЪ,

Онъ же гений,
Какъ ты, да я. А гений и злодѣйство,
Два вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?

(Бросаетъ лѣ въ стаканъ Моцарта.)

Ну, пей же!

МОЦАРТЪ.

За швос

Здоровье, другъ, за некрещій союзъ,
Связующій Моцарна и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ.)

САЛБЕРН.

Посной,

Посной, посной! ... Ты выпилъ! ... безъ меца?

МОЦАРТЬ (*бросаетъ салфетку на столъ.*)

Довольно, сынъ я.

(*Идетъ къ форте-пиано.*)

Слушай же, Сальери,

Мой Requiem. (*Играетъ.*)

Ты плачешь?

САЛБЕРН.

Эти слезы

Впервые лью: и больно и прилично,

Какъ будно няжкій совершилъ я долгъ,

Какъ будно ножъ целебный мнѣ онсѣкъ

Сирадавній члсѣ! Другъ Моцартъ, эти слезы ...

Не замѣчай ихъ. Продолжай, сыни

Еще наполнишь звуками мнѣ душу ...

МОЦАРТЬ.

Когда бы все такъ чувствовали силу

Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бы не могъ

И мръ существовать; никно бы не спалъ

Заболнннсья о нуждахъ низкой жизни;

Всѣ предались бы вольному некусыяву.
Насъ мало избранныхъ, счастливицевъ праздныхъ,
Ценебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единого прекраснаго жрецовъ.
Не правда ль? Но я нынче нездоровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
Прощай же.

С А Л Ь Е Р И.

До свиданья.

(Одинъ.)

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ! Но ужель онъ правъ
И я не гений? Гений и злодѣйство,
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда:
А Бонапартъ? или это сказка
Тупой, безсмысленной молвы — и не была
Убийцею создатель Вашикана?

А. Пушкинъ.

26 Октября
1830.

УВЯДАЮЩАЯ РОЗА.

Мой друг! взгляди,
Какъ роза младая
Грусишишь, увядая
На нежной груди . . .
— Танцевенной силой,
Цветинокъ! оживи,
И снова живи
Для радости милой,
Для сладкой любви! —
Но роза не внемлетъ
На звуки мои
Главы не подымлетъ,
И съ неугою дремлетъ
На лонѣ любви.

»О юноша!« мигнешь,
Сквозь легкого сна
Мнѣ вѣсть она:
»Пусть рокъ мой свершится!
Но я не грущу:
Я душою страшной
У лона прекрасной
Могилы нищу!«

М. Деларю.

Т Ъ М А.

(Подражаніе Байрону.)

Неспасимый, грозный сонъ!
Души пророческой видѣнья
Казалось — свѣтлый небосклонъ
Облекся въ ризу погребенья;
Но небу черный шаръ блуждать:
То было солнце безъ сіянья;
Померкшій мѣсяцъ пренецалъ,
И бурь подземныхъ завыванья
Бѣду пророчили землѣ;
Съ печальною смертнн на челѣ
Земля надъ бездною шевела,
И какъ меривецъ охолодѣла! . . .
Одно лишь время, какъ всегда —
Мгновенье каждое считало,
И роковаго выжидало
Земля, огонь, зѣврь, вода

Срываши пгесныя границы;
 Несвоешь нмъ нонь хладный мръ,
 Кошорый мрачень, бѣдень, сирь,
 Напрасно ждаль лучей денницы! . . .
 Смирнись люди! Въ сей-но мигъ
 Священный ужась ихъ проиць;
 Вражда погасла нмъ педаромъ! . . .
 Чвань солнца! . . . скрываеть небеса! . . .
 Въ замѣнь его, зажгли лѣса —
 И озарился мръ пожаромъ!
 Увидя яркій снольгъ огня,
 Со всѣхъ еноромъ жильцы еискались,
 Корысень и злобу опажена,
 Въ слезахъ какъ бранья обшмались! . . .
 Но снольгъ огня блѣднѣль, мерцалъ,
 И съ прескомъ цаяль лѣсь дремучій,
 И пенель хладный и сынучій
 Обширнымъ саваномъ лежалъ
 Лишь кой-гдѣ искры пренешали,
 И лица робкія людей
 Во шмь печально озарили
 Последней жизнио лучей

И къ блѣднымъ искрамъ все превратился,
 За нихъ, какъ за себя спрашивался . . .
 Въ искры въ цепь гробовомъ
 Чуть шевелелъ, спорили со ньюмою
 И безнадежною земною!
 Во мракъ рыскали кругомъ
 Звѣрей испуганныхъ ешанцы,
 Вышали безъ приюта нишцы,
 Звериный вой, шипенье змѣй,
 И шипчій зыкъ, и вопль людей
 Подъ мрачнымъ небомъ раздавались:
 Но мрачнымъ небомъ опвергались!
 Надежды не было нидѣ! . . .
 Земная рушени жилища,
 Исохли воды, стнгла пища,
 И голодь вынудить къ враждѣ!
 И снова люди раздѣлились!
 На друга другъ, на брата братъ,
 Какъ звѣри дикіе ленивъ —
 Уши ихъ кровью обгарилъ;
 Но месить ихъ сердца не влекла —
 Какъ пламя — жажда ихъ сожгла,

И кровь имъ воду замѣнила!
 И споненъ бѣдный мѣръ во мглы:
 Не ондаопнъ добычь земля,
 Кно живъ — нонъ мершвецу могила!
 Въ нхъ голодь Вѣру испребилъ!
 Разрыли жадными руками
 Священно грозную могилъ,
 И спорить съ наглými звѣрями
 О бѣдномъ оставъ костей,
 Добычь штеня и червей! . . .

Но вонъ молчанье гробовое
 Царить надъ робкою землей
 Уже изъ всехъ живыхъ людей
 Остался въ мѣръ только двое!
 И что жъ? нигдѣ добычи нѣтъ!
 Нику въ пушннѣ не живенъ
 И мѣръ безмолвенуенъ, какъ мершвой,
 Вошь два послѣднѣ жильца
 Сошлесь — и кно-то буденъ жерлвой?
 Кно буденъ гробомъ мершвца?
 И кно, оставшнсь спрною

Подъ тяжкимъ грузомъ общихъ бѣдъ,
 Съ носки и голода утратить? . . .
 Сонлисъ! . . . но громовымъ ударомъ
 Раздвѣсны, упали въ прахъ!
 Земля охвачена пожаромъ,
 Пожаръ и въ небѣ и въ моряхъ!
 Раздался плескъ и хохотъ ада!
 Князь шумы въ волнахъ огня предснать
 И шоржеснвуя озирать,
 Какъ вихремъ днгалась громада . . .
 Но огнь понухъ . . . Вселенной пень . . .
 Земныхъ снхнхъ замолкан бншвы . . .
 Но Кно-но вѣчносною живентъ!
 Тамъ — неприснупный, мирный свентъ,
 И благодарныя молншвы!

Трилуный.

П Р А Н Ъ.

(Изъ Гифиза.)

Анкуй, Пранъ! швоа краса,
 Какъ онблескъ радуги огненный!
 Земля цвѣтень — и небеса,
 Какъ взоры Гурій, вѣчно-чисты!

Такъ возлюбилъ шебя Аллахъ,
 Пранъ, жемчужина Воспока,
 И око міра, Падишахъ,
 Сей левъ Ислама, мечъ пророка!

Твой воздухъ амброй разворонь,
 Шъ дъшень лавръ и мирнь съ алоемъ!
 Здѣсь въ розу соловей влюбленъ;
 Тафизъ любви поминся зноемъ.

Л. Якубовичъ.

АПОЛОГИЧЕСКІЯ ЭПИГРАММЫ.

1.

ЦАРСКО-СЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронишь, обь унешь ее дѣва разбила.
Дѣва печально сидишь, праздный держа черенокъ.
Чудо! не сжжениъ вода, называлъ изъ урны разбиной,
Дѣва надъ вѣчной спруей, вѣчно печальна сидишь.

2.

О Т Р О К Ъ.

Исходъ рыбака разсказалъ по берегу студеного моря;
Мальчикъ оицу помогать. Ошрокъ, оставь рыбака!
Мрежи нвля шебя ожидатишь, нвля заботы:
Будеши умгу ловляши, будеши помощникъ Царямъ.

3.

Р И Ф М А.

Эхо, безсонная Нимфа, екнулась по берегу Пенел.
Фебъ, увидѣвъ ее, спраснио къ ней возымалъ.

Нимфа плодъ понесла воснорговъ влюбленнаго бога;
Межь говорливыхъ Падъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее приняла сама Мисмозина.

Ръзвая дева росла въ хорѣ богинь Донидъ,
Манери чункой подобна, послушная памяти свирогой,
Музамъ зила; на земль рифмой зовеня она.

4.

Т Р У Д Ъ.

Мигъ вожделѣнный насналь: оконченъ мой трудъ
многолѣтній.

Что жъ исполняла трусить тайно превожникъ
меня?

Пли свой подвигъ свершивъ, я сною, какъ подень-
щикъ неуажный,

Плану прѣлвнѣй свою, нуждѣй работѣ другой;

Пли жаль мѣгъ труда, молчаливаго спущника ночи,
Друга Авроры злашой, друга Пенановъ свѣшыхъ?

А. Пушкинъ.

ЗАМУЖНЕЙ ЕЛЕНЬ.

Онедавнись сладостному плещу,
Краса твоя живей блестящиз;
Увидя новыхъ дней Елену,
Амуръ завидуешь Гимену
И палъчикомъ ему грозить!

М. Деларю.

ПРОКЛЯТИЕ.

Когда двух лиц святой людекой союзъ
 Разморщился при мнѣ грозой проклянья —
 Я шренецу, я плачу и молюсь,
 Проклятаго принявъ въ свои объятья!

Онъ, мишился мнѣ, везанно опрѣшень,
 Онъ весьхъ сердце, онъ вѣсна въ жизни милой —
 И заживо онъ мерилъ и погребель,
 И обдало его — неподней силой!

Но, мишился мнѣ, у сердца моего
 Онъ подъ щинномъ святаго состраданья;
 И говорю: »Не бойся ничего —
 Не слушасяиъ Всевышній проклянанья!

Мой другъ, молись, когда виновень ны:
 Въ небеса вмѣщаюиъся въ молись —
 И Духъ Святой съ лазурной вышины
 Онъ грѣшника ошвещень согрѣшенья!»

И говорю другому: Не играй
Орудьем Господнимъ, какъ безумный!
Кто грешень самъ, другихъ не проклинай —
Тинь дьяволамъ угодишь твѣмъ нвой шумный!

Не проклинай! доколы въ гробъ имъ слезы,
И прокляидй и проклинашель шумить
Прокляице — какъ древнй Тирфингъ-мечь —
Убишель твѣхъ, кому орудьемъ служить.

Не проклинай! прокляице мощнй адъ,
Мяшежъ бѣсовъ! власнишельскую силу
Дасиъ бѣсамъ и превращасиъ въ адъ
Юдольный рай и мирую могилу.

Благослови жь проклянаго сей часъ,
И брански съ нимъ сливай уха и руки —
И ангеломъ ошмолясиъ онъ васъ
Прокляиця шаншешвенныя муки!

Не лучше ль намъ любить, благословляиъ?
Такъ не забудь въ запальчивосни шумной:
Единый Богъ лишь можетъ проклинаиъ,
А межъ людей — единый лишь безумный!

Баронъ Розень.

ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Среди степей спомнитъ забытый храмъ,
Въ его снѣгахъ зефиръ пустынный рветъ;
Но встанетъ плоть по вѣковымъ снолбамъ
И жизнью весенней зеленѣетъ.
Такъ племена оживившия людей
Съ полною вѣковъ ошходитъ въ мѣръ забвенья
И новыя, съ прекрасною зарей,
Надъ гробомъ ихъ мужаюотъ покоянья.

Три.лунный.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мнѣ гулянь на свѣсь,
 То въ коляскѣ, но верхомъ,
 То въ кибиткѣ, но въ каретѣ,
 То въ шлепѣ, но въ шкомѣ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
 Не средь опическихъ могилъ,
 На большой мнѣ знань дорогъ
 Умеренъ Господь судить.

На камняхъ подъ кониномъ,
 На горѣ подъ колесомъ,
 Или во рву, водой размыномъ,
 Подъ разобраннымъ мостомъ.

Или чума меня подцепишь,
 Или морозъ окоспенишь,
 Или мнѣ въ лобъ илабаумъ влѣпишь
 Непроторный инваидъ.

Иль въ лѣсу подь ножь злодю
Попадуся въ сноронь,
Иль со скуки околою
Гдѣ нибудь еь карантинь,

Долго ль мнѣ въ носкѣ голодной
Поснѣ невольный соблюдашь
И шелявиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дѣло, бышь на мѣснѣ,
Но Мясницкой разьвязать,
Обь ошснавкѣ, обь невѣнѣ,
О деревнѣ помышлять!

То ли дѣло, рюмка рома,
Ночью сонь, поушру чай;
То ли дѣло, бранцы, дома!
Ну, пошелъ же, погодай!

УБѢГАЮЩЕЙ КРАСАВИЦѢ.

О! не бѣги такъ скоро отъ меня!
Смотри, бѣжннъ все вихремъ подъ луною:
Бѣгунъ часы и день бѣжннъ отъ дня,
Бѣгунъ лѣна и юность съ красотою.
Жизнь наша — мигъ: снѣши его ловннъ;
Цвѣтунця въ ланпнахъ розы влуннъ
Лѣна уйдуннъ Кто знаснн? можеснъ быннъ
И отъ небя всѣ также бѣгашъ снамуннъ!

Э Х О.

Реветь ли зверь въ лесу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ, —
На всякой звукъ
Свой откликъ въ воздухъ пустишь
Роднень ты вдругъ.

Ты вступишь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ
И крику сельскихъ паспуховъ.
И плещь ошывишь;
Тебѣ певецъ ошыва Таковъ.
И ты, поэтъ!

А. Пушкинъ.

П С А Л О М Ъ.

Безверья тьмою омраченный,
 Надъ адскою бездною я стоюль:
 Мой духъ, спраснями уномленный,
 Какъ пунникъ въ море занесенный,
 Въ волнахъ сомнѣній уноналъ;
 И Божій міръ грустнѣе ещени
 Казался таснуцимъ очамъ,
 И нилжко дни мои, какъ цѣли,
 Влачилися по воимъ ниянамъ

Я тибнуль тибнуль безъ возврата!
 Но Онь, Ошець Предвѣчный мой,
 Иишому буйнаго разврата
 Проснерь лучъ милосенни святой;
 Взыскаль меня — и я со спрахомъ
 Преденалъ предъ алтаремъ Его:
 Главу мою посылалъ прахомъ
 И осужденя своего
 Ждалъ сокрушенноу душоу

И Богъ смиреніе узрѣлъ —
 И вѣры пламенной спурсюю
 Оледенѣлый умъ согрѣлъ;
 Надеждой чиненой и свѣсною
 Сирадалыца перен оживилъ,
 И сердце, облитое кровью,
 Омылъ неслѣпнною любовью
 И къ новой жизни воскресилъ;
 Очамъ дать слезы умиленья
 И лиру смолкнушую мою
 Проникъ глаголомъ вдохновенъ,
 Да жизни полныя моленья
 Ему во славу возною
 И я пою и съ спурювъ смященныхъ
 Возходилъ звуки къ небесамъ,
 И Ангелы съ небесъ склоненныхъ
 Внимаюшъ пламеннымъ мольбамъ

М. Деларю.

 М У З Ы К А .

Когда къ органу прикоснешя
 Аршиена вѣрная рука
 И звуковъ цѣлый мѣръ сольнешя,
 Какъ психоспруйная рѣка —
 Въ моей груди оплывъ волнешя:
 И радость, другъ по шарниъ,
 И гений свѣтлый, вдохновенье,
 Доступны сумрачному мѣю.

И вишико мѣю: съ пусьныи зора,
 Съ надзвѣзднои, горней вышныи,
 Низходящи въ душу ангель мира,
 Посоль небесной стороны.
 Играй, аршиень! Земляи руки
 Облобызаны позитъ гошовъ:
 Оне съ небесъ изводлятъ звуки —
 Языкъ души, языкъ боговъ!

А. Якубовицъ.

ЯЗЫКЪ ОЧЕЙ

Какъ много думъ невнятныхъ выражаешь
Однимъ уныло-долгимъ взоръ;
И сей беззвучный разговоръ
Одно лишь сердце понимаетъ.

Языкъ очей — языкъ красноречивый.
Внимай ему въ часъ вдохновенный иноть,
Когда поэтъ, мечтой своей счастливый,
Не говоритъ и не поётъ.

И. Тенлова.

СЕСТРѢ ВЪ АЛЬБОМѢ.

Намъ радости небесный гений
Является лишь въ рѣдкій часъ:
И люди милые для насъ —
Какъ Оссиановскія горы.

Но, добрый пусть небъ! Иди
До рубежа земныхъ желаній
Съ толпой веселой мечтаний,
И все прекрасное найди.

С — ла Т — ва.

П Ъ С Н Я.

Онъ былъ поэтъ: безопасными глазами
Глядѣлъ на міръ и міру былъ чужой;
Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями;
Онъ красому богопворилъ душой;
Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
Харити, вино, и дружбу, и покой.

Блаженъ, кто зналъ разумное веселье!
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто съ Музами дѣлалъ свое бездѣлье;
Кому любви прохладныя усна
Свѣвали съ вѣждь недолгое похмелье,
И съ нимъ его довольная мечна!

II въ честь ему, на будущія лѣта,
 Не худо бы сей учредить обрядъ:
 II Корою звездъ и мѣлчнаго свѣта
 Мы сходимся въ благоуханный садъ
 II намъ поемъ любимый гимнъ поэма
 II до утра фѣялы прозвенять!

Пустъ виднѣть мѣрь, какъ ванихъ поминантъ,
 Какъ иногда свирѣли звукъ просной
 Да скромный хмель и мирнѣ переживаюттъ
 Побѣдный громъ и памятникъ зланою,
 II многіе, ужъ за-одно, познають,
 Чшо называнъ мѣрскою суетою.

II. Языковъ.

ДЕЛИБАНЬ.

Перескочька за холмами;
 Смотришь лагерь ихъ и нашу;
 На холмъ врьдъ Казаками
 Вьнешя красный Делибань.

Делибань! не суйся къ лавь,
 Пожалый свое жинье;
 Вмигъ амниъ лихой забавь:
 Понадешься на конье.

Эй, Казакъ! не рвися къ бою:
 Делибань на всемъ скаку
 Среженъ саблею кривою
 Съ плечъ удалую банку.

Мчание, сшибленъ въ общемъ крикъ
 Посмотрине! каковы?
 Делибань уже на никъ,
 А Казакъ безъ головы.

А. Пушкинъ,

М О Л Ь Б А.

Въ цвѣтущей юности, жрецъ Феба и Кириды,
Я счастливъ. Объ одномъ молю васъ, Донцы:
Храни убогую, знакомую вамъ сѣнь,
Онгь волгъ забвенія мою спасице гѣнь;
Чтобъ слушал мой стихъ веселый иль унылой,
Старикъ поспивать о жизни легкокрылой;
Чтобъ въ дѣвахъ онъ родитъ желанія и грусть;
Чтобъ сонъ его твердили наизусть;
Чтобъ стихъ мой оставалъ живыл впечатлѣнъ
И грусти и любви, ума и вдохновенъ.

Л. Якубовичъ.

ТУРЕЦКАЯ ПѢСНЯ.

Дона дальняго припометь,
Злобный, милый незнакомец!
Ахъ, зачѣмъ явился ты,
Въ блескъ гордой красавицы?

Ахъ, зачѣмъ огненнымъ взоромъ,
Нежнымъ, пылкимъ разговоромъ
Ты смущилъ мой юный умъ
И покой безспрашныхъ думъ?

Сонъ мой шире бывалъ досель
На девической постели,
И въ кругу младыхъ подругъ
Свѣтелъ, ясенъ былъ мой духъ.

И въ тревогѣ неизвѣстной
Мнѣ не сплелъ: градъ чудесной,
Царь — любовь своихъ гражданъ,
Войско — гибель Мусульманъ,

Дона дальняго пинпомецъ
Злобный, милый незнакомецъ!
Ахъ, зачѣмъ явился ны
Въ блескѣ гордой красоны?

В. Щастный,

М И Р Р А,
ПОЭМА ОВИДИЯ НАЗОНА.

Quae (Myrrha) quamquam amisit veteres cum
corpore sensus,
Flet tamen, et tepidae manant ea arbore guttae.
Est honor et lacrymis: stillataque cortice Myrrha
Nomen herile tenet, nulloque tacebitur aevō.
OVID. NAS. METAMORPH. *Myrrha*, v. 189.

Цель! самъ Эросъ опреченъ онъ извѣтъ, коимъ
спражденъ,
Мирра! Онъ зацвѣтитъ онъ клеветъ свой чистый
свѣшльникъ!
Знать, одна изъ шресть сестирь, вдохновеннѣ ужасомъ
Фурій,
Огнь въ швоемъ сердцѣ возжгла. Беззаконна къ
родшело злоба:
Но спраси. Мирре къ ону беззаконнѣ шнократъ!
Онъ шегоду
Пщунъ вельможн руки швоей, юношей сонъ благо-
родный

Жаждеши обильней нивонъ: избери изъ числа ихъ
 супруга,
 Мирра! Дни да не будутъ въ числѣ твоихъ сдѣланныхъ
 изъ смертныхъ!

Чувствуешь Мирра свой снѣдь и пропитившеся
 гибельной сирасти.

» Чемъ увлекаюсь я? что замышляю? какъ вос-
 клицаешь:

» Боги, разсудокъ, и ты, о святошеснъ дочеряго долга!

» Васъ я на помощь зову: возропитившеся сему пре-
 снущенню,

» Если любовь преснущенна! — Но развѣ законы
 природы

» Сирасти осуждающе ея? Не по шить ли, безъ
 нужныхъ различій,

» Любить живонныя всѣ? И конь и волъ крушорогій

» Ищущъ подрусь межъ шенцами своимъ, роденну
 не внималъ.

» Резвля козы любящъ козляны своихъ; вольныя
 шниця

» Движущя шюю же сирастнню по нѣмъ же устаканъ
 природы.

- » О, какъ счастливы они свободою мой! Человѣкъ
лишь
- » Создалъ пирансиа законъ: зависящій, онъ
онвергасишь
- » То, что природа дасишь. Но есишь, говоряшь, по-
когдашь,
- » Въ конхъ маишь сына, онецъ свою дочь приемишь
на ложе
- » Брака, и связи родсиа любовью сугубой крепишишь.
- » О! для чего же, несчастная, я не родилась въ
страну мой!
- » Мнѣю рожденья — вонъ Мирры вина Но
къ чему эти думы?
- » Прочь отъ меня, рой преступныхъ надеждъ! До-
стоинишь любви онъ,
- » Но какъ онецъ. Когда бъ не была я дочерью
Кинира,
- » Киню бъ возрешилъ мнѣ въ объятяхъ его упиваишь
любовью?
- » Но бывъ родиселемъ мнѣ, онъ мнѣ быти не
можетъ. На горе
- » Намъ эта близость родсиа: безъ нея я была бы
счастлива!

- » Долгъ мнѣ великъ бѣжаны онъ онца, бѣжаны
онъ ончизны,
- » Да не впаду въ преслушенье; любовь же нещадная
просишь,
- » Каждень взоровъ его, его ласкъ, его звуковъ вол-
небныхъ,
- » Сладкихъ, живыхъ поцѣлуевъ . . . о большемъ
помыслишь не смѣя!
- » Или ты смѣешь желать еще боль, преснуиалдѣва?
- » Хочешь, поправши и чинъ и свяжешь дочеряго
долга,
- » Бышь соперницей манери въ ончихъ объявляхъ
Книра?
- » Званья есiproю дѣней своихъ, манерью собствен-
ныхъ браньевъ?
- » Или себя не спрашивать эти дщери подземнаго ада,
- » Кон, съ власами изъ змѣй, при блескъ свѣно-
чей адскихъ
- » Ницупъ преснуиныхъ сердець? — Пока еще злу
не причасна,
- » Сердце свое укрони! да не будетъ кровосмѣшенье смъ-
- » Чисный услыавъ еснесива осквернень. Но если бы
даже

»Ты и желала сего, по вспомни: Киширь благо-
честень.

»О, еслибъ зналъ же огнь пылалъ и въ Киширо-
вомъ сердцѣ!«

Такъ говорила Киширь между пѣмъ, не рѣшаясь,
кого бы

Мирръ супругомъ избранъ изъ среды жениховъ имен-
нитыхъ,

Речь съ ней о бракъ заветъ, называлъ ей всѣхъ по-
именно,

Мирра, безмолвно взоромъ прильнувъ къ родителю
лицу,

Вспыхнула вся, и горячей слезой оросились за-
щипы,

Нѣжный отецъ, сичпая но знакомъ сныдливости
дѣвства,

Дочь убѣждать, поцѣлуями слезы ея осушалъ.

Ласково шой оживяся: »Родитель!« Мирра сказала:

»Дай мнѣ супруга шакого, какъ нынѣ.« И Киширь,
не посингшій

Тайны коварныхъ пѣхъ словъ, выхвалялъ свою
дочь, говоря ей:

Вечно храни живою нежностью ко мигъ! — Но
при зномъ ошвѣтъ
Дѣва склонилась челомъ, созная въ душѣ пре-
супленье

Часъ полуночи настать и смертныхъ шревои
дневныхъ

Смокли. Лишь Мирра одна, не зная покоя, стараеть
Сирасни мянежнымъ огнемъ и волнуется ярост-
ной думой.

То безъ надеждъ, то снова съ надеждой въ груди:
и спыднися,

И вновь желаеть, не зная сама, что начинь. —
Какъ съкирой

Дубъ - великанъ увлеченный, послѣднато ждущий
удара;

Окрестъ паденьемъ грозннть, не рывая: куда устре-
мннся;

Такъ и она, волнуясь сираснями различными, всюду
Ищенть спасенія средствъ и колеблется въ выборѣ
оныхъ.

Мирра! итъи средства много любовь укропитъ,
кромѣ смерти!

Въ смерни спасеня ници! И выборъ рѣшень:
 уже Мирра,
 Подъ свой взявъ, прикрѣпляетъ его къ пополку,
 и съ словами:
 »Милый Кширъ мой, просни, и знай: опъ тебѣ
 умираю!
 Шю млечную дѣва въ ужасную пенлю влагаетъ. . . .

Тщешно! лишь звуки означенныхъ словъ до-
 летѣли до слуха
 Вѣрной кормилицы, Мирры порою охранявшей,
 старуха
 Съ ложа возрянула, дверь отпахнула, и съ ужа-
 сомъ видя
 Смерни кровавый позоръ, обласла всю компану
 воплемъ;
 Въ перси лязвила себя, и иширкувъ Мирру изъ пенли,
 Подъ въ куски разшерзала. Попомъ со слезами
 обливши
 Дѣву, молила открыти причину самоубійства.
 Дѣва молчала, и въ землю спустила недвижныя очи,
 Сердцемъ крушилась о шомъ, чиню смерни вкусити
 не усѣла.

Тщению сяду главу и безмечную грудь обна-
 живши,
 Молитъ кормилица, памяню дѣисива се заклин-
 аснъ
 Тайну ошчалнъа злаго ошкринъ: на мольбы ея
 Мирра,
 Взоръ ошврашнъ, ошвѣчаснъ лннъ снономъ. И
 снова спаруха
 Въ вѣрноснн клинву даснъ, говоря ей: »Дннн моє!
 Мирра!
 Спароснъ не вѣь мон слнъь вѣла, и служнть я
 гошова.
 Если пнъь лобннъ — шо еснъ у мннъ наговоры и
 шравы;
 Если извель кншо шобл, лннъ скажн — и порчу
 сведу я;
 Если же гнѣвъ шо боговь — я склоню нхъ на мн-
 лоснъ мольбамн!...
 Чшо же скажу ещѣ? Все при шобл: и богашеннво
 и знанноснъ;
 Въ счасннн, въ довольсннѣь ведунъ свою жнзнь швола
 манъ и ошець швои «
 Мирра, при словѣ: ошець, взошнула глубоко и шважко;

И хощь кормилица мыслью своею вполнѣ не достигла
Вздоха того, — оны ей ясно сказать, чино прекрас-
ная любиниъ.

Въ швердомъ намѣренъи тайну узнати, она вымо-
ляеть

Девы признанье, и къ шощей груди се привлекая,
Въ слабыхъ объяшлхъ жмень и шакъ говоришь ей:
»И вижу,

Виску: ны любиниъ. Покинъ же болзнь и повѣрь:
я гошова

Сшрасши швоей помогаши; швой ошсць никогда
не узнашиъ

Тайны швоей.« — Но Мирра, изъ рукъ ся изшоргалъ,
Пряченъ лице, говоря: »Удались, шощади свою
Мирру!

»О, не требуй, молю, сознанія шайны ужасной!

»То, чино ны жаждень узнати оны меня, не мо-
бовь — злодѣянье!«

Ужась шаруху объятъ: склонилъ предъ девой
колѣна;

Руки, оны страха и лъшь дрожащя, къ ней про-
спшрасень;

Молниѣ, ласкаеиъ, и вмѣстѣ грозипѣ объявилѣ
всему свѣту

Видѣиный ея позорѣ, когда не онкроениъ ей
шайны;

Слова попомѣ обещаеиъ служнииъ ея спрасни со-
крыиной.

Дѣва подѣмлетѣ главу и потоками слезѣ оронаеиъ
Ирси кормилицы: хочениъ сознаиъся во всеиъ, но
ушнами

Словѣ не находииъ. Но воиъ, заслонивѣ одеждоу
ликѣ свой:

»Счастлива яа,» говорииъ, «кино владѣениъ сердцеиъ
Книира!»

Смокла, рыдая Кормилица виемлетѣ, и съ
шайной онкрыиной

Трениеиъ по членамѣ ея охладѣиымѣ спремнишея, и
волосѣ,

Иисеиъ лвиъ убѣленый, подѣмлетѣ дѣбомѣ,
уируиъ!

Все, что на умѣ лишь пришло, говорииъ она Миррѣ;
весь ужасѣ

Спрасни ея представляеиъ; — но Мирра, сама
призавал

Испину словъ пѣхъ, желася иль смерти . . . иль
опчаго ложа

» Мирра, живи! и влады . . . » синаруха сказала,
не смѣя

Вымолвишь слова: » оицемъ, « — и обзвѣ свой клян-
вой скрѣпила.

Въ дни пѣ былъ праздникъ годичный Кереры, въ
который все жены
Въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, одѣяныхъ, богинѣ плодовъ
приносили

Первенцы собственныхъ пѣвъ — вѣнки изъ колосьевъ
жемчужныхъ.

Въ оные дни возпрещалось всякъ женамъ касаться
мужчины

Цѣлыя девяти почей. Книхрена, супруга Книира,
Купно съ другимъ на танцевала пѣ удалась изъ
дома.

Вопь кормилица дѣвы, заснигнувъ однажды Книира
Въ спальнѣ, виномъ уносимаго, въ широкъ рѣчахъ
разказала

Повѣсть истинной страсти подъ именемъ лож-
нымъ; хвалила

Дэвы красу; на вопросъ же Кишира: сколько дэвъ
дэвъ?

Сколько же, сколько и Мирръ, сказала. Когда жь
повелѣлъ оны

Дэву привесить, прибѣжала домой, восклицая: »По-
бѣда!

Радуйся, Мирра!« Но Мирра вполнѣ не могла
насладиться

Веселю той: предчувствія злыя ей перен шерзали.
Купно и радости и страхъ волновали тревожную
душу!

Полночь была, и Бобнъ (*), съ прямаго пути
уклоняясь,

Быстро спремилъ колесницу свою въ среднюю Трїо-
новъ (**):

Часть пресупленья наспалъ! За дальній сводъ неба
сканилась

Циниія; въ манию пучъ облеклись дрожащія
звѣзды.

(*) Бобнъ — спражь медвѣдицы.

(**) Трїоны — семь звѣздъ большой медвѣдицы.

Ночь безъ свѣтила! И первый, спрятавшій ликъ
свой, Икаръ былъ,
Съ нимъ Эригона (*), за изжоснь къ олицу воз-
несенная къ небу.

Мирра идетъ... Вошь прижды спонкнулась... вошь
прижды на кровль
Филингъ, предвѣстникъ бѣды, прошналь похоро-
ную ивѣню....

Мирра идетъ.... И полуночи мгла придасть дѣвъ
смѣлоснь;

Лѣвой рукой за кормилицу держишия, правою
ищеть

Мракомъ одѣшой спези.... и желанный порогъ
передъ ними:

Двери ошворены; входянгъ въ покой... Огнь чего же
пренецунгъ

Мирра, кольца ивонъ? Огнь чего холодень и слы-
сень

Кровь въ ивонхъ жилахъ и въ дѣвственныхъ персяхъ
дыханье спрасятъ?

(*) Эригона, по убиеніи Икара, олица ея, повѣсилась
съ ошчаянія.

Мирра чѣмъ ближе къ злодѣйству, тѣмъ болѣе старалась
 ити съ и тѣмъ

Въ дерзости, хочешь назадъ возвращающагося, раз-
 шая мною.

Поздно! кормилица, взявъ дрожащую дѣву, под-
 водить.

Къ ложу высокому, и повергая въ объятья Кинира,
 »Вопь она, дѣва ливоя,« говоритъ, и цену съеди-
 няешь

Принявъ родивель рожденіе свое на одръ пре-
 ступленья:

Дѣвства боязнъ разогнать, и ласками дѣву склоняя,
 Дочерью милой ее называлъ (знаніи юности ради!)
 Мирра имя оица изрекла къ довершенно злодѣйства!

Съ оицаго ложа низшедъ, понесла беззаконная
 дѣва

Чревомъ преступнымъ плодъ преступленья; — а
 съ ночью грядущей

Снова ложе оица осквернилось дочерней любовью . . .

Послѣ же многихъ ночей, когда пожелать оны уви-
 дѣнь

Дьву, и факель свой взявъ, освѣщилъ имъ покой:
но увидѣть

И преснуиленъ и дочь! — Съ сомкнувшими больно
унами,

Мечъ изъ висящихъ пожесть изхитилъ несчастный
родитель.

Но, сокрытая шмой, избѣжала преснуиная Мирра
Снаши меча, и покинувъ опеческйй перемь, ски-
налась

Въ дальнихъ спранахъ палъмоносной Аравн, въ вь-
сяхъ Цахсеянь.

Девянь ужъ крапкъ обновила луна серебриенные
роги —

И ушомленная Мирра въ Сабейской землѣ ондыхала.

Илюдь преснуиленъ се нягоиить. Безъ мыслей,
безъ цѣли,

Смерши спранаась, скучая бременемъ жизни по-
носноной,

Мирра прибѣгла къ богамъ: »О если,« сказала, »межь
вами

»Есть божесиво, покаянью доступное — каюсь:
доснойна

»Я великой казни . . . Но да собой не спрану уже болъ

- » Царства живыхъ и мѣней — изгоняю мена изъ
обонхъ!
» Пусть, бывше измѣнникъ, опложусь я оны жизни
и смерти! «

Есть божество, покаянью доступное; Мирры
моления

Видало оно: и вошь ужь земля, разверзаясь, приемлетъ.
Ноги ся: изъ разбитыхъ ногней прорываючися въ
нощю

Корни кривые, опорой служа величавому символу,
Косни, въ символъ обращаея, сохраняючъ внутри
свою мягкость;

Кровь превращаеся въ сокъ, а длани въ широкія
вѣтви;

Персы — въ тонкіе прутья, — и кожа швер-
двень корою.

Вошь ужь кора обхватила плодомъ онягченное
чрево,

Перси спянула и далѣ шла закрыть ея выю, —
Мирра медленя снесши не могла, и судьбу уреждая,
Внизъ подалась и прекраснымъ лицомъ опустилася
въ символъ свой

Дѣла всѣ прежнія чувствна утрачены съ пѣломъ, —
но слезы

Мирръ осенялись: горячей росой онъ каплюнь изъ
древа.

Капли тѣхъ слезъ драгоцѣнны: и древо, съ слезящей
корою,

Има онъ Мирры пріявь, не утратить вовекъ
своей славы.

Съ Латинскаго. Д. Казанскій.

И М Ъ,

Много вашими уснами
Цель я веду и вина:
Вдохновенными стихами
Цель я ваши имена!
И въ удаломъ хорѣ звуковъ,
Цѣлы, радостины, они
Будутъ жить у дальнихъ внуковъ,
И прославляя наши дни:
Тамъ на японскомъ ширѣ
Слово молвишея, подъ часъ,
Въ похвалу и гордой лирѣ,
Веселившей о васъ, —
И при громѣ восклицаній
Въ честь увѣчанныхъ именъ,
Сбереженныхъ безъ прозваній
Умною людекою время:

Ксипати, вмѣстѣ возгласиися
 Имъ доброе мое,
 И поэму наградиися
 Все подлунное живье!

И. Языковъ.

К Ъ Н Е Й.

Веселая юность пивоя пропелась,
 Не зная ни бурь, ни несчастья
 И память прошедшаго сладко слялась
 Съ мечтами грядущаго счастлиья.

Свѣтло и безопасно взирая на мѣрь,
 Все лучшее ны угадала,
 И жизнь предъ шобою, какъ радостный ширь,
 И сильно съ небесъ покрывало!

И. Телова,

СВОДНЫЯ ДѢТН.

Б А С И Я.

Вдова, соскучась быль вдовою,
И видя, что у ней желтѣеть цвѣтъ лица,
Свѣдика кое-гдѣ блеснишь надъ головою,
Рѣшилась выйти за вдовца,
И въ мужини домъ ввела съ собою
Полдожанъ своихъ съ покойникомъ дѣней;
А такъ же, какъ у ней,
И онъ покойницы, не меньше многоплодной
Остались у вдовца ребячки на рукахъ.
Жена взялась смотрѣть за всею семьею сводной,
Какъ о своихъ, пецись о мужининыхъ дѣняхъ;
И говоришь: »Они, бедняжки-сиротишки,
Невинныя шенцы;
О дѣняхъ могутъ ли пецися такъ опцы,
Какъ манери? Ахъ! мы на нихъ и порошники
Ужъ вѣрно не дадимъ унашь.

И развѣ мужнино дитя женѣ чужое?
Когда въ младенчесивѣ постигла ихъ напасть,
То Богъ великъ объ нихъ пендеса вдвое. «
Что жъ вышло? Черезъ годъ
Замѣнилъ мужъ, что манушкины дѣтки
Цвѣтунтъ, какъ розы на вѣткѣ
И зрѣюнть, какъ румяный плодъ;
Его же, будно изпниль,
Такія шоща, худыя,
Что въ чужѣ жалко поглядѣнть;
То каково жъ онцу сморѣнть?
Онъ, покачавши головою,
Вдохнулъ и вымолвилъ сквозь слезы:
» Такъ съ новою моею женою
Я въ домъ къ себѣ пѣвицѣ перевезъ!
И нѣмъ онъ шолешюнть,
Что кровь мою сосунтъ. « —
Сосѣдъ, случившися шунть
Шешунтъ онцу: » гдѣ жъ манери радѣюнть
Такъ о дѣтяхъ чужихъ,
Какъ о своихъ? «

Кн. А. Шаховской.

Н О Ч Ь.

Едва, едва
Шумить Нева,
Въ граничныхъ берегахъ волнуясь;
Лазурный сводъ
Въ зеркаль воды
Блеснишь, красой своей лобуясь.

На небеса
Небесь краса
Луна торжественно возводишь
И свѣтлый взглядъ
На Цесарградъ
Съ любовью нежною наводишь.

Вонъ облака
Издаека
Клубяся длинной вершицей,
Озарены
Лучемъ луны,
Деняны надъ пышною спяницей.

Нева бѣжитъ,
Нева шумитъ,
Прохладный вѣтеръ съ моря вѣситъ
И корабли
Чужой земли
Въ сполнѣ стѣврной лелѣнѣ.

Чу! по водѣ
Рыбакъ въ ладѣ
Плывеши и пѣсно напѣвасишь,
И надъ водой
Въ ниши почной
Далеко пѣся пролѣтасишь

Умолкнулъ онъ,
Изъ немныхъ волнъ
Въ ладью вынасивая стнн
И въ мирный кровъ
Свой бѣдный ловъ
Веселье быстрое при лунномъ свѣтѣ.

Лазурный сводъ
Въ зеркаль водъ
Блещишь, красой своей любишь;
Едва, едва
Шумишь Невы
Въ гранитныхъ берегахъ волнуешь.

А. Колларовъ.

НА Д Г Р О Б Н А Я П Ъ С Н Ъ

СЛАВЯНСКАГО ГУСЛЯРА (*).

Ужъ какъ палъ снѣжокъ со темныхъ небесъ,
 А съ гусныхъ рѣсницъ слеза капала:
 Не взоиши свѣжку снова на небо,
 Не висишь слезъ на рѣсницахъ пѣхъ,
 У Дитира надъ горой, высокѣй крушой,
 Ужъ какъ спалъ перемъ новорубленый:
 Ни дверей въ шерему, ни свѣтлѣ окна,
 А ужъ перемъ крышь осирѣй кровлетю;
 Кровля тяжкая на снѣгахъ лежишь,
 А хозяинъ въ немъ крѣпкимъ сномъ заснулъ.

(*) Гусляръ — музыкантъ, играющій на гуслѣ, инструмента, котораго не должно смѣшивать съ нашими гуслями: гусля похожа на балалайку, но обь одной струнѣ изъ конскаго волоса; играющъ на ней смычкомъ.

У Славянъ илирійскихъ, гусляры то же, что бандуришчы у насъ въ Малороссіи: 17.

Умолкнулъ онъ,
Плъ темныхъ волнъ
Въ ладно вышаскивая стнн
И въ мирный кровъ
Свой бѣдный ловъ
Везенъ быспртый при лунномъ свѣтѣ.

Лазурный сводъ
Въ зеркаль водъ
Блещишь, красой своей любишь;
Едва, едва
Шумишь Нева
Въ граничныхъ берегахъ волнуешь.

А. Колларовъ.

НА ДГРОБНАЯ ПѢСНЬ

СЛАВЯНСКАГО ГУСЛЯРА (*).

Ужъ какъ палъ снѣжокъ со темныхъ небесъ,
 А съ гусныхъ рѣсницъ слеза канула:
 Не взойши снѣжку снова на небо,
 Не влетишь слезъ на рѣсницахъ гнѣхъ,
 У Дитира надъ горой, высокою крушой,
 Ужъ какъ спалъ шеремъ поворубленный:
 Ни дверей въ шерему, ни свѣтлâ окна,
 А ужъ шеремъ крыишь острой кровлею;
 Кровля шажкая на снѣгахъ лежишь,
 А хозяишь въ немъ крѣпкимъ сномъ заснушь.

(*) Гусляръ — музыкантъ, играющій на гуслѣ, инструментахъ, котораго не должно смѣшивать съ нашими гуслими: гусля похожа на баламайку, но обь одной струнѣ изъ конскаго волоса; играющъ на ней смычкомъ.

У Славянъ памирійскихъ, гусляры то же, чно бандуришшы у насъ въ Малороссіи: м7-

Какъ проснулся онъ, но куда пойдешь?
 Какъ захочешь онъ на свѣтъ выглянуть,
 Пожелаетъ гулять онъ по городу, —
 Агъ въ глазахъ земля, и въ ногахъ земля!
 Какъ прозлбился онъ, гдѣ согрѣшилъ?
 Сыро въ перемѣ, а ни печи ни въ
 И не высохнутъ снѣжны мядныя.
 Ахъ, вы мядныя снѣжны шельны!
 Для чего вы шумѣте все въ глазахъ у насъ?
 Зима-бабушка! ты закрой ужь ихъ
 Своей рухлою, бѣлой шубою,
 Ты, млада весна, зеленой шапой!

Княгиня Зинаида Волконская.

зыканты, пѣвцы, часно сочинили народныхъ
 балладъ, ими разиваемыхъ. Славѣйшимъ изъ
 нихъ гусляръ въ, какъ поэтъ, ославившій по
 себѣ многія балладическія пѣсни — былъ Яциниъ
 Магяновичъ, умершій въ недавнихъ годахъ.

Помѣщаемый здѣсь переводъ пѣсни, замѣча-
 тельной своимъ содержаніемъ, показывается, въ
 какомъ близкомъ родствѣ находится поэзія Сла-
 вяны, населяющихъ берега Средиземнаго моря,
 съ народною поэзіей современниковъ ихъ Русскихъ.

Прим. изд.

Х А Н Д Р А.
П Ъ С Н Я.

Сердца томная забота,
Безыменная печаль!
Я невольно жду чего-то,
Мне чего-то смутно жаль.

Не хочу и не умею
Я развлечь свою хандру:
Я хандру свою лелюю,
Какъ любви своей сестру.

Ей предавшись съ сладострастьемъ,
Благодарно помню я,
Что сироткой подъ нещасьемъ
Разрослась любовь моя,

Дочь шуманнаго созвѣздя;
Красныхъ дней и ей не знашь;
Ни соувснвйй, ни возмездя
Безмалачной не видань.

Движъ тайны и смиреня,
Госни сердца моего
Остаюся безъ прирвнйя
И не просянтъ ничего.

Жернвы милаго недуга,
Имъ знакомаго давно,
Веретунъ онъ другъ друга
И горюютьъ заодно.

Ихъ нично не приголубитъ,
Ихъ нично не изцвлитъ
Цоглядинъ: хандра все любитъ,
А любовь всегда хандритъ.

Кн. Вяземскій.

Т О С К А.

(В. И. Бухариной.)

Не знаю я, кого, чего ищу,
 Не разберу, чьмъ мысли тайно полны;
 Но что-то есть, о чемъ вездѣ грущу,
 Но слезы, но думы, желаній волны
 Текуть, кипятъ въ болезненной груди
 И цѣли я не вижу впереди.

Когда смотрю, какъ мчатся облака,
 Гонимыя невидимою силой, —
 Я шренещу, меня беречь тоска
 И мыслю я: прочь отъ земли посылкой!
 Зачѣмъ нельзя мнѣ къ облакамъ прильнуть
 И съ ними въ даль летѣть куда нибудь?

Шумишь ли втирь? миг на ухо души
 Онь немнѣя нашептываешь рѣчи
 Про чудный край, гдѣ кино - то изъ глубины
 Манитъ меня привѣномъ тайной вѣтерщи;
 И силъ рѣчей ошзываетъ, какъ во снѣ,
 Твердишь душа съ собой пастырь.

Когда подъ громъ оркестра, пляски зной
 Всѣхъ обдаешь веселостью безумной,
 Обвиняя невидимой рукой,
 Изъ духовныя сущности шумной
 Я рвуся въ прорывъ иного бытія
 И до земли ужъ не касаюсь я.

При блескѣ звездъ въ таинственный мигъ часъ,
 Какъ ночи сонъ міръ видимый объемлетъ
 И бодрствуетъ но, чино не наше, въ насъ,
 Чино жизнь души, — а жизнь земная дремлетъ,
 Въ мигъ часъ одинъ сдѣлается мнѣ: живу
 И слы одинъ я вижу на лву.

Весь міръ, вся жизнь загадка для меня,
Которой нѣтъ обещаннаго слова.
Все мишился мнѣ: я накануне дня,
Который жизнь покажетъ безъ покрова;
Но наснаситъ обнованный день
И предо мной все та же, та же нѣтъ.

Кн. Вяземскій.

КЪ ЗАСТЫЧИВОМУ.

Не правъ ты и судьбу канрасно ты гнѣвишь:
 Застычивость твою невольно очаруешь;
 Вѣрь: ясно говоришь твоей взоръ, когда молчишь,
 И выраженіемъ сильнѣе словъ волнуешь.
 Когда огонь любви блещишь въ твоихъ глазахъ,
 Когда покореишь ты душой святому чувству,
 О! не завидуй ты холодному искусству
 Безъ цели выражанъ любовь въ пустыхъ словахъ.
 Оставь сей даръ другимъ, доволенъ будь собою;
 Она пойметъ тебя. Къ землѣ помуна взоръ,
 Мечтала о тебѣ, плѣтая твоей душою,
 Доскажетъ сердце ей помятый разговоръ.

Е. Ти ва.

ЛЕСНЫЕ ВОЙНЫ.

(Из поэмы: *Два Карельских эпосовъ.*)

1.

Не все могильной тишиною
 Пустыни Севера полны;
 Здесь часто борь кипитъ войною.
 Враждой взаимной созваны,
 Устроясь дружными шолпами,
 Выходятъ *векшей* племена,
 Лесными, тайными тропами;
 У нихъ объявлена война!
 И смельчаки изъ-за *Ольги*,
 Онь *Кижь* изъ *Ягубскигъ* боровъ
 Несутся въ быстрые набѣги
 И чушко ищутъ съездъ враговъ.
 Не спрячешь робкаго дубрава!
 По соснамъ рыщутъ лешуны . . .
 Ужель и имъ знакома слава?
 Какой мечной упоены?

Нашли подъ *корбой* на полянѣ
 Безпечень врагъ въ надежномъ снани
 И кинулись и бой кипишь:
 Они визжали они схватились
 Грызунся кровью обагрились
 И берегъ мертвыми покрышь,
 Ужасень грозный побѣдншель
 И мчнися побѣжденный въ бѣгъ:
 Шумишь ордой Оиъги брегъ
 И часно изумленный зришьель
 Глядишь, какъ *стрые* полки
 Чрезъ зыбь волнистую рѣки
 Или онважно, надъ заливомъ,
 На вѣшвахъ, коркахъ и щенахъ
 Несушя, флюномъ, шоронливо;
 Хвосты — имъ парусъ; на хребнахъ
 Они разнуцены и вѣюшь
 Верна лѣсная имъ кора:
 Она несенъ ихъ и нестрѣломъ
 Сей чудной рашью озерѣ!
 То *вѣши* съ дальнаго набѣга
 Слышашъ въ лѣса роднаго брега.

Война еще *другая* есть;
 Не знаемъ: мнѣнія ль порывы
 Или обиженная честьъ
 Влекутъ гражданъ шрудолубивыхъ,
 Разумныхъ (бросивъ шиншигу
 И шрудъ) на бой мешанья ярый,
 Планишь ударомъ за удары
 И спрашную весни войну:
 То *луравьи!* Кто знаетъ поводу
 Къ ихъ ссорамъ, къ распрѣ роковой?
 Но шаръ и младъ (ужь пусятъ ихъ городъ!)
 Спрямляея къ бившъ полсеюй.
 За *Трою* ль распрѣ? за *Елену*?
 Иль итѣсень шамъ родной удѣль?
 Иль мѣняшь за горькую измѣну?
 Иль мчншь ихъ въ бурю жажда дѣль?
 Тѣсяшея, спроднся въ уснуны:
 Рашъ *герныхъ* съ *красныхъ* сошлася
 И бншва злобная зажглася:
 Сценнлнся, жалншь . . . надшнхъ шруды
 (Въ грозѣ, въ бою передовомъ)
 Краснѣюшъ въ полѣ боевомъ,

И стройно *героичъ* рань надходишь
 Сноишь и *правильно* крыломъ
 Крыло противника обходишь
 И мчишь на пыль за взводомъ взводъ.
 Воскресла, мишиел, Маннишел
 И ихъ ведешь Эпаминондъ!
 Все больше, больше пламенья
 Безъ ушами ошважныхъ рань
 (Шъ попринца, какъ дѣсны рамки!)
 Сившишь разбанныхъ добивань
 И приснупомъ берешь ихъ замки

О. Г. Глинка.

 МОИ ЭЛИЗІИ.

Не славь, обманувшій Орфей,
 Мнѣ элизійскія селенья;
 Элизій въ памяти моеи
 И не крошимъ водою забвенья.
 Въ немъ міръ цвѣтущій спарши
 Умершихъ нѣтъ населенъ,
 Привычки жизни сохраняютъ
 И чувствъ ся не лишены.
 Тамъ живъ ны, Дельвигъ! намъ за чашей
 Еще со мною шумишь ты,
 Поешь веселье дружбы нашей
 И сердца юнцыя мечны,

Е. Баратынскій.

ЖЕСТОКІЙ ПРИЗРАКЪ.

Жестокій призракъ, страшный сонъ,
 Всегда ли будешь приговоренъ
 Къ моей душѣ, минуемъ вѣя,
 Какъ врань и цыпъ Прометея? —
 Напрасно жаждень грудь моя
 Онь зноя сладосиной прохлады —
 Пить для души моей пощады,
 Враждебный демонъ, у неба!
 Сокрывъ се въ своей пустыни,
 И чудо посуливши ей,
 Играешь грустно ты мой:
 То полный дань разливъ кручинъ,
 То вдругъ всю оскаловилъ кровь,
 То сердце оладилъ, но вновь,
 Какъ вѣкій огнь кинучей лавы,
 Волшебствомъ зора своего
 Девянь пламень гибельной ошравы
 На лавы выжжкія сто!

Скрывалась ошь себя, жеснокій,
 Парнишь ли умь мой одинокій
 Въ дедаль минувниихъ славныхъ дней
 Къ судьбамъ народовъ и Царей —
 Ты шумишь, ушыйи и прекрасный
 И льнеи голосъ сладосирашннй,
 Какъ мелодическій ручей:
» Холодный миръ тебя забудетъ,
» Голта друзей врагами будетъ;
» Одинъ лишь ангелъ... онъ съ душой
» Проститса прежде, глнть съ тобой!...
 Воскреснишь сердцемъ пламени,
 Ленишь я ангела обилншь;
 Но на чель его, чернвя,
 Какъ межъ инюльиановъ жало змѣя,
 Измѣны вепыхнула печань.
 Любимыхъ думъ моихъ слѣншь,
 Виднйи дивныхъ корифей,
 Во снѣ — ты вновь къ думѣ моей
 Ленишь на найное свиданье.
 Какъ сладкопѣвннй Серафимъ,
 Звучнишь ей хоромъ неземнымъ:
 Мировъ гармоніей чудесной;

Иль Сильфовъ радужный народъ
 Свивасень въ легкій хороводъ
 Бряцаньемъ ары неизвесной . . .
 Иль въ край, незнамый землей,
 Межъ золотыми облаками,
 Надъ безиредьльными морями
 Лешинь, какъ звездочка, со мной.
 То дуть вдали урвѣвъ душевный,
 Сивинь росою умышся чистой;
 То горь надъ снежной высокою,
 Куналь въ шумъ громовой,
 Перунъ крылатый облопелъ;
 То ангель грусни, ты лешасень
 Съ бликомъ черновымъ на главѣ,
 И надъ одромъ моимъ снесасень
 О нанемъ общимъ спросивъ.
 То вдругъ — подобно дѣвъ спросиной,
 Склоняя главой ко мнѣ прекрасной,
 Весною дынешь мнѣ въ уста;
 Жжешь сердце огненнымъ дыханьемъ,
 И амврозическимъ лобзаньемъ
 Изхиньшь душу, какъ мечна
 Ошь ней мгновенно ошлеласень

И грудь ревнивою поскокой,
Какъ ядомъ вскормленной спиреюй
Съ холоднымъ смѣхомъ раздраасень...
Жестокій призракъ, страшный сонъ,
Всегда ль ныа будешь привождень
Къ моей душѣ, мнущившимъ вѣя,
Какъ вранъ и цѣпи Прометея!...

В. Теняковъ.

В Е З С О Н Н И Ц А.

Что мечны мои волнуешь
На привычномъ ложѣ сна?
На лице и грудь мнѣ дуешь
Свѣжимъ воздухомъ весна,
Тихо очи мнѣ целуешь
Полночная луна.

Ты ль, приносишь воспоганъ нежнымъ,
Радость юности моей,
Ангель взоромъ безмятежнымъ,
Ангель прелестною очей,
Персей блескомъ блестящимъ,
Мягкимъ золотомъ кудрей!

Ты ли мигъ любви мечтами
Проголасишь мирны сна?
Ты ли свежими уснами
Наввасишь свѣтъ луны,
Скрыта легкими шьями
Соблазнительной весны?

Благоданное видѣнье,
Тихій ангелъ! усной,
Усыни души волненье,
Чувства жаркія напои,
И даруй мигъ упоенье,
Освещенное тобой!

И. Языковъ.

Д. А. ОКУЛОВОЙ.

Я въ разныхъ возрастахъ васъ зналъ:
День жизни вашей разсвѣталь,
Какъ голубое утро Маа
На лѣвъ сельской пинивы:
Младды вры, жизни сыы,
Васъ на рукахъ своихъ качал
И приголубливалъ васъ,
Вамъ пѣли радостныя гимны,
Васъ утѣшали каждый часъ,
И пусть вамъ въ мѣрь господствующий
Цвѣтами свѣжими, какъ вы,
Они роскошно уснидали
И отводили прочь печали
Онгъ вашей милой головы.
Вы были девочкой пригожей,
Живого куклою, похожей
На куклу, съ коей вы самъ-другъ
Дѣлили радостный досугъ.

Я видѣть васъ опроковицей
 Въ младомъ священницѣ наукъ,
 Гдѣ нежной Мантерью-Царицей
 Подъ сѣною думъ Тя и рукъ
 Взлелеявъ быль цвѣтъ жизни вашей,
 Гдѣ въ эпомъ цвѣтнике живомъ
 Вы разцвѣтали съ каждымъ днемъ
 Лицемъ, умомъ и сердцемъ краше.
 Вамъ эти памятки дѣла,
 Дѣла надеждъ, пригошовленій:
 Ужъ съ вашихъ глазъ и помышлений
 Спадала дѣшева стѣнона,
 Вы жинь еще не начинали,
 Но молча ужъ учились жинь,
 Тянулись чувствовань, судинь;
 Вы съ неперечеьемъ въ даль взирали
 И съ любовьничествомъ на себя;
 Жизнь какъ надежду полюби,
 Ее вы съ пренеомъ встречали.
 Но ваша жизнь была тогда
 Подъ небомъ яснымъ и спокойнымъ,
 У мирной прищани, чужда
 Волнамъ коварнымъ, бурямъ знойнымъ,

Кошорья кинуть вдали
 И жизни цель скрывая тайно,
 То благосклонны, но случайно
 Тревожатъ пушкинскую землю.
 Теперь вы въ возрастѣ ужь новомъ
 И всѣхъ встрѣчаю я опять
 Подъ нѣмъ же сельскимъ, тихимъ кровомъ
 Подъ конемъ я всѣхъ началъ званъ,
 Надъ вами бури пронумели,
 На небо вашей колыбели
 Упраны облако взомло:
 На молодца жизни розы
 Вы проливали скорби слезы,
 Вы лепетали жизни зло,
 Судьба преранна: всѣ безгласно
 Должны покоренствованъ судьбѣ;
 Но ранней свой обить прекрасно
 Вы оправдали на себя,
 Въ надеждахъ мы не обманулись,
 Кошорымъ любовались въ васъ:
 Для нашихъ чувствъ, для нашихъ глазъ
 Они созрѣли, развернулись
 Пышнее врезжало сно разъ.

И эпохи возрасти вань прелесень;
 Пусть будешь также свинель оиъ:
 Съ улыбкой ваней несомъсень
 Непасныа хладный небосклонъ.
 Всегда веселымъ солнцемъ юга
 Будь озарень вань каждый день:
 Не прогай вась унынья швнь,
 Ни скорбь сердечнаго недуга,
 Ни хладъ поминельныхъ заботъ:
 Вамъ радосиь шакъ къ лицу идень,
 Вы шакъ похожи другъ на друга,
 Чшо мудрено вась различниъ,
 Чшо вамъ гръшно бы розно жишь,
 Еще вамъ жизнь въ богатомъ лонъ
 Для недовѣдомой поры
 Готовишь лучшия дары;
 Еще на ванемъ небосклонъ
 Теперь пусынно-голубомъ,
 Зажженя много звѣздъ прелесныхъ
 И много думъ еще безвесныхъ,
 Объяныхъ нынѣ свѣжимъ сномъ,
 Проснуеш на сердце, какъ волны
 На ясномъ зеркалѣ рѣки:

Игра ихъ, блескъ и говоръ, полный
Веселья, шашкетъ и шокки,
Васъ новымъ чувствомъ очаруютъ.
И, сквозь злые облака,
Картина яркой разрисуютъ
Даль жизни, темную пока.

Гн. Вяземскій.

УКРАИНСКІЯ МЕЛОДИИ.

I.

Гдѣ ты, доля, моя доля,
На горѣ или средѣ поля?
Гору можно разкопать,
Поле можно разпахать.
Иль близъ моря, на долину
Дикимъ макомъ ты пшенишь?
Или въ рощѣ, на камнѣ
Ты малиновкой поешь?
Прилепи же пшеничку, доля,
Хоть на мигъ ко мнѣ присядь;
Ахъ, ты доля, моя доля!
Гдѣ себя мнѣ, доля, вьзять?

Ивну броду, ивну броду,
Ивнѣ и переходу;
Колп, милый, меня любишь,
Илвыи черель воду. —
•Пережиль я двѣ рѣченьки,
Трешей не боюся, —
И все-таки, моя душка,
Къ тебѣ доберуся.
Пережилъ я два годика,
Трешій вонгъ наснупишь;
А все-таки, моя душка,
Сердце тебѣ любишь.»

Л. Якубовичъ.

ПАДПИСИ КЪ ДВУМЪ ГРУППАМЪ
ТВОРЕНІЯ П. П. МАРТОСА.

1.

Вонъ Сафо, вонъ Фаонъ, вонъ хитрый богъ любви,
Вонъ гений Фидія, очаровавшій взгляды!
Такъ! Марнось Грекъ: въ его крови
Горитъ священный огонь Элады.

2. (*)

И Ломоносова пылающимъ перомъ
Пьвица любви Хариты намъ спасали;
И Марноса магическимъ рѣзцомъ
Свое твореніе онъ же извалял.

Кн. А. Шаховской.

(*) Мысль этой группы взята изъ пѣсни Ломоносова: Анакреонъ и Купидонъ.

АНЧАРЪ, ДРЕВО ЯДА.

Вь пустыни чашлой и скупой,
На почвѣ, зносмъ разкаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ — одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степеней
Его въ день зноя породила,
И зелень меривую вышвей
И корни ядоуъ напонила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню разиоплелъ ошъ зною,
И заснываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и пища не лепится
 И пиگردъ нейдетъ — лишь вихоръ черный
 На древо смерти набѣжитъ
 И мчися прочь уже влещворный.

И если туча ороситъ,
 Блуждал, листы его дремучій,
 Съ его вѣтвей ужь ядовитъ
 Снекаситъ дождь въ песокъ горячій.

Но человека человекъ
 Послать къ Анчару власнымиъ взглядомъ,
 И поить послушно въ мундъ пощекъ
 И къ уиру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
 Да вѣтвь съ увидшими лицами,
 И погъ по блѣдному челу
 Скрутился хладными руками

Принесъ — и ослабѣть и леть,
Иодъ сводомъ шаташа на льки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Необнимаго владѣнн.

А Царь шемъ ядомъ напиналъ
Свои послушныя стрѣлы
И съ ними гибель разослать
Къ соседямъ въ чуждые предѣлы.

А. Пушкина.

К — Ъ К — Ъ Я — Ъ.

Вы, чьей души во цвете лучинихъ дѣтъ
Небесныя знакомы опкровенья,
Все, чѣмъ высокъ полетъ воображенья,
Чѣмъ горды и пламеней поэзія;

И два вѣлика, одинъ другаго краше,
На головѣ свѣлися молодой:
Зеленый лавръ поэзіи чужой
И бриллианты Музы вашей!

Вы силою волшебной думъ своихъ
Прекрасную норжесивенность мнѣ дали,
Вы на зланныхъ струнахъ переиграли
И росные звуки струны моихъ.

И снова вѣтъ, и ярче возсіяла
Минувшихъ дней счастливая звезда,
И жаждою священнаго труда
Живѣе грудь заирепенала!

Я чувствую: завиднѣе жребій мой!
Есть и во вѣтъ благословенье Бога,
И праведна жишайская дорога
Безпечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску міра,
Не слушаю съѣпой его молвы:
Я вѣнчаю нѣтъ... Да здравствуйте жъ вы
И ваша творческая лира.

И. Языковъ.

О Т Р Ы В О К Ъ
ИЗЪ СЕЛЬСКОЙ ПОЭМЫ:
М А Ш А.

Не даромъ Маша прослыла
 Красавицей: кно равень Машъ?
 Всегда рѣзва и весела,
 Она съ ума почти свела
 Всю молодежь въ деревнѣ нашей,
 На лугъ ли выйдешь поиграшь
 Съ подружками въ горьаки . . . глядь,
 И молодцы какъ шумъ гошовы!
 Въ кафшанахъ синихъ, въ шлѣпахъ новыхъ
 На встрѣчу къ ней бѣгутъ, спѣшатъ,
 Ей рѣчи складныя гошовантъ,
 И кно быстрѣй, на перехвантъ
 Одну се въ горьаки довантъ.

Когда жь зашлюшь хорошедь,
Вонь шумъ взглянуть, какъ парни наши
Толкають и шевелятъ пародъ
И увиваюшея вокругъ Машин! . . .
То шонь, шо эшонь подойдешъ
И пляту спляъ, се учиниво
Съ собою пропласанъ зовешъ;
Да какъ и плясень Маша — диво! . . .
Попушшь очи, съ молодцомъ
(И улыбаешъ, и красея,
Какъ будно бы чего робба)
Она идешъ плясанъ вдвоёмъ:
Едва дыханье переводитъ;
Какъ лебедь бѣлая плывешъ
И на сползливыйся пародъ
Очами ясными поводитъ.
Снаружи, глядя на нее
Сядою головой качають,
И прежнее жинье - бынье
Свое со вздохомъ воспоминають,
»Вонь шакъ - шо мы плясали всмаръ,«
Борчашъ беззубья: »бывало,
Просни нашъ грехъ, Небесный Царь,

Всю ночь проплянешь, — а все мало.
 А дома посмотришь — шемю
 Еще, а Мана пробудилась,
 Одѣлась, Богу помолилась
 И за работою давно,
 Убравшись, съ утренняя зарею,
 Она къ колодезю за водою
 Идемъ по утренней росѣ,
 Свежа какъ маковъ цвѣтъ. Въ косѣ
 Играешь ленточка цвѣтная;
 Простой, опрятный сарафанъ
 Волнуется, обозначая
 И пожку дѣвицы и снатъ;
 Сверхъ сарафана полъ новыи
 Обвилел, и блестящъ у ней
 Двѣ нитки крупныхъ лентарей
 На груди бѣлой и пуховой.

Спиритъ онецъ ся богатъ:
 Его амбары полны жина,
 И въ каждомъ дверь желззомъ крыта
 И на дверяхъ замки висятъ
 Огромные, а предъ дверями

Собаки лаюшь и бречашь,
Прикованныя къ нимъ цѣпями.
Преснорная изба его
Какъ чаша полная — всего
Довольно ешь: знь, веселся
Вина и брати хонь не пей,
Хонь пресно ихъ на землю лей
Нли ушашомъ оканься!
Не диво же, что съ раннихъ поръ
И женихи, какъ на подборъ
Одинъ другого лучше, краше,
Толною сванался къ Мань.
Вонь наконецъ онецъ и мань
Поизничинь внучань захоньли,
Молобны всемъ сванымъ оньгли
И ешали думань да гадань,
Какъ замужь дочку спаряжань.

Передъ погодою некаспной,
Почуя изобильный ловь,
Лешаентъ много яспребовъ;
Но всехъ быспрье соколъ яспой
Къ добычъ мчнися съ облаковъ:

Удалийъ много молодцовъ
 Тоскуешь день и ночь по Маня, —
 Но лишь одинъ, — онъ удалей
 Всѣхъ молодцовъ въ деревнѣ нашей, —
 Умѣлъ закраснѣть въ сердце къ ней.
 Да ахъ-ахъ и не любишь Ванюшу?
 Какъ про любовь онъ рѣчь ведешь,
 То рѣчь его помини и жжешь
 И улаждаешь вмѣстѣ душу!
 Ахъ Маша, Маша! на кого
 Такъ часно ны въ окно глядела?
 Все на Пвана! онъ чего
 Ты встрѣтившись съ нимъ, краснѣла
 И убѣгла вдругъ въ кушны?
 Скажи, что чувствовала ны,
 Когда весною онъ въ горѣнкахъ
 По луку за тобой бѣжалъ,
 Иль на весельяхъ посидѣнкахъ
 Тебѣ нихонько руку жаль?
 Бывало красныя дѣвицы,
 Собравшись подъ вечерокъ,
 Усадуся въ большой кружокъ
 И шутъ - шо были, небывицы:

Про колдуновъ, Концесъ кладь,
Про чудеса зланою Жарь-шницю,
Про мудроснхъ хитрой Царь-девицю
До годней ночи говорягъ.
Съ Вашоной вечеръ веселье
Двицагъ краснымъ коронамъ:
Окъ, въ цемный вечеръ, весьхъ спирагъ
Умелъ сказку разказанъ.

А. Колларовъ.

ГРЕЧАНКЪ.

Когда бы пламеннымъ лучемъ
И зноимъ греческаго льна,
Когда бы *греческииъ огнемъ*
Твоя душа была согрѣна,
И, какъ боговъ безцѣнный даръ,
Снижалъ бы я сей дивный жаръ
Трудомъ и невжностью успѣшной,
И для меня горѣла бы нынѣ
Всѣмъ блескомъ страшнаго красота,
Горѣла бы вся, какъ огонь потѣшный —
Въ то время чю было бы со мной?
Ужель я вѣжливо и чинно
И безмятежно и певнино
Натягала бы издали тобой?
Приличье свѣта слишкомъ шудно . . .
Младое сердце безразсудно!

И такъ, мой другъ! некань бы мнѣ
Прекрасной гибели въ огнь
Твоей любовной благодани
Я бь чудной смернью обомлеть
И съ бурной радостью сгореть
Въ пожаръ девственныхъ обьяній!

Баронъ Розенъ.

ОТРЫВОКЪ
ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ:
ОТШЕЛЬНИКЪ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

(Мѣсто передъ монастыремъ, вблизи высокаго дерева и нѣскольکو могилъ, прикрытыхъ камнями.)

ШРЕНЯВИТЪ, АДАЛБЕРТЪ и ПОСЛАНИЙ
отъ Епископа.

ПОСЛАНИЙ *в.своя.*

Миръ вамъ.

АДАЛБЕРТЪ.

Векъ, намъ вѣщающій о немъ,

Любезенъ гостю.

ПОСЛАНИЙ *садясь на камень.*

Пусть къ вамъ — мученье.

АДАЛБЕРТЪ.

Каждый

Пушь, высоко ведущий, не легко

ПОСЛАНИЙ,

Грудь изломлена нею, а опасность,
Свирась наводя, линаешь сить душевныхъ.

АДАЛБЕРТЪ.

Зрешь пропасни — необходимо долженъ
Желающій достигнуть высоты.

ПОСЛАНИЙ *глядя окрестъ.*

Прелестный видъ остода!

АДАЛБЕРТЪ.

Онь наградой

За всея ируды и ужасы пуши.

ПОСЛАНИЙ.

Невозможная награда за уселья,
Какихъ бы я по воль не предиринять. —
Обязанность меня приводишь къ вамъ.

АДАЛБЕРТЪ.

Что хочешь намъ повѣдать?

ПОСЛАНИЙ *вставая.*

Волю Рима.

АДАЛБЕРТЪ.

Что намъ велишь она?

ПОСЛАНИЙ.

Не къ вамъ однимъ.

Относится она. Незанно ведоу

Раздася гласъ Намѣстника Цесра

И великое его услышишь ухо.

Такъ: великій, кшо по вечеру свой соизъ

Спасенія символомъ ограждася,

А упромъ венавъ съ одра покоя, имъ же

Привѣстивуенъ свѣщило дня, се

Узнаенъ и свершишь обяванъ буденъ.

АДАЛБЕРТЪ.

Весь въ важную ны сообщася намъ,

ПОСЛАНИЙ.

Казь грѣшниковъ бывала ль маловажна?

АДАЛБЕРТЪ.

Какая жь казнь постигнеть и кого?

ПОСЛАНИЙ.

Съ сего часа шкни изъ Хрисіанъ,
 Да не дерзнетъ приближиться къ злодѣю,
 Подпавшему подъ казнь сію. Ни чья
 Уша его привѣстивованъ опшеть,
 Ни чья рука пожаньеть дружелобнымъ
 Прощаньсь съ нимъ да не посмѣютъ. Рѣчь,
 Малыиная услуга, сосираданье,
 Усердіе къ нему — смерисельный грѣхъ!
 Родисель, бранить, жена навѣкъ опречься,
 Навѣкъ о немъ забвѣнь должны. Хоня бь
 Онъ у дверей просить дневнаго хлѣба,
 Или жаждою старая, въ знойный день,
 Молить поданъ зачекшейся горнани
 Единую воды спуденой кашлю:
 Не данъ ему ни нищи, ни нишья!
 И наконецъ, хоня бь онъ даже умеръ,
 Спирожайше всемъ запрещено его
 Похоронить, какъ подобаетъ людямъ;
 Но напрошивъ всякъ долженъ грѣшный шруть

Опбросятъ прочь, далеко отъ кладбища,
И намъ предашь на погребье неамь!

ШРЕНЯВИТЬ.

Ужасное проклятіе!

ПОСЛАНИЙ.

Снокрасть

Ужаснѣ злодѣйство, за какое
Имъ сражена высокая глава.

ШРЕНЯВИТЬ.

Высокая?

ПОСЛАНИЙ.

Первосвященствъ чуждъ
Въ рдженіяхъ своихъ лицепріянъ.
Суда вину, того не разбираетъ,
Что крестна она подъ багрянцей.

ШРЕНЯВИТЬ.

Кто жъ власнелннъ, сраженный громомъ смь?

ПОСЛАНИЙ.

Доселъ онъ быть могучимъ Королемъ,
Оннынъ же — ничто!

(Шренявитъ отступаетъ и отворачивается.)

Разнесся слухъ,
Что видѣли его бродящимъ здѣсь;
И въ свѣдѣніе сего, немедля, встоду
Разосланы Енискоюмъ прикасы,
Чтобы скорѣй очищена была
Епархія оныя сей заразы злобой.
Огнь не былъ ли у васъ? Едва ли еде
Нашеть бы онъ спокойнѣйшій прионъ.

АДАЛБЕРТЪ.

Нумень нашъ объ этомъ лучше знаетъ.

ПОСЛАНИЙ.

Коль былъ онъ здѣсь, и нынѣ знаетъ должень нѣко.

АДАЛБЕРТЪ.

Внѣ сколько динь о томъ извѣстно, сколько
Начальникъ нашъ знаетъ повѣсть.

ПОСЛАНИЙ.

Веди

Меня къ нему скорѣе.

АДАЛБЕРТЪ *Прислывитъ.*

До свиданья. (уходитъ.)

Ш Р Е Н Я В И Т Ь *одна.*

И пусть его наснитъ ужасный судъ!

Какъ воздухомъ, онвсюду окружень онъ,

Проклянемъ, котораго смыслъ грозный

Такъ холодно разсказанъ симъ посломъ.

О небо! онъ не зналъ, что каждымъ словомъ,

Онъ разрывать во мнѣ на части сердце.

Владыка мой! такаль слава міру

Повѣдаешь о имени швоемъ?

Онпринуный людьми, ты будешь днешь

Спрашилицемъ для всякаго, кто прежде

Вниманіе швое, улыбку, слово

Верховною наградою считалъ.

Какъ восхищенъ былъ шонъ, кому при встрѣчѣ

Пріязненно ты руку пожималъ!

Какъ счастливъ былъ, кто могъ хонъ чемъ нибудь

Тебѣ явить усердіе свое!

Теперь себя ни чей не встрѣшишь взоръ,

Ты не найдешь надежнаго пріюта,

Гдѣ бы могъ укрышь главу онъ непогодъ;

Не обрѣнешь чувствительнаго сердца,

Которое тебѣ бы сострадамо.

Твоимъ бѣдамъ обидно посмѣются!

Когда жь неба смерть позовешь, никно
Усердною рукой не створишь вѣждей,
Никно своимъ спрадальческимъ обманкамъ,
Последняго почтенья не воздасть!

*(Постоявъ некоторое время, ломая
руки и съ опущенною головою, ухो-
дитъ медленными шагами.)*

В. Щастный.

ВОЛОДИНЬКЪ КАРАМЗИНУ.

Володинька! впередъ шагаю,
Владимиръ будешь: дай - шо Богъ!
Но по свѣшу, мой другъ, гуляя,
Не замарай своихъ ны ногъ.

Про свѣшь нашу худо молвишь; больно;
Но хлебъ - соль ты, а правду режь:
Нашъ бѣлый свѣшь хонь бѣль довольно,
А грязи много. Спросишь: гдѣ жь?

Вонъ шумъ - шо ;
Узнаешь все, такъ будешь сдѣ.
Пока замечу: предъ тобою
Пропоншанный есмь селжій сдѣ.

Тебѣ жинейскій путь невѣдомъ;
Но дажь тебѣ открытый листъ.
За подписью отца; и следомъ
Слунай за шить, такъ выйдешь чистъ.

Ип. Вяземскій.

КЪ НЕЗАБВЕННОМУ.

Проси меня! я не умю
Твой взоръ небесный позабыть;
И образъ милой внаишь смю
Я въ сердце пламенномъ храню.
Нить! я любовь не называю:
Языкъ ея спрашиваю меня
Смиреной дружбой обожаю,
О незабвенный другъ, себя.

Въ просныхъ словахъ и безъ искусства
Открою тайну я свою;
Не разбирай, какое чувство
Теперь волнуешь грудь мою.
Когда себя я гдѣ встрѣчаю,
То къ сердцу бросаю вся кровь
Но, милый мой, я точно знаю,
Что это дружба, не любовь.

Иосень ли ны, — воспоминаеь
Къ минувшей радости влечень;
Но вѣрь, сей мигъ очарованья
И дружба скромная пойменъ.
Проси же мнѣ души волненья
И тайный вздохъ, и жаръ ланитъ;
Нынѣ! не любви но упоенья,
Но сердце дружбой лишь горитъ.

Е. Ти вг.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

БЕЗЪИМЯННЫЕ

ИЛИ

ДѢВА КАРЕЛЬСКИХЪ ЛѢСОВЪ.

(Отецъ — лѣсной житель — говоритъ дочери.)

... » Я говорилъ: *Любви* не спало,
 Я говорилъ тебѣ не разъ!
 При мнѣ ужь счастье оцѣввало
Тали у людей и онъ погасъ
 Огонь небесъ, огонь живнись,
 Который души ихъ пылалъ;
 Нхъ *ули* (разчепливый ловнись)
 Своимъ волшебствомъ обалтъ.
 Рабы условнаго сираданья,
 Они не знаютъ сладкихъ слезъ
 И изги сердца — сосираданья
 За шо теперь онъ прежнихъ розъ

Один лишь черны имъ осмателъ.
 При мнѣ еще, когда я былъ
 Съ людьми, они ужь изумлялись:
 Зачемъ вдругъ жарь къ добру просныль?
 Куда дѣвалось веселье
 Ощель, прожившихъ въ нишней?
 Вешуя, какъ будно, въ новоселье,
 И поемъ явнелъ старнелъ,
 Они забыли *прежнелъ* правель
 Цезлюбіе и проснопу:
 Вопили охощой въ нѣспону
 Условныхъ, прищорныхъ уснавовъ
 И полюбилъ суену
 И жадныхъ прихоней причуды.
 Не спало радосней быльелъ,
 Не спало жизни у живыхъ:
 Они, какъ праздные сосуды
 Вездѣ, во все ввели разченелъ.
 Сыны грѣха, сыны разврашна,
 Чесней алкаонелъ, щунелъ злана
 И спалъ жеснокъ и швердъ нхъ родъ,
 Какъ сей мешалелъ, имъ сполько чинимый! . . .
 Безъ жизни, — жизнию помимы;

Тоска живень у нихъ въ очахъ;
 Чино жь въ ихъ беседахъ? Чино въ речахъ?
 Все судъ надъ ближними! И, любимый,
 Ихъ умный, острый разговоръ —
 Насмѣшка, ѣдкихъ словъ наборъ,
 Облиный желчно укоръ.
 Гордись конями и убрашенномъ,
 Бывало, позванный на ширь,
 Какъ раззолоченный кумиръ,
 Приходишь гоеть съ холоднымъ чванствомъ:
 Съ приниженной лаской межъ собой
 Пустой привѣтъ они мѣняютъ
 И, будно званые на бой,
 И зло и зорко примѣчаютъ,
 Куда и гдѣ разить? У нихъ
 Въ ихъ празднествахъ, при мѣхъ бывалыхъ,
 Близили радугами залы,
 Книзло въ чашахъ пировыхъ;
 Но было чино-но все ушло,
 Быть велкъ студень и одинокъ
 И внайшь грустить, какъ мотылой
 Мершвецъ ошущенный на срокъ.
 Вѣрь мнѣ: у нихъ не спало сладкихъ,

Ирошныхъ, но свѣжихъ, пыльных чувствъ:
Вездѣ поддѣльный блескъ искусствъ,
И все разгаданы загадки;
Ихъ жизнь — прочитанный романъ,
Который повторять ужь скучно!
И слово: *счастіе*, имъ не звучно,
Оно для всехъ — былой обманъ!»

О. Гинка.

Л Ъ Ш І Й.

Въ часъ урочный полнолуны,
 Съ темныя лѣсомъ наравнѣ, —
 Говоритъ молва въщунья, —
 Кто-то бродитъ въ щинитѣ.
 Пономарь пройдетъ ли пѣшій,
 Царь пройдетъ ли верхомъ,
 Всякъ крестится молвитъ: »Дѣшій
 Загулялъ не предъ добромъ!«

Если подъ лѣсомъ двѣ слободки,
 Гдѣ, рѣзвясъ подъ вечерокъ,
 Пляшутъ парни и молодки
 Подъ волюнку и гудокъ.
 Тамъ шарикъ, сидя съ шарухой
 На травѣ передъ крыльцомъ,
 Говоритъ: »И я былъ ухо,
 Плясуномъ и молодцомъ! . . .

» Поминишь? Душо ма видали:
 То-шо дѣвка-кладь была!
 Щекы алыя пылали,
 Въ пласкѣ лебедемь пыла.
 Гдѣ жь шеперь моя воспируха,
 Какъ, бывало, въ красны дин?... »
 — » Эхъ! « промолвила шаруха:
 » Боже насъ оборони!
 Слышишь, по дѣсу хохочешь?
 Слышишь вой?... она ревень;
 Обойни себя, знашь, хочешь:
 Беретня — уведеть! «

Л. Илюбовичъ.

СТРАННИКЪ.

Я былъ вездѣ — я все узналъ:
 Нишъ въ мѣръ мѣсна, нишъ созданыя,
 Кошорыхъ глазъ мой не видалъ;
 Нишъ мысли, нишны, познаныя,
 Кошорыхъ умъ мой не вмицалъ —
 И спрасни нишъ, и нишъ желанья,
 Какихъ я сердцемъ не позналъ!

Что жъ мнѣ оставилъ гордый опытъ
 Ошъ всехъ познаній, чувствень, спрасней?..
 Безильный, безполезнаый ропощъ
 На все — ошъ праха до людей!
 Къ себѣ — холодную безличность;
 Къ уму — безверье и презорь,
 И спрахъ, что грозный приговоръ
 За жизнь мою написанъ — вѣчность!

Н. Стасе. 1067.

П. В. К.
(О Б Ъ П. В.)

Щекки изъжно-пурпуровы
У прелестницы моей;
Золотисты и шелковы
Пряди легкія кудрей;
Взоръ привѣтливо сіяетъ,
Разговорчивы уста:
Въ ней красуется, играетъ
Юной жизни полнота!
Но ея, во мракъ ночи,
Мой поваричъ, не зови!
Не целуй въ лазурны очи
Моцѣлуями любви:
Въ нихъ огонь очарованій
Носитъ дѣва-красота;
Соблазнительныхъ лобзаній
Не вшивай въ свои уста:

Нам нѣгу въ сердце вдуешь,
Мглу на разумъ наведешь,
Зацѣлуешь, околдуешь
И далеко унесешь!

И. Изикосъ.

ПѢСНЬ ДУХОВЪ ПАДЪ ВОДАМЪ.

(Изъ Гете.)

Душа чловѣка
Волнамъ подобна:
Съ неба низходитъ,
Спретившеся къ небу;
И вѣчной премьѣ
Обречена:
Снова должна
Къ землѣ обратившеся.

Съ крушой скалы
Бѣжитъ ручей
И влажной пылью
Сребритъ долины.
Но заключенъ въ предѣлы,
Съ журчаньемъ крошкимъ
Все шине, шине
Канувша въ глубь.

Круные ль утесы
Ему поставляютъ
Жь паденью препоны:
Непереливный,
Отъ пѣну вздымаешь
И льешься по нимъ,
Какъ по спускамъ,
Въ бездну!

Въ гладкой поснелъ, долину
Отъ пробьгаешь;
А въ зеркальномъ морь
Звѣздное небо горитъ.

Вечерь, моря
Кронкій любовникъ, —
Вечерь изъ глубины
Волны вздымаешь.

О душа человека!
Какъ волнамъ ны подобна!
О судьба смертныхъ,
Какъ ны подобна ветрамъ!

И. Станкевичъ.

С Т А Н Ц Ы.

Какъ глухо подъ золою черной
Везувій пламенемъ кипишь,
А надъ челою его пагорной
Буранъ все рушишь и валяешь;

Такъ, пораженъ грозой судьбины,
Въ душѣ спраснями закалёшь,
Я жажду, чиню, хощу мигъ единый
Принести душѣ оградный сонъ.

Онъ наступилъ, сей мигъ желанный;
Но не сбылись надежды сны:
Умъ молодой, непоспозанный
Не перинилъ сердца нишкны.

Какъ блѣдный пламень въ оплаленъхъ
 Сырой, болотистой глуши,
 Горитъ одно воображенье
 Надъ холодной бездною души.

Я чувствую въ сея молчанъхъ
 Могильный вракъ и пустошу;
 Оплаине жъ мнѣ мои спрадшья:
 Я съ ними чувствено обрешу.

Такъ кормчій, долгою борьбою
 Съ волнами, въпрямь, — ушомлѣнъ,
 Взываетъ къ небесамъ съ мольбою
 И вдругъ стихаетъ вихрей стонъ:
 На волны сходитъ мерный сонъ.

Виситъ упорное въпрямь,
 Ладья спонитъ въ пустынь водъ;
 И пушникъ, снова приунылой,
 Молелья прежнія кланитъ.

Кн. А. Мецкерскій.

П О Л Н О Ч Ь.

Часъ глубокаго молчанья,
Меривый часъ, полночный часъ!
Что естественное шакъ дыханье,
Голосъ замерь, взоръ угасъ?
Нишь прервалась размысленья,
Кровь засныла, умъ во шнмъ,
И только привидѣнья
Что - то въ уши шепчуть мнѣ
Боже! то былая повесть!
То, проснувшись въ первый разъ,
Палела на душу совесть
Въ меривый часъ, въ полночный часъ.

Д О С В И Д А Н І Я.

Прости! какъ грустно это слово!
 Когда швердимъ его друзьямъ,
 Съ нимъ сердце выскочитъ гонимо,
 Пль разорваться пополамъ.

Какъ много скорби безнадежной,
 Какъ много слезъ шаншея въ немъ!
 Завѣшь разлуки неизбежной,
 Привычекъ сердца переломъ, —

Оно намъ подтверждаетъ грозно,
 Что наше все и мы на срокъ;
 Что въ кругъ нашъ, рано или поздно,
 А вломится желѣзный рокъ;

Что слово: *вѣстять*, здѣсь непрочно,
 Какъ *радость*, синонимъ его;
 Что часто *лучше* заочно,
 Что смерть есть въ жизни цель всего.

Разлука — смерть, и смерть — разлука:
Когда мы говоримъ : просни!
Кто сердцу бедному порука,
Что вновь сойдемся на нуши?

Что эиопъ звукъ — живое слово,
Не роковой, надгробный гулъ,
Который хладно и сурово
Раздался въ сердце и заснулъ?

Что есть грядущее въ ной речи,
Что онголосокъ ей гововъ
Въ привннвъ сердцемъ жданой встрети,
Красноречивой и безъ словъ?

Пить, въ неизбежный часъ прощанья,
Шокоя поощую грудь,
Мы лучше скажемъ: до свиданья!
А тамъ, что Богъ дастъ, но и будь.

Кн. Вяземскій.

У Т Ъ Ш Е Н И Е.

(Изъ А. Шенке.)

Мы любимъ высказанъ сираданія свои,
 Какъ влага быстрыхъ нучь минушно освѣжаетъ
 Несаной снени зной, такъ мученикъ любви
 Цѣлебной жалобой боль сердца усаждаетъ:
 Вѣрленъ ли печаль онъ избраннымъ друзьямъ,
 Подобно какъ и онъ любимымъ въ дни былые;
 Внимаонъ ли его болезненнымъ словамъ
 Одиъ скалы, лѣса, или волны голубыя.

III — б — 2.

Э Л Е Г И Я.

Не долго, съ инстинной сердечной,
Но роцямъ Царскаго села
Бродилъ я, юноша безнечной,
И жизнь волною скоропечной
Но ложу свѣтлому шекла;
Не долго сны златные дни
Съ улыбкой вилсъ надо мной
И, чуждый творческихъ волнѣй,
Не долговъ быть души покой.
Пришла пора: Камень призывы
Я слухомъ чуткимъ уловилъ,
И вдохновенія порывы
Душою девственной вкусилъ.
Казалось, жизнью двойною
Забилась грудь моя, когда
Огнемъ небеснымъ надо мною
Зажглась поэзи звезда:

О, какъ доверчиво, какъ жадно
 За ней востыдъ помчался я,
 И какъ мучительно-опрадно
 Она превозжила меня!
 То въ ужасъ снхійшихъ споровъ
 Являлась мнѣ, какъ нѣкій духъ;
 То звуками незримыхъ хоровъ
 Ласкала, чаровала слухъ,
 И предъ очами разсыпала
 Волшебныхъ образовъ черны:
 Душа поэма ликовала
 И, будно въ небѣ, уподала
 Въ разливахъ радужной мечны
 Но гдѣ жь покой безмечной жизни?
 Гдѣ беззаботность прежнихъ лѣтъ?
 Увы! не внемля укоризнѣ,
 Изчезли вы . . . осмыслъ и следъ!
 .Тинь ны, небесъ благословенье,
 Надежда! другъ-хранитель мой!
 .Тинь ны въ грядущемъ ондалены
 Сумни мнѣ дней былыхъ покой.
 И верю я: воспорговъ муки
 Мнѣ принесуть желанный плодъ,

И эти образы и звуки
Одно созданье обоймешь;
Душа съ покоемъ вновь сроднилась
И въ томъ созданьи оиразнилась,
Какъ небеса въ зеркаль вѣду.

АНТОЛОГИЧЕСКОЕ ЧЕТВЕРОСТУПЬЕ.

Гимны любви по внушенію Музы въ шипшиъ я
слагаю;
Но, лишь о Дельвигѣ я грустную пѣснь по-
веду —
Чувствую: слезы въ очахъ, живонворной вліяніе
безмерныхъ
Музы! знаешь память о немъ вамъ, какъ и
дружбѣ, мила!

М. Деларю.

П С А Л О М Ъ 103-й.

О, пой, играй, моя душа,
Благословляй Творца природы:
Его земля такъ хороша!
Такъ ясны зеркальныя воды!
Такъ спройны свежіе лѣса!
И величіемъ чудеснымъ
Его блистающъ небеса.
Искусствомъ дивнымъ, неизвѣстнымъ
Прощеръ Онь небо какъ ищеръ,
Облечинь Самъ, какъ ризой, свѣтомъ;
И, какъ монисны, цѣпи горъ
Украшиньтъ роскошнымъ лѣномъ,
Онь въ ожерелье дать земль!
Скруглишь лазоревые своды,
И, живописно, какъ въ спеклѣ,
Собралъ и держишь въ высяхъ воды.

Снизлась изъ вышнихъ облаковъ
 Ему чудесно колесница —
 И алой дешиною дешица
 У позолоченыхъ краёвъ
 На синій небосклонъ ложится . . .
 Порой, на крыліяхъ вѣтровъ,
 Надъ бурями, *Онь*, дивный, мчишься,
 И быстрый вѣтръ не обленитъ
 Полена Ангеловъ посыльныхъ,
 И изъ огня Себѣ шворнишь
 Онь слугъ шмочисленныхъ и сильныхъ,
 О, какъ Ты землю утвердилъ!
 Сношишь ей въ вѣчности съ надеждой!
 И бездной Ты ее покрывъ
 Какъ величавою одеждой.
 Когда жъ Ты, Боже! загремишь
 Разкашъ морей, князъ, мчишься,
 Но ось земли не пошатнётся,
 Доколь Ты. Сильный, не велишь;
 И все хранимое Тобою,
 Твоей содержанна судьбою! —
 Ты положишь *всему* предѣлъ:
 Ничто его не переходитъ.

Разумный жинель красныхъ селъ
 И дикій зверь дубравъ приходишь
 Иши воды и прохладу водъ.
 И, подъ дубравою вышвншой,
 Съ своею пѣснью голосеной
 Пернатый гвздинся народъ.
 Ты дажь намъ золотиа швы
 И умацающій слей;
 И винограда сокъ игривый
 Съ нимъ сердце бьенелъ веселый.
 Бьжишь надъ пропаснио смьло
 Младая серна по горв;
 И угвздился кроликъ бьлый
 Во мнисно - камениой норь.
 Твоя луна въ свой часъ урочный
 Идеть, какъ спражь, на небеса;
 И въ часъ покоя, въ часъ полночный,
 Ты внемлешь ревъ и голоса
 Къ Тебь зверей, просящихъ пищи,
 Твоя любовь имъ кормъ даешь;
 Но лучъ разсвѣта чушь мелкнеть,
 Сгьшашъ въ дубравны договища.

Тогда выходишь человекъ
 Съ своею спутницей — заботой;
 Но краснѣе оны земной своей вѣкъ
 Трудомъ, искусствомъ и работою.
 О, какъ не цѣнь Твои дѣла!
 Твоя земля полна красами
 И подъ Твоими небесами,
 Тиха, покойна и свѣтла
 Она колышется въ лазури:
 Воздвиги и надъ нею бури,
 И въ нихъ шоржесивенней она!
 Но кто, шаясь, залезъ у дна
 Морей, подъ голубые своды?
 И гдѣ пучины глубь полна?
 Тамъ чудь и рыбъ морскихъ народы
 Живунтъ, какъ въ области своей;
 И рѣжутъ лоно Оксана
 Ряды могучихъ кораблей;
 Ты сошворишь левиаѳана!
 Среди необузданныхъ морей,
 Силачь, никель не побѣжденный,
 Дуляя, мечетъ изъ поздрей
 Слонами бисеръ. Но, смиренный,

Передъ Тобою, онъ Тебя
 Своимъ ренивымъ сердцемъ знаетъ;
 И, какъ пишанеля любя,
 И онъ съ шолной подводныхъ часинъ
 Доколь, въ урочной ихъ поръ,
 Ты данъ имъ кормъ — и, насыщенный,
 Игривымъ бѣгомъ уномленный,
 Починъ въ водномъ серебрѣ.
 Какъ все живешь, какъ все блистаетъ
 Онъ взоромъ сладосныхъ Твоихъ . . . ,
 Но онъ врани лице . . . и вмигъ
 Все вяснъ, сохнъ, умрассъ
 Оннменъ духъ — и плодъ во прахъ!
 Когда жъ повѣшь — молодень
 Земля въ пльнншельныхъ красахъ!
 Моя душа благоговѣнъ
 Передъ Тобой: блеснуть Твой взоръ —
 И гнущя въковыя кедры,
 Земли разколыхались пѣдры
 И дымъ рвками бьенъ изъ горъ!
 О, буду я, до вѣка буду
 На лрѣ Господу бряцанъ:
 Его щедроны не забуду,

Его прославлю благодать!
Когда бы песню прилиной
Ему угоднымъ стать и я!
Какъ паръ отъ дуга ароматный
Песень душа и жизнь моя!
А вамъ, о грѣшныхъ родъ надменной,
Не грѣсьте бѣ солнцемъ золотымъ!
Не вамъ, однимъ сердцамъ простнымъ
Владѣть землею обновленной.

О. Глинка.

Л Ю Б О В Ь.

Любовь — небесъ святое слово!
Лишь для тебя воскресну вновь,
Меня душой возвысить снова
Одна любовь, одна любовь.

Съ моею душею уполенной
Я не снесу земныхъ оковъ,
И призиришь меня съ вселенной
Одна любовь, одна любовь.

Меня помини земная земля:
Какъ дымъ, взлечу до облаковъ
И принесу на новоселье
Одну любовь, одну любовь.

Н. Тютчева.

К. А. М. П. Н. Ъ.

Когда, покинувъ столь рабочій,
Мы вмѣстѣ сядемъ у огня,
И вдохновенныя очи
Она подниметь на меня,
Тогда, забывъ полночный холодъ,
Тщесу и скуку бынія,
Я гордо чувствую: я молодецъ,
Мила мнѣ жизнь, мужчина я!

В. Щастный.

З П М А.

Смопірю на снѣжныя пустыни:
Лежишь, какъ въ саванѣ, земля;
То смерти видѣ, символъ священни,
Символь другаго бытія.

Не все съ собой возьмешь могила,
Не все зима мервшннѣ въ поляхъ:
Проснешся жизненная сила,
Проснушея мершвыя въ гробахъ,

Л. Якубовичъ.

М О Е Й З В Ъ З Д Ъ .

Звезда моя! свѣтъ предреченныхъ дней!
Твой путь и мой судьба сочелася;
Твой лучъ, свѣтъ, звучащій въ душѣ моей,
Въ небѣ она завѣнное чинилась,
И жаръ ея, швой ошблескъ вѣрный здѣсь:
Гори, гори — не выгоритъ огъ весь.

И молнии и лучи непредимо
Текутъ, скользящъ по свѣтну швоему
А ны все на жь!... Чисна, неугасима
Сочувствующъ ны сердцу моему:
Такъ въ брачный день встрѣчаются два взора,
Такъ въ цѣли ошвѣщенуютъ два хора.

Звезда страстей, безъ суеанныхъ наградъ,
 Преданности, участій сердобольныхъ,
 Болоней, слезъ, младенческихъ опрадъ,
 Звезда надеждъ, звезда порывовъ вольныхъ,
 Заботъ души, сроднившихся со мной,
 Звезда моей мелодіи живой!

Звезда моя! . . . Молю мольбой завѣна:
 Когда въ очахъ, померкнувшихъ любя,
 Зовущій лучъ ужъ не найденъ онѣвна,
 Молю, чѣпобъ ны, пріявъ мой жаръ въ себя
 Савня на швахъ, кого я здесь любила,
 Хранящій взоръ собою замѣнила.

К. З. Волконская.

Б В С Ы.

Мчався тучи, выюлся тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ мракъ лентучій;
 Мушно небо, ночь мушна.
 Ёду, ёду въ чисномъ полѣ;
 Колокольчикъ динь - динь - динь
 Спирально, спирально по-неволе
 Среди невѣдомыхъ равнинъ!

Эй, пошеть, ямщикъ! . . . »Плеть мочи,
 » Конямъ, баринъ, шажело;
 » Выюга мнѣ слншаетъ очи,
 » Вѣв дороги запесло;
 » Хошь убей, слѣда невидно;
 » Сбилнсь мы, Чино дѣлашь намъ!
 » Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
 » Да кружинъ по споронамъ.

» Поэмопирн: вонъ, вонъ играешь,
 » Дуешь, плюешь на меня;
 » Вонъ — шеперь въ оврагъ толкаешь
 » Одичалаго коня;
 » Тамъ верешною небывалой
 » Онъ торчалъ передо мной;
 » Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
 » И пропалъ во шмъ пусшой.»

Мчался тучи, выюлся тучи;
 Невидимкою луна
 Озаряетъ снѣгъ лесуцій;
 Мутно небо, ночь мутна:
 Силь намъ нѣтъ кружиться долъ;
 Колокольникъ вдругъ умолкъ;
 Кони спали Чшо шамъ въ полъ? —
 » Кшо ихъ знаешь? день иль волкъ!«

Выюга злился, выюга плачешь;
 Кони чужкіе храняшь;
 Вонъ ужъ онъ далече скачешь,
 Лишь глаза во мглѣ горяшь;

Кони снова понеслися;
 Колокольчикъ динь - динь - динь
 Вижу; духи собралися
 Среди бѣвующихъ равнинъ.

Безколесны, безобразны,
 Въ мушной мѣсяца игрѣ
 Закружились бѣсы разны,
 Будно лисеня въ Полябрь,
 Сколько ихъ! куда ихъ гоняишь?
 Чшо такъ жалобно поюишь?
 Домоваго ли хороняишь,
 Вѣдму ль замужъ выдаюишь?

Мчашся тучи, выюишь тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаешъ свѣтъ лептучій;
 Мушно небо, ночь мушна.
 Мчашся бѣсы рой за роємъ
 Въ безпредѣльной вышини,
 Визгомъ жалобнымъ и воемъ
 Надрывая сердце мнѣ

А. Пушкинъ.

 THE BLUE STOCKINGS.

Прилично предъ роднымъ Пеняномъ,
 Скипальца носохъ положивъ;
 Прилично дядюшкой Филапомъ
 Скорый Плутона угостивъ.
 Прилично старую кокешку
 Сарказмомъ горькимъ размержавъ:
 Прилично милую соседку
 Женой - хозяйкою назвавъ.
 Прилично также, въ часъ разлуки
 Ея субренку, ради скуки
 Развѣянно поцѣловать. —
 По чепчикъ, полный мистицизма,
 Полинники и романтизма,
 Всего приличней попрепанъ! . . .

В. Телляковъ.

**БОЙ ЧАСОВЪ
НА СПАСКОЙ БАШНѢ.**

Какъ часно, вечеромъ часовъ услыша бой,
О Кремль! съ высотъ швонъ священныхъ, —
Я пренесу средь помысловъ надменныхъ!
Невольнымъ ужасомъ, мольбой
Исполнена душа и, минися, падо мной
Внимаюгъ шени незабвенныхъ!

Въ сихъ звукахъ жизнь, сей гудъ краснооръчивъ!
Въ немъ слышнися оицекъ завѣтъ великій;
Ихъ замогилый гласъ, ихъ неземные клики
И прошлыхъ лѣтъ задумчивый оицекъ.

И. Станкевичъ.

К Ъ * * *

ПРИ ПОСЫЛКѢ ТЕТРАДИ СТИХОВЪ.

Съ младенческа душой свободной
Я льстивыхъ пѣсень не слагалъ,
И идоламъ молвы народной
Даревъ Камень не предлагать:
Служилъ лишь божеству: и нынѣ
Несу шебъ мой мечны,
Какъ вдохновенной богини
Умъ, любви и красоны.

М. Деларю.

Д В А Ж Е Л А Н І Я.

I.

Не богатствами Пакшола
Я бы друга надвѣлтъ,
Не сіянемъ преснола
Жизнь его бы озарилъ.

Внѣшь! — Но я желать бы другу
Мирный кровь въ землю родной
И прекрасную подругу
Съ возвышенною душой.

Умолялъ бы Міродержца
Внѣшь взаимную въ нихъ спраспъ,
Да любящія два сердца
Покорнишь Гимена власпъ.

И свяное упованье,
Подъ охраной мѣлыхъ узъ
Озаря существованье,
Да скрываетъ ихъ союзъ!

2.

Всепородному позору
 Я врага бы не предать
 И судьей бы не быть спору
 Обвинительный князь.

Нить! — Не знимь сопослану
 Опомнень бы я за зло:
 Жесточайшую ошману
 Сердце бы ему наплю.

И бы сналь молниесь аду
 И охонно бь ондать я
 Замогильную патраду,
 Паслажденья бышя:

Чнобь любви безъ раздвсенья
 Онь изведань муки мось
 И чнобь взорь пренебреженья
 Быль оневнь ему на вздохъ!

В. Шастный.

СОЗЕРЦАНІЕ.

Зашихаетъ ли кругомъ мѣл превога,
 Оставшись, безъ суеты, одна,
 Чудесной сладостью полна,
Моя душа; — Ей кажется — Она,
 Какъ будно чувствуешь, какъ будно видишь Бога!
 Въ неисповѣдливой глубинѣ Его святцы;
 Тамъ все *устройство и порядокъ*;
 И, въ шпй безбрежности лазоревыхъ пустынь,
 Живнпелень, какъ жизнь, какъ мысль о раѣ, сладокъ
 Неослаемый зорь!

То вѣчное Царство святой благодати
 И вѣчный почіенъ намъ миръ!
 Лишь весело идуть небесныя рапи,
 Какъ госни на брачный, шоржеспвенный пиръ,

Звуча мускѣйно златыми крылами,
 Изикавъ изъ зари знаменѣ;
 Гармоніей спрунъ ихъ и уснѣ ихъ хвалами,
 Какъ чаша едемъ, полна вышнина,
 И мужи свящые, обличные кровью
 Въ мученьяхъ за Вѣру, съ вѣнцемъ на чель,
 Завидѣвши Бога, какъ въ леномъ спеклѣ,
 Тренещунъ въ восшоргѣ; но шайной любовью
 Невольно влекунся къ шуманной землѣ.
 Тамъ грущины, унылы
 Шинномцы спрасней,
 Тамъ смерпъ и могилы:
 Въ шревогъ зашѣй,
 Безумешвуютъ, гублянъ,
 Не вярпъ, не люблянъ,
 Земные сыны.
 И дни ихъ пустыя
 Тоскою полны;
 Напрасно *святые*
 На нихъ съ вышнина
 Заботно взираюнъ
 И ихъ вразумляюнъ
 Въ видѣньяхъ и снахъ:

» Покайтесь! придите: у насъ въ вышнихъ,
» Такъ весело! чудно! « —
Какъ шлжно, какъ прудно
Къ добру обратитесь!
Заушавшись въ сѣни,
Злоправная дѣши,
Они разшибаютъ цѣлебный сосудъ,
Консрый подноситъ имъ врачъ-посѣтитель.
Такъ сине жь! покуда земную обителъ
Подземные громы въ куски разшибутъ
И явится грозный Владыка на судъ!

О. Глинка.

ЛНЗАНЬКЪ ДЕЛЪВНГЪ.

Спи, младенецъ, спомъ прекраснымъ!
Надъ возглавиемъ пивонимъ,
Опъ невзгоды безопаснымъ,
Наклошися ликомъ яснымъ
Среброкрылый Херувимъ.

О! повѣрь мнѣ: нежно любилъ
Опъ пинюмицу свою
Спужа мнѣ не стубилъ:
Опъ взлетѣлъ, опъ взголубилъ
Юноснъ спую нвою...

Но, крылатый небожитель,
Эпюпъ ангелъ — кто же онъ?
То угасшій нвой родилъ:
Онъ сленгелъ въ нвою обншелъ
Усладинъ младенца сонъ.

Я узналъ его! свѣтъ свѣтъ
Та жь любовь въ его очахъ;
Грудь вспоргомъ пламенѣтъ
II улыбка неги мѣнетъ
Въ гармоническихъ устахъ.

О, да будешь же съ тобою
Онъ вѣкъ! и ныи пройдешь
Жизни нушь добра снесѣю,
II вселюбящей душою
Небо на земль найдешь.

М. Деларю.

ПРЕДОПРЕДЪЛЕНІЕ.

Благоуханьемъ роза дышетъ,
Созвучьемъ дышетъ соловей,
Хотя никто его не слышитъ,
Никто не радуется ей.

Печально горлица воркуетъ
На свѣтломъ праздникъ весны;
Луна запылитъ лучемъ цѣлуетъ
Лѣсовъ пустынныхъ глубины.

Такъ безкорыстенъ, безопеченъ
Въ своихъ явленіяхъ поэтъ;
Онъ объ успѣхъ беззабоженъ,
Равно ему: есть цѣль, или нѣтъ.

Надъ нимъ минушнаго вліяня
Всесилецъ роковій законъ:
Безъ думы, скорби нль вниманья
Посиць, спрадастсь, любить огиь.

Лн. Вяземскій.

А. А. ДЕЛЬВИГУ.

Тамъ, гдѣ карпинио обгнбая
Брега, одыши въ гранинѣ,
Нева, какъ небо голубая,
Широководная шумннѣ,
Жилъ - былъ поэтъ. Въ соблазны міра
Не увлеклась душа его;
Ни въ чемъ не видѣлъ онъ кумира
Для вдохновенья своего
И независная лира
Чужда была спрашнямъ земнымъ,
Звуча нашіемъ святымъ.

Любовь онъ пѣлъ: его патѣвы
Блнскани спройносною живою,
Какъ резвый спанъ и перен дѣвы,
Олимпна чашницы молодой.
Онъ пѣлъ вино: прюстой и ясной
Спнхи воспоргъ одушесалтъ;

Они звѣли сладкогласно,
 Какъ въ шумъ вольницы прекрасной
 Фіалъ, цѣлующій фіалъ;
 И дѣвы рускія приспирасно
 Ихъ повнорнонъ — и познъ
 Счаснливъ на много, много лѣтъ!

Таковъ онъ былъ, хранимый Фебомъ,
 Душей и зррой древній Грекъ. —
 Тогда гулялъ подъ чуждымъ небомъ
 Снуденнъ и русской человекъ;
 Тамъ быспро жизнь его млада,
 Разнообразна и свѣтла
 Дилась. Тамъ дружба удалая,
 Его уча и ободря,
 Своимъ пророкомъ назвала,
 И на добро благословля,
 Цвѣнуцимъ хмелемъ убрала
 Вселоснъ гордаго чела.

Ей гимны пѣлъ онъ. Громки были!
 На берегъ царственной Псы
 Не разъ, не два ихъ приносили
 Уста кочующей молвы.

И шонгъ познъ чисносердечно
 Ихъ гимномъ здравествовалъ своимъ,
 Ужь пѣнъ его. Главой безнечной
 Онъ шума жизни скоронечной,
 Изъ міра, гдѣ все прахъ и дымъ,
 Въ міръ лучній, въ лоно жизни вѣчной
 Онъ перелетъ. Но лиры звонъ
 Намъ навсегда оставилъ онъ.

Внемли же пѣнъ, пѣнъ поэта,
 Пѣвцу, чью лиру онъ любилъ,
 Кому щедроны бога свѣна
 Онъ въ добрый часъ предвозвѣстилъ.
 И счастливъ ими! Вдохновенъ
 Ужь спали жизнию моею!
 Прими сей гласъ благодаренья!
 О! пусть мой стихомворенья
 Изъ милой памяти людей
 Уйдунъ въ неспосный мракъ забвенья,
 Все, все! Но лучшее одно
 Да не погубишь: вошь оно!

Н. Языковъ.

СРАЖЕНІЕ СЪ ЗМЬЕМЪ.

Чѣло за престога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны
народомъ;
Мчались толпами, вопяишь, шумяишь. На конѣ величавомъ
ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ шацунъ
Мериваго змѣя съ кровавой, разинушой пастью;
всѣ смотряишь
Съ радоснымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ
невольнымъ на змѣя.
»Вонъ!« говоряишь: »посмотриишь, шонъ врагъ,
онъ конорого еполько
Времени не было здѣсь ни епатамъ, ни людямъ
проходу.
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ
выиши
Въ бой всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ:
вонъ тамъ спасишель;

Слава ему! — И въ слѣдъ за молодымъ побѣдше-
лемъ идушь

Всѣ въ монастырь Иоанна Крестителя, гдѣ Иоан-
ниновъ

Быль знаменитый Капитулъ собранъ въ то время.
Смирно

Рыцарь идетъ къ престолу Магистера; шумной
шолою

Ломится слѣдомъ за нимъ въ палану народъ. Пре-
клонивши

Голову, юноша такъ говоритъ начинаещъ: «Владыка!
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разорилъ
Родосса,

Многую бинишь; безопасны дороги для пушиковъ; смѣло
Могушь снада выгоняшь пашухи; на молвицу
Можешь безъ страха шеперь пилигримъ къ чудо-
творному лику

Дѣвы Пречистой ходишь. « — Но съ суровымъ
опивенсповалъ взглядомъ

Спиротій Магистеръ: »Сынъ мой, подвигъ отваж-
ный съ успѣхомъ

Ты совершилъ: отважность рыцарю чести. Но
опивенспуй:

Въ чемъ обязанность первая рыцарей, вѣрныхъ
Христовыхъ

Служь, Христианства защитниковъ, въ знакъ сми-
ренья посланныхъ

Крестъ Иисуса Христа на плечахъ? « То зрители
вземли,

Все оробѣли. Но рыцарь, красясь, ошвыщивовалъ:
»Первый

Рыцарскій долгъ есть покорность. « — »И рыцар-
скій долгъ сей

Нынѣ ны, сынъ мой, нарушилъ: ны мной запре-
щенный

Подвигъ дерзнулъ совершить. « — »Владыка! сперва
благосклонно

Выслушай слово мое, попомъ осуди. Не съ стѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнишь хонгьль: одной осторожной
Хитроснью мнѣ одержать я побѣду. Пять бла-
городныхъ

Рыцарей нашего Ордена, честь Христианства, по-
гибли

Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей
подвигъ:

Мы покорились. Но душу мою нестерпимо шерзали
Бѣденыя гибнущихъ браній; стремленье спасти
ихъ помимый,

Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сра-
женья

Съ змѣею; и все какъ будно бы чудилось мнѣ,
чно небесный

Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: *держай!*
и дерзнуть я.

Воню что я мыслялъ: »Ты рыцарь; однихъ ли
враговъ Христіанска
» Долженъ швой мечъ поражать? Твое назначенье
святое:

» Быль защитникомъ слабыхъ, счастье опъ го-
ненья гонимыхъ,

» Грозныхъ чудовищъ разить. Но дерзкою силой
некусиво,

» Мужествомъ мудрость должны управлять. « И
въ такомъ убѣжденіи

Долго себя я готовилъ къ опасному бою, и часто
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я найкомъ подхо-
дилъ, чинобъ заранѣ

Съ сильнымъ врагомъ ознакомишься; долго обдумывалъ средина,

Какъ мнѣ врага побѣдишь; наконецъ вдохновеніе свыше

Душу мою просвѣтило: найдено средина! сказать я въ радости сердца. Тогда у тебя позволенія, владыка, Я изростишь посвященіи ошеческій домъ мой. Угодно было тебѣ меня опустосинишь. Переплывъ безопасно Море к на берегъ вынесть, въ ошеческомъ домъ не
веди

Спаль къ предпринятому подвигу все я готовишь.

Искусивомъ

Сдвигать были змѣй, подобный шому, копорого образъ Врзался въ память мою: на коронныхъ ланахъ
громадой

Тяжкое чрево лежало; хребенъ, чешую покрывшій, Крушо вздымался; на длинной, гривистой шеѣ
шорчала

Паспью зіяя, зубами грозя, голова; изъ опверсныхъ Челюстей опспрымъ конемъ выснавлялся языкъ,
и змѣиный

Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будпо-
готовый

Вдругъ обхвативъ вѣдока и коня, задушилъ ихъ
обонхъ.

Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ приученныхъ, я выбралъ, и мини-
мага змѣя

Ими правилъ, чпобъ привыкли онъ по одному кланку
Зубы вонзая въ непокрытое броней чешуйчатой
чрево,

Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской породы,
Я усеремлялся на змѣя, и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ мещани коня упражнялъ. Сначала
онъ спреха

Конь мой, храня, на дыбы спановился, и выли собаки;
Но наконецъ побѣдило мое постоляничество ихъ робоснъ.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь.
Вонъ зреній

День, какъ приспалъ я къ Родоссу. О новыхъ бед-
снвѣяхъ вѣспи

Душу мою возмутили. Горя непернѣишемъ кончили.
Дѣло начатое, служъ моихъ я зову, и ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не ска-
завшись,

Бду опыскивашъ змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню,

Къ коей опведоду приходилъ молился народъ:
на ушесъ

Въ дикомъ мѣстѣ она возвышалася; образъ Пре-
чистой

Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно входить на ушесъ, и досель сей путь быть
опасенъ.

Тамъ, у подошвы ушеса, въ норѣ, недоступной сіяно
Дня, тѣдился чудовищный змѣй, енорожа про-
ходящихъ:

Горе тому, кто дорогу шерялъ! изъ темной пещеры
Врагъ изноргался, добычу ловилъ, и се въ свой глубокій
Логъ увлекать на пожранье. Въ ту часовню Пре-
чистой

Дѣвы пошелъ я; тамъ палъ на колѣна, усердной
мольбою

Въ помощь Заслупицу призвать, въ грѣхахъ при-
несъ покаянье,

Тамъ Святыхъ причастился; помошь, соединивъ
съ ушеса,

Даны надѣть, взять мечъ и конь, и раздавъ приказанья
Служникамъ (конь велѣлъ дожидаться меня близъ
часовни),

Съѣзъ на коня, поручилъ Вездѣсущему Господу Богу
Душу мою, и повхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почувши змѣя,
Подняли поздри, а конь захранѣлъ и панихнѣлъ
началъ:

Блещущимъ свившимся клубомъ, вблизи онъ грѣлся
на солнцѣ.

Дружно и смѣло помчался въ бой съ нимъ собаки;
но съ воємъ

Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшись быспро,
Вдругъ онъ разинулъ огромныя челюсти, ихъ ядо-
внымъ

Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ
поднялся на лапы.

Крикъ мой собакъ ободрилъ: онъ вѣдпнлся въ змѣя.
Сильной рукой я бросаю коня; но, ударясь въ
чешуйный,

Кривикій хребенъ, оно, какъ шонкая шроснь,
оплелъо;

Новый ударъ я ситшу нанесни; но испуганный
конь мой

Бышено стать на дыбы; разкаленные очи, зѣянье
Пашни зубастой, и свистъ, и дыханье палющее змѣя

Въ ужасъ его привели, и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнуть я съ седла,
и въ сраженье

Нышій всунуль съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ
мой напрасно

Колемъ и рубинъ: какъ спалъ чешуя. Вдругъ
змѣй, разъярившись,

Сшибъ меня съ ногъ ударомъ хвоста, и самъ надомною
Спраннымъ снолбомъ подиляя; и уже рознворить
онъ огромный

Звѣзъ, чинобъ зубами списнуль меня; но въ это
мгновенье

Въ чрево его, чешуей непокрытое, врылись собаки:
Взвиль онъ онъ боли, и бешено началъ киданься . . .
напрасно!

Списнувши зубы, собаки повисли на чревѣ. По-
сѣбно

На ноги спавъ, я бросаюся къ нимъ, и мечъ мой
воцплся

Въ самое чрево чудовища: хлынула чернымъ по-
шоккомъ

Кровль; согнувшись въ дугу, онъ гранулся о земь,
и тяжкимъ

Тѣломъ меня опрокинувъ, издохъ надо мною. Не
помню,

Долго ль безчувственъ подъ нѣмъ я лежалъ; глаза
открываю:

Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвижень.»

Рыцарь, докончивши повѣсть свою, замолчалъ. Раз-
дался

Зрѣокіе вѣлки; дрогнули своды палаты отъ гула

Рукоплесканій, и самые рыцари Ордена, вмѣстѣ

съ шумной толпой, возгласили: » хвала! « Но Ма-
гистеръ,

Спорого нахмуривъ чело, повелѣлъ, чинобъ все за-
молчали —

Все замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдишело:

» Змѣя,

Долго Родосъ разоряшаго, ны поразишь, благо-
родный

Рыцарь; но, Богомъ являя народу, врагомъ ны
явился

Нашему Ордену: въ сердце нивошь поселился опи-
ньшъ

Змѣй, ужасный шобою сраженнаго; змѣй, оправни-
тель

Сердца, съятесть смуть и раздоровъ, презришель
 смиренья,
 Недругъ порядка, древній губитель земли. Бышь
 опважнымъ
 Моженъ и врагъ поганый Христа, Мамелокъ;
 но покорность
 Есть однихъ Христіанъ досюняе. Гдѣ Самъ
 Искушитель,
 Богъ Всемоудній смиренно смирять поношенъ и
 муку,
 Тамъ вешарину основали оицы иани Орденъ свя-
 щенный;
 Тамъ, облачая Крестомъ, на себя они возложили
 Долгъ, труднѣйшій изъ всехъ: *свою обуздывать*
волю.
 Суепоной славой ныль былъ обольщенъ: удаленъ; ты
 оинилъ
 Нашему братству чужой: кно Господисе иго опи-
 ривуть,
 Тотъ и Господнимъ Крестомъ себя украшашъ
 недостоинъ. «
 Такъ Магистеръ сказалъ, и въ шолъ предполь-
 шилъ поднялся

Громкій ропотъ, и рыцари Ордена сами владыку
Спали молишь о прощеньи; но юноша, молча, по-
шупивъ

Очи, слялъ спанчу, у Магистера спрогую руку
Поцловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
Гнѣвный смягчился судья, и, назадъ осужденнаго
кроткимъ

Голосомъ кликнувъ, сказалъ: » Обними меня, мой
доснойный

Сынъ: ты победу теперь одержалъ, трудитѣйшую
первой.

Слова сей Крестъ облачи; оръ твой: оръ награда
смиренью.»

В. Жуковскій.
